

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СТАРАГО ЭРИВАНЦА.

(1832—1839 гг.)

ВНОГІЕ на Кавказѣ до сихъ поръ еще помнятъ моего отца, Аполлинарія Оомича Рукевича, служившаго здѣсь въ войскахъ непрерывно отъ начала тридцатыхъ до конца восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія и умершаго въ чинѣ генераль-лейтенанта болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ.

По настоянію близкихъ лицъ, онъ началъ писать свои воспоминанія объ этой героической эпохѣ, но, къ сожалѣнію, не докончилъ ихъ. Однако почти законченный періодъ пребыванія солдатомъ представляетъ нѣкоторый историческій интересъ, главнымъ образомъ съ бытовой стороны. Мнѣ онъ завѣщалъ редактировать и издать ихъ, «если кто поинтересуется давнимъ прошлымъ стараго инвалида».

Редакціонная моя работа заключалась лишь въ сглаживаніи шероховатостей, неизбѣжныхъ при черновыхъ наброскахъ, и въ очень немногихъ добавленіяхъ, почерпнутыхъ изъ дальнѣйшихъ отрывочныхъ замѣтокъ отца или извѣстныхъ въ нашей семьѣ по его рассказамъ. Впрочемъ, эти добавленія не касаются сущности описываемыхъ событій, а лишь дополняютъ ихъ.

Михаилъ Рукевичъ.

I.

Нашъ родъ.—Переѣздъ семьи на Волынь.—Мое участіе въ польскомъ возстаніи.—1831 годъ.—Панъ пробощъ.—13-е іюня.—Критическій моментъ.—Плѣнъ.—Полевой судъ.—Помилованіе.—Ссылка на Кавказъ.—Походъ черезъ Россію.—На Дону.—Дарьяльское ущелье.—Грандіозный обвалъ.—Приходъ въ Тифлисъ.—Мое назначеніе въ Эриванскій карабинерный полкъ.

Родъ нашъ принадлежалъ къ литовскому дворянству Гродненской губерніи, гдѣ нѣкогда мой прадѣдъ былъ «кастеляномъ», т. е. губернаторомъ. Одинъ изъ моихъ дядей, Михаилъ Рукевичъ, былъ по политическимъ дѣламъ сосланъ въ Сибирь и сидѣлъ въ томъ же казематѣ, въ которомъ былъ потомъ заключенъ декабристъ баронъ Розень (см. его записки). Впрочемъ, нужно сознаться, что я никогда не интересовался своей генеалогіей.

Матушка моя, необычайно кроткая женщина, изъ литовскаго рода Адамовичей (Лидскаго уѣзда), была очень хорошо образована и даже знала медицину. У одного изъ моихъ старшихъ братьевъ должны храниться латинскія медицинскія книги съ собственноручными помѣтками нашей матушки. Кромѣ того, она хорошо знала новые языки и свои знанія передала намъ, сыновьямъ. Я пятнадцати лѣтъ уже свободно говорилъ по-французски, по-нѣмецки и, что считалось рѣдкостью въ то время, по-русски. Знаніе русскаго мнѣ впослѣдствіи очень пригодилось, но два первыхъ языка при отсутствіи практики я забылъ довольно скоро.

Семья наша, когда-то довольно богатая, въ періодъ наполеоновскихъ войнъ разорилась, и отцу моему, майору польскихъ войскъ, пришлось бросить службу и перекочевать на Волынь, гдѣ на приданое жены онъ предпринялъ разнаго рода операціи съ конскими заводами. Окончательный крахъ довершился послѣ одного пожара, уничтожившаго всѣ конюшни и лучшихъ матокъ. Матушка безропотно перенесла ударъ, но онъ же ее и подкосилъ: скоро она скончалась на моихъ рукахъ. Отецъ, опредѣливъ двухъ старшихъ сыновей на русскую государственную службу ¹⁾, поселился со мной, младшимъ сыномъ, въ с. Сельцѣ Ковельскаго повѣта, за вѣдуя имѣніемъ дальняго своего родственника помѣщика Закашевскаго.

Въ то время на политическомъ горизонтѣ начали скопляться грозныя тучи. Готовясь къ университетскому экзамену, я невольно прислушивался къ тому, что дѣлалось вокругъ, а тамъ шло броженіе, глухое, скрытое; готовилось возстаніе, которому отецъ со-

¹⁾ Старшій братъ, Эмилианъ, служилъ гдѣ-то въ Житомирѣ, а средній, Эдмундъ, былъ офицеромъ въ 51-мъ егерскомъ пѣхотномъ полку; впослѣдствіи онъ перевелся въ лѣсное вѣдомство и служилъ въ Воронежѣ, гдѣ и умеръ недавно.

вершенно не сочувствовалъ и, чтобы не вовлечь меня во грѣхъ, отправилъ меня въ концѣ 1830 года въ Краковъ, гдѣ я и поступилъ сначала въ частный пансіонъ, а затѣмъ и въ университетъ. Но, повидимому, нельзя было уйти отъ своей судьбы. На лѣто 1831 года я пріѣхалъ на каникулы домой и отдалъ дань общему увлеченію. Въ то время главные силы Дверницкаго, уже разбитыя, переместились въ Австрію, но на Волыни броженіе продолжалось и въ разныхъ мѣстахъ формировались банды. Тайно отъ отца я примкнулъ къ одной изъ нихъ, принялъ торжественную клятву на вѣрность польскому дѣлу и записался въ летучій партизанскій отрядъ, который собирался по извѣстнымъ сигналамъ и послѣ набѣга распускался по домамъ.

Главнымъ нашимъ вдохновителемъ былъ панъ пробощъ Геронимъ, настоятель іезуитскаго костела, кажется, въ самомъ Ковелѣ. Это былъ типичнѣйшій представитель іезуитовъ, умѣвшій ладить съ русскими властями, у которыхъ даже считался образцомъ благонамѣренности, и въ то же время формировавшій революціонныя банды. Вкрадчивый, наружно ласковый, обходительный, особенно съ женщинами, онъ обладалъ желѣзною волею и неотразимо вліялъ на толпу. Его проповѣди, которыя онъ говорилъ только тогда, когда былъ увѣренъ въ отсутствіи согладатаевъ, воспламеняли слушателей до экстаза, до истерикъ... Я самъ плакалъ не разъ и въ такія минуты почиталъ бы за счастье пожертвовать жизнью за родину, которую искренно считалъ угнетенною ненавистными москалями. Я совершенно забывалъ, что мнѣ много разъ говорилъ отецъ и съ чѣмъ я всегда совершенно соглашался. А онъ мнѣ высказывалъ свой взглядъ, что готовящееся возстаніе не есть народное, а чисто магнатское и больше всего ксендзовское, что въ исторіяхъ Польши и Литвы простому народу и шляхтѣ всегда приходилось играть роль «быдла» и что во всемъ прошломъ, о которомъ такъ увлекательно пишутъ историки и которое воспѣваютъ поэты, собственно простому народу и недалеко отъ него ушедшей шляхтѣ положительно ничѣмъ хорошимъ нельзя помянуть своихъ пановъ и магнатовъ... Собственно только съ водвореніемъ въ край русской власти простой народъ начинаетъ чувствовать свои чело, вѣческія права. А вѣдь это быдло убѣждали бороться за «очаги», которыхъ у него не было, за «вольность», которая была только у пановъ, за вѣру, на которую никто не покушался... Наконецъ, это было «польское» возстаніе, а не «литовское». Отецъ всегда считалъ себя кровнымъ литвиномъ, а Литва, какъ онъ говорилъ, если начать разбираться въ исторіи, гораздо ближе по происхожденію, по языку да и по прошлой религіи къ Россіи, чѣмъ къ Польшѣ...

Все это я и тогда сознавалъ и все-таки не могъ противостоять общему увлеченію, когда новая революціонная волна докатилась до Волыни. Но развѣ послушаніе голосу благоразумія свойственно

молодости?.. Возможно ли пятнадцатилѣтнему юношѣ устоять противъ искушенія участвовать въ героическомъ бою слабыхъ противъ сильнаго?.. Если бы я удержался отъ участія, какими бы глазами я потомъ смотрѣлъ на моихъ сверстниковъ, уходящихъ въ бой, и особенно на «паненекъ», фанатизированныхъ ксендзами гораздо болѣе мужчинъ? О, въ этомъ случаѣ ксендзы знали, какъ слѣдовало взяться за дѣло... Для достиженія своихъ цѣлей они всегда вліяють сначала на женщинъ, зная, что мы, мужчины, всегда были и всегда будемъ послушными рабами прекрасной половины рода человѣческаго...

Въ концѣ мая 1831 года отецъ, вполне спокойный за меня, уѣхалъ по дѣламъ въ Кіевъ, а я отдался весь новому теченію и поступилъ какъ сказалъ выше, въ одну изъ партизанскихъ партій.

Помню хорошо мой первый выѣздъ. Однажды я проснулся отъ конскаго топота. Выглянувъ въ окно, я увидѣлъ нѣсколькихъ скачущихъ всадниковъ, а на колокольнѣ костела развѣвающійся бѣложелтый флагъ. Это былъ нашъ условный сигналъ, по которому мы собирались къ опредѣленному пункту возлѣ часовни, у перекрестка двухъ лѣсныхъ дорогъ. Съ бьющимся сердцемъ я началъ спѣшно облачаться въ «повстанскую униформу», которую создала наша фантазія и которая отнюдь не была обязательна. Она состояла изъ голубого сукна рейтузъ, куртки, расшитой по-гусарски шнурами, доломана, опушеннаго мѣхомъ, съ откидными рукавами, а затѣмъ, конечно, шпоръ на ботфортахъ и сабли; голову прикрывала конфедератка, надѣвавшаяся на бекрень. Вооруженіе, кромѣ обязательной сабли, могло состоять изъ чего угодно—пистолетовъ, ружей охотничьихъ, бельгійскихъ штуцеровъ и даже, въ крайности, изъ пикъ... Ружье отца было попорчено и чинилось въ кузницѣ, такъ что я выѣхалъ на первый разъ только съ турецкой кривой саблей. Лошадь была почти обязательна, ибо скорость передвиженій составляла одно изъ главныхъ свойствъ нашего партизанскаго отряда. Пока я одѣвался, Станиславъ, нашъ единственный слуга, нашъ поваръ, камердинеръ и конюхъ одновременно, осѣдлалъ мнѣ Маю, сѣрую кобылицу кровей завода Сангушки, уцѣлѣвшую отъ прежней отцовской конюшни. Черезъ нѣсколько минутъ я скакалъ на сборный пунктъ и мнѣ казалось, что всѣ на меня смотрятъ съ восхищеніемъ, какъ на героя...

Почти всѣ уже находились въ сборѣ. Многихъ я зналъ, но были и новые для меня, пріѣзжіе изъ дальнихъ окрестностей; были тутъ и юнцы, подобные мнѣ, были и сѣдовласые старцы, но всѣхъ насъ уравнивала общая идея. Многіе не могли устоять отъ искушенія шикнуть костюмами, у иныхъ расшитыми золотомъ еще болѣе театрально, чѣмъ у меня.

Въ сторонѣ держалась одна группа, громко о чемъ-то спорившая: это претенденты на начальниковъ предлагали свои планы боевыхъ

дѣйствій. Но вотъ изъ лѣсу показалась каруца, которою правилъ самъ панъ пробощъ. Его встрѣтили радостнымъ гуломъ привѣтствій и тотчасъ же окружили. Я не могъ пробраться въ середину и только слышалъ отдѣльно долетавшія слова. Нѣсколько разъ его прерывали криками «вивать!... да здравствуетъ Польша!» Отецъ Геронимъ сообщалъ слухи объ успѣхахъ польскаго оружія, о побѣдахъ надъ москалями и о необходимости и съ нашей стороны поддержать общее дѣло... Затѣмъ онъ отдалъ нѣсколько приказаній, принятыхъ безпркословно, роздалъ ближайшимъ благословенія и уѣхалъ такъ же тихо, какъ и пріѣхалъ.

Послѣ этого впередъ выѣхалъ молодцеватый на видъ бывшій кавалеристъ, одинъ изъ родственниковъ пана Закашевскаго (фамиліи его я не помню). Пріосанившись, онъ расправилъ длинные свои усы съ подусниками, привсталъ на стременахъ и густымъ басомъ сказалъ: «Ясновельможные паны!... Съ нами Богъ! За дорогую отчизну... за вѣру нашу... за поправленную вольность нашу положимъ жизнь и достояніе наше... Да благословитъ насъ Пресвятая Матерь Божья!.. Съ нами Богъ!..»

Единодушный крикъ сочувствія накрылъ эти слова, и мы въ восторженномъ экстазѣ потрясали саблями... Не только мы, юнцы, но всѣ до послѣдняго были объаты въ этотъ моментъ лучшими героическими чувствами и горячимъ желаніемъ принести себя всего въ жертву отечеству... Я не думаю, чтобы въ жизни часто повторялись подобныя душевныя настроенія...

На первый разъ намъ, большюю частью не знавшимъ совершенно строя, показали нѣкоторыя кавалерійскія перестроенія, примѣрныя атаки и, наконецъ, сабельную рубку, но какъ я ни былъ героически настроенъ, помню отлично, что, несясь на конѣ къ дереву рубить для упражненія вѣтку, я мысленно молилъ, чтобы мнѣ не пришлось ничего другого сносить саблей, кромѣ этой вѣтки...

Завершили мы нашъ первый сборъ веселымъ походомъ къ недалекому, верстахъ въ пяти, фольварку, дабы истребить тамъ складъ русскаго сѣна, заготовленнаго комиссаріатскими чиновниками. Но, подойдя къ мѣсту, мы издали замѣтили нѣсколько эскадроновъ уланъ, разбиравшихъ на выюки сѣно. Прикрытые лѣсной опушкой, мы остановились и выжидали, когда фуражиры уйдутъ, но однѣ части смѣнялись свѣжими и, казалось, имъ не будетъ конца. Нашъ командиръ тогда рѣшилъ благоразумно отойти незамѣтно назадъ и распустить насъ по домамъ.

Собирались мы еще нѣсколько разъ для упражненій и рекогносцировокъ, причемъ остатки сѣна мы таки сожгли, затѣмъ совершили набѣгъ на какую-то почтовую станцію, гдѣ забрали всѣхъ лошадей. Собственно же военныхъ дѣйствій пока еще не было.

Въ первыхъ числахъ іюня я получилъ отъ отца письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ меня о своемъ пріѣздѣ числа пятнадцатаго.

Вмѣстѣ съ этимъ онъ въ сильныхъ краскахъ описывалъ неудачи польскихъ войскъ и предсказывалъ полное крушеніе революціи. Письмо заканчивалось мольбой не увлекаться проповѣдями фанатиковъ и помнить наши прежнія бѣды. Но совѣты эти запоздали. Со все́мъ пыломъ увлекающагося юноши я отдался революціи и въ случаѣ пріѣзда отца рѣшилъ уйти изъ дому и поселиться у кого-нибудь изъ товарищей.

Но вотъ наступило роковое для меня 13-е іюня. Увѣдомленный еще наканунѣ о сборѣ, я всталъ чуть свѣтъ, но у меня все что-то не клеилось: то въ темнотѣ не могъ высѣчь огня (тогда еще спичекъ не было), то путалъ части костюма, кое-что надѣлъ наизнанку, а это, по нашимъ домашнимъ примѣтамъ, служило признакомъ несомнѣнной неудачи; наконецъ, въ довершеніе бѣды, Мая раскобалась. Стасъ началъ меня уговаривать не ѣздить сегодня, но какъ я могъ отказаться отъ участія, когда меня предувѣдомили, что на этотъ разъ будетъ дѣйствительная «баталія»! Отказаться отъ нея значило въ моихъ глазахъ измѣнить самому дѣлу... Я строго приказалъ Стасю отыскать жида-ковалю и притащить его живымъ или мертвымъ. Жидъ былъ отысканъ, но онъ не хотѣлъ такъ рано вставать или, кажется, день былъ субботній. Пришлось итти мнѣ самому и не совсѣмъ вѣжливо принудить жида подковать Маю.

Солнце ужъ взошло, когда я прискакалъ на сборный пунктъ, но тамъ никого не было. Руководясь гдѣ слѣдами по мокрой росистой травѣ, гдѣ разспросами, я проскакалъ верстъ пятнадцать и ужъ началъ терять всякую надежду найти своихъ, какъ вдругъ до меня донеслись боевые крики, затѣмъ выстрѣлы... Съ сильно бьющимся сердцемъ я помчался на звуки боя и наконецъ увидѣлъ картину, повергшую меня въ отчаяніе,—все было кончено безъ моего участія!.. Отрядъ нашъ атаковалъ транспортъ оружія, боевыхъ припасовъ и обмундированія. Прикрытіе состояло всего лишь изъ нѣсколькихъ старыхъ инвалидовъ, числомъ не болѣе пяти-шести человѣкъ, которые даже не сопротивлялись и сейчасъ стояли себѣ мирно въ сторонѣ и покуривали трубочки... Потомъ я узналъ, что пылкая молодежь хотѣла было расправиться съ этими инвалидами, но, по счастью, нашлись болѣе благоразумные, которые удержали юнцовъ отъ безцѣльнаго звѣрства и даже не позволили вязать «плѣнныхъ». Слышанные мною выстрѣлы были направлены въ единственнаго верхового казака, который, однако, успѣлъ безвредно ускакать.

Медлить было нельзя, возы завернули, и мы тронулись въ путь. Инвалидовъ же отпустили на всѣ четыре стороны. Дальше произошло что-то непонятное... Мы двигались безпорядочной гурьбой, безъ соблюденія какихъ-либо мѣръ военныхъ предосторожностей, такъ какъ ниоткуда не ждали нападенія, какъ вдругъ, словно изъ-подъ земли, появились довскіе казаки, мигомъ насъ окружившіе со всѣхъ сторонъ... Съ пиками наперевѣсь, съ дикимъ гиканьемъ

понеслись они на насъ... Передо мной кто-то со стономъ упалъ, сзади меня тоже раздался крикъ... Чувство самообороны заставило меня выхватить саблю, но въ ту же минуту она у меня вылетѣла изъ рукъ, вышибленная пикой, а самъ я получилъ сильный ударъ въ бокъ и упалъ съ лошади... Еще моментъ, и я былъ бы пронзентъ насквозь... Уже я видѣлъ конецъ направленной на меня пики и сталъ мысленно прощаться съ отцомъ, съ братьями... но вдругъ услышалъ: «Не замай ее, Гаврилычъ! Это дѣвка, живьемъ возьмемъ...»

И я спасся, благодаря ходившей тогда легендѣ объ амазонкахъ среди повстанцевъ, моему крайне моложавому виду и длиннымъ, по краковской студенческой тогдашней модѣ, волосамъ, выбивавшимся изъ-подъ конфедератки. Но въ то же время у меня мелькнуло, что какъ только казаки убѣдятся въ своей ошибкѣ, они расправятся со мной. И мною овладѣло такое чувство безразличія къ жизни, что мнѣ захотѣлось скорѣйшаго конца. Я вскочилъ на ноги и по-русски крикнулъ казакамъ: «Я такой же мужчина, какъ и вы!.. Колите же меня!..»

Казаки на минуту оторопѣли, но тутъ одинъ урядникъ сказалъ: — Ишь ты, пряткій какой!... Приколоть-то мы тебя всегда успѣемъ, а теперь мы тебя къ есаулу сведемъ. Можетъ, ты перебѣжчикъ какой?.. Вязи его, братцы!..

Мнѣ скрутили ремнями руки у локтей и повели... Уходя, я оглянулся и увидѣлъ нѣсколько труповъ, надъ которыми возились другіе казаки, снимая съ нихъ доспѣхи... Это были мои послѣднія болѣе или менѣе связныя воспоминанія, ибо послѣ этого я впалъ въ какое-то странное состояніе апатіи, и все дальнѣйшее мелькаетъ у меня смутными, неясными образами, какъ давній, почти забытый сонъ... Вѣроятно, я перенесъ нервную горячку, какъ результатъ испытанныхъ потрясеній, потому что совершенно не помню перваго времени заключенія, первыхъ допросовъ и даже полевого суда надо мной. Но, сознаюсь, если бы я и помнилъ, то миновалъ бы эти воспоминанія, вѣроятно, очень тягостныя.

Однако не могу не остановиться на одномъ обстоятельствѣ, имѣвшемъ для меня большое воспитательное значеніе. Какъ въ дымкѣ, мнѣ грезится сарай, я лежу на соломѣ и чье-то лицо склонилось надо мной, кто-то мочитъ мою горячую голову холодной водой... Видится мнѣ ермолка, пейсы, веснушчатое лицо... Потомъ мнѣ отецъ сказалъ, что то былъ еврей, приговоренный за доставку оружія повстанцамъ къ повѣшенію. Онъ ухаживалъ за мной во все время нашего совмѣстнаго заключенія, сберегъ и передалъ отцу моему натѣльный образокъ, благословеніе матери, и ея же обручальное кольцо.

Изъ захваченныхъ моихъ товарищей никто не обратилъ на меня вниманія, этотъ же еврей, самъ стоявшій передъ лицомъ смерти, принялъ во мнѣ братское участіе, а вѣдь его во всякое другое время

я назвалъ бы не иначе, какъ «пархатый». Эта незлобивость покорила меня. Я тогда же далъ обѣтъ никогда не относиться съ предубѣжденіемъ къ евреямъ и вообще къ какой бы то ни было національности... Мнѣ кажется, я сдержалъ свое слово...

Насъ «погнали» въ Брестъ-Литовскъ, и здѣсь меня судила военно-полевая комиссія при 24-й пѣхотной дивизіи и приговорила къ смертной казни черезъ разстрѣляніе... Приговоръ этотъ, представленный на конфирмацію командующаго войсками округа, командира 6-го армейскаго корпуса барона Розена, былъ отмѣненъ, и я присужденъ лишь къ ссылкѣ безъ лишенія дворянства на Кавказъ рядовымъ въ одинъ изъ полковъ, «впредь до отличной выслуги, но не иначе, какъ за военныя отличія противу непріятеля» ¹⁾).

Отецъ, возвратившійся домой въ день моего плѣненія, поднялъ на ноги все, что могло содѣйствовать облегченію моей участи. Смягчить, однако, судей онъ не могъ, но зато вызвалъ участіе барона Розена, который отнесся снисходительно къ поступку юноши. Не даромъ это далось отцу. Онъ заболѣлъ и сталъ съ этого дня хирѣть.

Прежде, чѣмъ выступить на Кавказъ, мнѣ пришлось протомиться въ Брестъ-Литовскѣ около года,—самое ужасное время въ моей жизни, о которомъ не хочется и вспоминать...

Ко мнѣ нѣсколько разъ пріѣзжали братья, насколько могли, облегчили мое положеніе, выхлопотавъ мнѣ нѣкоторую свободу, благодаря которой я могъ кое-чѣмъ заняться—давать уроки, переписывать бумаги, но все же было очень тяжело, главнымъ образомъ вслѣдствіе произвола разныхъ лицъ, которыя вѣдали нами. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ плѣнныхъ просилъ, молилъ, подавалъ прошенія, но такъ и не могъ добиться разрѣшенія съѣздить куда-то дня на два; тогда онъ бѣжалъ и насъ всѣхъ тотчасъ же заперли въ казематы, а осужденнымъ въ солдаты обрили полголовы отъ лба до затылка, какъ брили ихъ тогда рекрутамъ. Немногихъ одѣли въ короткія шинели съ брюками сѣраго сукна, напоминавшія арестантскую одежду, только безъ бубноваго туза на спинѣ. Въ довершеніе позора, за нѣсколько дней до выхода партіи насъ заковали въ кандалы, и когда, даже теперь, спустя много десятковъ лѣтъ, я слышу бряцаніе желѣзныхъ цѣпей, меня охватываетъ жут-

¹⁾ Архивъ кавк. военнаго округа. Дѣло штаба кавказскаго отдѣльнаго корпуса № 107.471 за 1836 годъ, по части польской: «О производствѣ рядового изъ дворянъ Аполлинарія Рукевича по высочайшему соизволенію въ унтеръ-офицеры». Въ этомъ дѣлѣ есть копія конфирмаціи о помилованіи отца, подписанная барономъ Розеномъ 23-го іюня 1831 года въ Брестъ-Литовскѣ. Всѣ свои довольно многочисленныя награды отецъ получилъ только за военныя отличія, за исключеніемъ унтеръ-офицерскаго званія, о чемъ будетъ сказано дальше. Штрафъ этотъ очень долго тяготѣлъ надъ отцомъ. Послѣ Кюрюкъ-Даринскаго сраженія онъ былъ снятъ, но все же и въ 1871 году, когда отецъ, бывшій въ то время уже полковымъ командиромъ, хотѣлъ отвезти меня въ московскую гимназію, ему пришлось просить разрѣшеніе на вѣздѣ въ столицу. М. Р.—ъ,

кая дрожь, больно и обидно становится за пережитое... Кому это было нужно?.. Для назиданія другимъ?.. Но вѣдь и такъ нашу кару (заключеніе и ссылку) можно было считать достаточно суровой... Я увѣренъ, что если бы оставался въ краѣ гуманный баронъ Розенъ, надъ нами бы не издѣвались такъ, но его къ этому времени перевели на Кавказъ командующимъ войсками.

5-го іюля отецъ кое-какъ приплелся на этапъ проститься со мною. Сдерживая рыданія, онъ благословилъ меня, сунулъ въ руку кнѣсетъ съ пятью полуимперіалами, по, когда услышалъ лязгъ монахъ кандаловъ, не выдержалъ и упалъ на руки сопровождавшаго его Стася...

Это было наше послѣднее свиданіе. Отецъ разошелся съ Закашевскимъ, котораго считалъ главнымъ виновникомъ моего совращенія, ликвидировалъ затѣмъ всѣ свои дѣла, поселился гдѣ-то въ глуши и года черезъ два умеръ... Бѣдный отецъ!.. Тяжка была его жизнь, полная разныхъ мытарствъ, грустна его одинокая кончина!

Мы выступили подъ усиленнымъ конвоемъ. Кандалы, стража, — все это, конечно, на насъ дѣйствовало очень удручающе, но, когда мы вышли изъ «Царства», цѣпи съ насъ неожиданно сняли. Даже самый конвой постепенно сокращался и дошелъ до одного унтеръ-офицера съ нѣсколькими рядовыми, которые даже ружья свои складывали на повозки. Мы же не разбѣгались, сознавая, что если кто-нибудь изъ насъ бѣжитъ или вообще чѣмъ-нибудь нарушитъ установленный порядокъ, то это очень тяжело отзовется на всѣхъ остальныхъ. Этимъ мы завоевали себѣ большую дозу свободы. Полагавшійся при насъ офицеръ сопровождалъ этапъ лишь нѣсколько переходовъ, но когда увидѣлъ, что дѣло наладилось, уѣхалъ куда-то и нагналъ нашу партію за два перехода до Ростова.

Выступая съ мѣста нашего отправленія, мы всѣ полагали, что пройдемъ по Россіи словно сквозь строй общаго недоброжелательства и даже ненависти. Такъ по крайней мѣрѣ намъ о Россіи внушали наши главные наставники, ксендзы. Каково же было наше удивленіе, когда мы повсюду, гдѣ бы мы ни проходили, видѣли самое сердечное участіе и желаніе оказать посильную помощь. Въ то же время мы ясно видѣли, что это не было тупымъ непониманіемъ произошедшихъ событій или протестомъ противъ правительственныхъ мѣръ, потому что всѣ русскіе отлично сознавали, что мы «бунтовщики», справедливо наказанные за неповиновеніе, но вслѣдствіе нескончаемой доброты русской натуры насъ жалѣли, какъ всегда жалѣютъ «несчастненькихъ».

Но больше всего насъ поразила Донская область. Вотъ, думали мы, вступая въ нее, родина тѣхъ, которыхъ мы считали исчадіями ада. И мы замкнулись, шли суровыми, смотрѣли непривѣтливо исподлобья. Подошли мы какъ-то часовъ около двѣнадцати къ

небольшому выселку и остановились возлѣ крайней хаты. Нѣкоторые изъ пастъ, не желая даже пользоваться тѣнью, расположились на самомъ солнцепекѣ. Я не былъ такъ щепетиленъ и съ конвоирами усѣлся на завалинкѣ. Черезъ нѣкоторое время изъ хаты вышла опрятно одѣтая старушка; разузнавъ отъ конвойныхъ, кто мы такіе, она тотчасъ пошла обратно и черезъ нѣкоторое время вынесла съ молодухой пироговъ, караваевъ хлѣба, творогу, арбузовъ и всякой другой деревенской снѣди... Конвойные очень охотно принялись за ѣду, а мы, хотя и голодные, хотѣли выдержать характеръ и на радушное приглашеніе сумрачно смотрѣли въ сторону. Старушка была, видимо, сконфужена.

— Али вы брезгаете, миленькіе мои?—сказала она.—Ужъ не наши ли головорѣзы досадили вамъ?.. Да вы ужъ простите имъ, потому ихъ такое казацкое дѣло... Поди, и вы ихъ не миловали?.. Дѣло, значитъ, обоюдное, военное... Теперь же скоро па миръ пойдетъ. Зачѣмъ же Бога гнѣвить и зло помнить?..

Большая часть нашихъ поняла мысль благоразумной дончихи. Одинъ изъ товарищей тогда сказалъ по-польски:

— А вѣдь она, чортъ возьми, права... Чѣмъ она виновата и зачѣмъ ее обижать?

При этомъ я невольно подумалъ, что у насъ на Вислѣ, навѣрное, никто изъ русскихъ не получилъ бы добровольно даннаго кусочка...

И ледъ растаялъ. Ночлегъ предполагался нѣсколько далѣе, но старшой нашъ нашелъ возможнымъ немного нарушить маршрутъ, и мы кончили день въ большой дружбѣ не только съ этой милой старушкой, но и со всѣмъ выселкомъ, сбѣжавшимся смотрѣть, какъ «гонять полячковъ»... Никакой платы никто отъ насъ не пожелалъ брать, и на другой день мы выступили, снабженные курами, утками, караваемъ хлѣба, фруктами и необыкновенно вкусными коржиками на меду.

Почему-то старушка особенно жалѣла меня, говоря:

— Ишь-ты!.. Такой молодой и попался. Некому было тебя отстегать хорошенько... Туда же воинъ!.. Ну, на, ѣшь вареники, а это возьми завтра съ собою на дорогу... Да ты бы старшого попросилъ подневать тутъ. Я бы тебя подкормила ледяцаго...

И это говорилось на родинѣ тѣхъ, одно имя которыхъ считалось у насъ, да и на всемъ Западѣ, пугаломъ. Въ концѣ концовъ, если у насъ и было въ душѣ враждебное чувство, оно значительно улеглось за эти два-три мѣсяца похода по Россіи, а у нѣкоторыхъ, болѣе отзывчивыхъ на ласку, какимъ былъ, напримѣръ, я, сердце совсѣмъ отошло. Я даже подъ конецъ сталъ мириться съ своею участію. А когда впервые, вѣроятно, за Невинномысской станицей, далеко вправо въ розовой дымкѣ восхода показался величавый двуглавый Эльборусъ, а затѣмъ постепенно начали развѣртываться

невиданныя дотолѣ великолѣпныя панорамы горныхъ пейзажей, я даже былъ радъ тому, что случай меня бросилъ на этотъ путь приключеній... На будущее я сталъ взирать съ тѣмъ интересомъ, съ какимъ иногда готовишься читать завѣдомо любопытную книгу... А раньше какъ все было безпросвѣтно, мрачно...

Этотъ душевный переворотъ особенно усилился во мнѣ, когда мы вступили въ сказочное Дарьяльское ущелье за Владикавказомъ. Въ то время поэтическія легенды, которыя повѣдали міру наши поэты, не были еще намъ извѣстны, но и мы, простые смертные, чувствовали все величіе дивныхъ картинъ... Сердце сжималось, глядя на громады, грозно висѣвшія надъ головами и готовые, казалось, ежеминутно свалиться и раздавить насъ, мурашекъ, копошившихся гдѣ-то тамъ внизу... И какъ передъ этимъ могучимъ величіемъ были ничтожны всѣ мы со всѣми нашими волненіями, страстями, ненавистью... А тутъ, какъ будто нарочно, сама природа захотѣла показать намъ всю свою мощь... Это случилось въ началѣ августа, приблизительно числа десятого, когда наша оказія подошла къ Ларсу, станціи Военно-Грузинской дороги.

Перегона за три до Владикавказа мы вступили въ сферу дѣйствій горцевъ и вошли въ составъ колонны подъ прикрытіемъ отряда изъ трехъ родовъ оружія. Съ нами двигалась почта, военные обозы, проѣзжающіе... это-то и называлось «оказіей»,—французское слово, принявшее на Кавказѣ полныя права гражданства. Теперь, конечно, трудно себѣ представить подобнаго рода путешествіе, но въ то время это былъ обычный способъ передвиженія по опаснымъ отъ непріятеля мѣстамъ. Кругомъ отряда высылались разѣзды отъ кавалеріи или дозоры отъ пѣхоты, иногда даже арьергарды, двигались съ привалами, дневками, ночевками, словомъ,—какъ обычно совершаются передвиженія въ условіяхъ военного времени. Во Владикавказѣ къ намъ еще подбавились проѣзжающіе, съ которыми многіе изъ насъ свели знакомства. Мнѣ повезло. Проходя какъ-то на привалѣ вдоль колонны, я вдругъ услышалъ неистовую ругань по французски. Кричалъ какой-то господинъ съ бритымъ, какъ у актера, лицомъ.

— Негодяи!.. Разбойники!.. Вѣдь это же грабежъ!.. Я буду жаловаться консулу, посланнику... Будь проклята эта дикая страна, гдѣ никто не понимаетъ человѣческаго языка...

Его спутница, дама въ фургонообразной шляпѣ, закутанная отъ пыли въ густую вуаль, тщетно старалась успокоить взволнованнаго господина, а возчики, мѣстные осетины, и солдаты обступили кругомъ и, не понимая, въ чемъ дѣло, весело пересмѣивались между собой...

Присутствіе дамы, въ которой я по неуловимымъ признакамъ угадалъ и молоденькую и хорошенькую, заставило меня принять участіе въ дѣлѣ, оказавшемся въ концѣ концовъ сущими пустяками,

способными взволновать только мелочного француза, полагающего, что, разъ онъ принадлежитъ къ «великой націи», все должно преклоняться передъ его требованіями... Французъ ѣхалъ въ Тифлисъ открывать большую гостиницу и, кажется, потомъ состоялъ метрдоцелемъ у князя Барятинскаго; а спутница его ѣхала на мѣсто гувернантки къ какому-то грузинскому князю. Узнавъ, что я пострадалъ за участіе въ польскомъ возстаніи, она наивно воскликнула: «Вѣдь Франція и Польша сосѣдки,—мы компатріоты!..» И это послужило достаточнымъ предлогомъ для нашего знакомства.

Тихая, однообразная ѣзда шагомъ скоро надоѣла французенкѣ. Она вышла изъ экипажа, и мы пошли впередъ, тѣмъ болѣе, что колонна вся растянулась по ущелью: нѣкоторыя повозки задержались вслѣдствіе поломки колесъ по трудной, очень неровной дорогѣ, а другія ушли впередъ. Прикрытіе тоже раздѣлилось.

Разговорчивая французенка сначала все ахала при видѣ грозныхъ красотъ Дарьяла, но потомъ вспомнила свои Альпы и стала увѣрять, что ихъ Монбланъ значительно выше и вообще первая гора въ мірѣ.

За однимъ поворотомъ дороги ущелье какъ-то сразу расширилось, и вдали на сѣромъ фонѣ скалъ уже заблѣли станціонныя постройки. Мы усѣлись на придорожные камни и любовались развернувшейся передъ нами картиной, которая и сейчасъ рисуется передо мной, словно недавно видѣнная...

Воздухъ былъ чистъ, какъ онъ можетъ быть только въ горахъ, и свѣтлоголубое небо ярко сіяло на потолокъ въ промежуткѣ между горными стѣнами, словно своды гигантскаго храма... Слѣва въ тѣневой еще сторонѣ подымались вертикально вверхъ темныя скалы, а справа, будто для контраста, на невысокихъ террасахъ мягко переливались зеленые, красные, лиловые тона лѣсовъ и гдѣ-то вверху ярко блѣлъ не то участокъ снѣжнаго хребта, не то облако, прилѣпившееся къ скалѣ... Все это представляло такую гармонию красокъ, что у насъ затаилось дыханіе и мы молча сидѣли, не шевелясь...

Въ этотъ моментъ произошло что-то страшное... Откуда-то издали послышались раскаты отдаленнаго грома, но небо было ясно, безоблачно. Гулъ усиливался, земля начала дрожать, и мною, не говоря ужъ о моей спутницѣ, овладѣлъ тотъ паническій ужасъ, который всегда чувствуютъ люди при грозныхъ явленіяхъ природы. Спутница моя вскочила...

— Что это?.. Изверженіе?.. Землетрясеніе?..

Но я самъ не могъ объяснить, въ чемъ дѣло. Бѣжать?.. Но куда?.. Вездѣ стояли эти ужасныя грозныя скалы, готовые опрокинуться... А гулъ все росъ, дрожаніе почвы увеличивалось, что-то роковое приближалось...

— Это свѣтопреставленіе!..—въ безуміи твердила моя спутница и жалась ко мнѣ.

И, дѣйствительно, тамъ впереди творился адъ... Въ узкой щели между горами подымался клубами не то дымъ, не то пыль коричневаго или желтаго цвѣта, и оттуда-то неслись эти угрожающіе звуки, словно начинающееся изверженіе вулкана... Но наконецъ я догадался, въ чемъ дѣло. Очевидно, гдѣ-то впереди происходилъ земляной обвалъ, такъ часто случающійся въ этихъ горныхъ мѣстностяхъ. Понемногу громовые раскаты начали смолкать и наконецъ совсѣмъ стихли. Я объяснилъ, въ чемъ дѣло, и моя легкомысленная спутница быстро перешла отъ полного отчаянія въ безмѣрной радости, особенно когда къ намъ подошли спутники, рассказавшіе намъ, что въ узкой части ущелья отъ сотрясенія съ обѣихъ сторонъ сыпались крупные камни. Слѣдуетъ отнести къ величайшему счастью нашему, что никто при этомъ не пострадалъ.

Направляясь далѣе къ станціи, мы замѣтили какую-то необычайную тишину и ужъ потомъ разглядѣли, что Терекъ, наполнявшій все Дарьяльское ущелье своимъ шумомъ, теперь стихъ и началъ на нашихъ глазахъ мелѣть, а затѣмъ обнажилось дно, показались камни, и вода осталась только въ лужицахъ. Очень было любопытно бѣгать по руслу, гдѣ только что кипѣлъ съ сокрушительной силой потокъ, но было трудно удержаться на камняхъ, покрытыхъ еще влажнымъ зеленоватымъ налетомъ ила. Подвигаясь далѣе, мы увидѣли нѣсколькихъ осетинъ, бѣгавшихъ босикомъ съ засученными выше колѣнъ штанами вдоль русла и ловившихъ что-то. Оказалось туземцы, ловили форель и усачей, забившихся подъ камень. Какова же была плавательная сила этой рыбы, если она могла удержаться въ стремительномъ потокѣ Терека?..

На станціи мы узнали подробности. Это былъ не земляной, а ледяной обвалъ. Выпадающій на склонахъ Казбека снѣгъ образуетъ ледники, которые текутъ по опредѣленнымъ направленіямъ, но таяніе льда и снѣга меньше, чѣмъ ихъ прибыль, и годами, десятилетиями лѣтъ тамъ накапливаются такіе массы, что ихъ не могутъ вмѣстить ледники; онѣ срываются со склоновъ, перелетаютъ съ разбѣга черезъ кряжъ, отдѣляющій ледники отъ Дарьяльскаго ущелья, и обрушиваются внизъ. Такіе обвалы, по словамъ жителей, повторяются черезъ промежутки въ тридцать-сорокъ лѣтъ, но вотъ уже прошло послѣ этого болѣе пятидесяти лѣтъ и я не слышалъ, чтобы тамъ произошло что-нибудь подобное ¹⁾.

¹⁾ По мнѣнію нѣкоторыхъ кавказскихъ инженеровъ пут. сооб., хорошо знающихъ геологическое строеніе Военно-Грузинской дороги (Статковскаго, Загю и др.), подобныя грандіозныя обвалы возможны и предупредить ихъ никакъ нельзя. Они даже желательны, такъ какъ разгружаютъ скопляющіяся массы снѣга. Прекращеніе подобныхъ обваловъ грозитъ возможностью сдвига цѣлаго кряжа или даже опрокидываніемъ его въ Дарьяльское ущелье.

Подъ этимъ Ларсомъ мы простояли дней десять въ ожиданіи расчистки; наши войска, да и мы сами отъ скуки принимали въ этихъ работахъ участіе. Въ первое время всѣ высказывали опасеніе, какъ бы запруженный Терекъ не образовалъ съ той стороны озера, которое, прорвавшись черезъ ледяную плотину, не затопило бы все ущелье; но, по счастью, воды Терека пробуравили себѣ туннель по старому руслу и скоро потекли обычнымъ путемъ.

Но что это былъ за грандіозный обвалъ!.. Вообразите себѣ ущелье, шириною отъ ста до двухсотъ сажень, заваленное снѣгомъ, глыбами льда и оторванными скалами на высоту сажень пятидесяти и протяженіемъ болѣе семи верстъ!.. Сколько это составляло милліардовъ пудовъ?.. Страшно подумать, что эта масса могла обрушиться на насъ, выступи мы изъ Владикавказа днемъ раньше.

Все это время я состоялъ неотступнымъ кавалеромъ *m-lle Ernestine*, за которой, впрочемъ, ухаживали и другіе, но я имѣлъ большее преимущество передъ другими въ нѣкоторомъ знаніи французскаго языка. Конечно, черезъ нѣсколько дней я не преминулъ объясниться въ страстной любви, но французенка, несмотря на свою молодость, выказала большую жизненную опытность.

— Потомъ, потомъ, мой мальчикъ... Ты мнѣ нравишься, но я хочу сначала *faire fortune*, а затѣмъ уже думать объ удовольствіяхъ. Вѣдь мы съ тобой, конечно, встрѣтимся, и ты тогда будешь моимъ маленькимъ другомъ... *Bien?*..

А я молодой, еще далеко неиспорченный, ничего въ сущности не желалъ, какъ только маленькаго кокетства, самое большое поцѣлуя. Подобный же откровенный цинизмъ меня сильно охладилъ.

Недѣли черезъ полторы мы перешли заваль по разработанной поверху дорогѣ и затѣмъ уже двигались безпрепятственно. Кажется, въ Цалканахъ нѣкоторые пассажиры отдѣлились отъ оказіи и поѣхали впередъ. Тутъ же я разстался со своими французами. Много лѣтъ спустя, когда я достигъ нѣкотораго положенія, въ женѣ одного изъ подчиненныхъ мнѣ офицеровъ я съ нѣкоторой грустью узналъ мою бывшую спутницу *m-lle Эрнестинъ*. Но увѣ, вмѣсто нѣкогда граціозной дѣвушки, порхавшей по скаламъ и весело щебетавшей, я увидѣлъ разжирѣвшую, судя по красному носу, сильно выпивавшую тетеху, на которую штабъ-квартирная жизнь, очевидно, наложила свою тяжелую печать... Она меня не узнала, а я не имѣлъ духу напомнить ей ея обѣщаніе относительно дружбы...

Насколько мнѣ помнится, числа 29-го августа, въ пыльный, душный вечеръ подошли мы къ Тифлису, некрасиво, непривѣтно раскинувшемуся по склонамъ горъ, мѣстами лишь покрытыхъ порыжѣвшими отъ солнца деревьями. Мы остановились за городомъ на Верѣ, въ какихъ-то глинобитныхъ казармахъ. Въ ожиданіи смотра насъ не отпускали въ городъ, и мы отъ нечего дѣлать толклись по окрестностямъ, заходя въ сады, гдѣ радушные грузины насъ

закармливали до отвала персиками, виноградомъ, инжиромъ. Многие изъ насъ, набросившіеся на невиданные фрукты, жестоко поплатились за свою жадность дизентеріей.

Черезъ нѣсколько дней насъ всѣхъ повели въ штабъ округа, построили во дворѣ, и здѣсь какой-то суровый на видъ генераль вышелъ къ намъ, поздоровался и началъ обходить ряды, пытливо осматривая каждого, при этомъ мы должны были говорить наши фамиліи. Ходившій за генераломъ адъютантъ записывалъ что-то въ книжечку. Потомъ насъ распредѣлили по полкамъ, и мы разбрелись въ разные стороны.

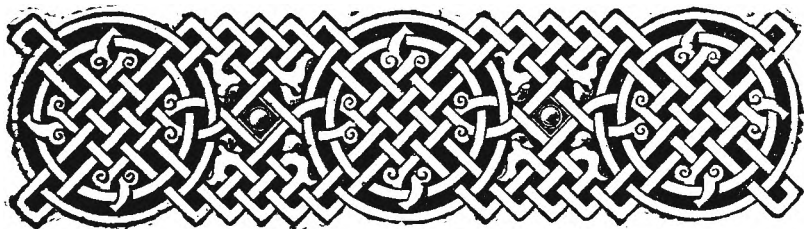
По какой-то особой милости меня назначили въ Эриванскій карабинерный полкъ, теперь именующійся 13-мъ лейбъ-Эриванскимъ гренадерскимъ полкомъ. Онъ стоялъ, какъ и теперь, на Манглисѣ, въ шестидесяти верстахъ отъ Тифлиса.

Оглянувшись на то далекое прошлое, я могу только сказать, что мнѣ выпало на долю особое счастье начать службу и провести большую ея часть въ этомъ исключительно хорошемъ полку. Пришелъ я юношей, чуть что не ребенкомъ, очутился въ совершенно новой средѣ, осужденный тянуть неопредѣленное число лѣтъ солдатскую лямку, въ то время очень тяжелую... Одинокій, безъ всякихъ средствъ, я тѣмъ не менѣе не чувствовалъ тоскливаго одиночества и отчужденія, потому что какъ въ солдатской, такъ и въ офицерской средѣ не встрѣтилъ гнета, не видѣлъ пренебреженія, а, напротивъ, повсюду встрѣчалъ сердечное участіе... Чужіе люди пріютили меня, согрѣли меня, облегчили разлуку съ родными, даже замѣнили ихъ, и я пріобрѣлъ вторую родину... Съ Эриванскимъ полкомъ у меня связаны лучшіе моменты жизни, память о лучшихъ друзьяхъ, о первыхъ служебныхъ успѣхахъ, достигнутыхъ не протекціей, а добытыхъ потомъ походовъ и кровью боевъ...

Привѣтъ же тебѣ, мой дорогой Эриванскій полкъ, отъ стараго твоего питомца, хранящаго въ сердцѣ своемъ благодарную память о прожитыхъ съ тобою годахъ и дорожащаго тѣми славными традиціями, которыя связывали насъ всѣхъ, отъ солдата до командира включительно, въ одну крѣпкую, дружную семью! Храните же и вы, молодые эриванцы, эти завѣты, обязывавшіе насъ, стариковъ, служить не изъ корысти, не за страхъ, а за совѣсть...

А. Ф. Рукевичъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СТАРАГО ЭРИВАНЦА ¹⁾,

II.

Быть солдатъ 30-хъ годовъ.—Штабъ-квартиры.—Приходъ на Манглись.—Первая охота.—Возвращеніе полка изъ гимринскаго похода.—Начало строевыхъ занятій.—Дядька Турчаниновъ.—Отношеніе мое къ солдатамъ.—Отдѣленный Клинишенко.—Фельдфебель Соколовъ.—Никита Сулуяновъ.—Походъ на Кубань. Полковникъ Катенинъ.—Его поэзія.—Артельная повозка.—Возвращеніе въ штабъ.—Угольная командировка.—Канцелярія.

ОТЪЛОСЬ бы мнѣ описать быть кавказскаго солдата тридцатыхъ годовъ, быть, неизмѣримо отличающійся отъ теперешняго, но приступаю къ этому описанію не безъ страха, боясь, что оно выйдетъ блѣдно и неполно. Преже всего, это была эпоха суровыхъ требованій николаевскихъ временъ, эпоха цѣлаго ряда войнъ, то съ персами, то турками, то съ горцами, съ которыми, впрочемъ, борьба никогда не прекращалась. И эта постоянная готовность къ боевымъ дѣйствіямъ отражалась на всемъ укладѣ жизни кавказскихъ войскъ, вырабатывая въ нихъ выносливость въ походахъ, закаленность въ бояхъ и выдающуюся отвагу, стяжавшую громкую славу кавказскимъ войскамъ. Главная причина этого успѣха, мнѣ кажется, лежала въ томъ общеніи солдата и офицера, которое вырабатывалось въ теченіе непрерывнаго ряда годовъ совмѣстной походной и бое

¹⁾ Продолженіе. «Ист. Вѣстн.», т. СXXXVII, стр. 414.

вой жизни, когда переносились одинаково всѣми и голодъ, и холодъ, и всѣ прочія лишенія. Офицеръ и солдатъ представляли два лагеря, но не враждебныхъ, а дружественныхъ, связанныхъ невидимыми узами довѣрія, любви и покровительства другъ другу... Пройдя школу солдата, я положительно не помню глухой ненависти солдатъ къ офицерамъ, не помню также пренебрежительнаго отношенія этихъ послѣднихъ къ своимъ подчиненнымъ. Инымъ, правда, жилось тяжелѣе, другимъ легче, но въ общемъ все это была одна семья хотя и не съ равноправными членами, но одинаково посвятившими свою жизнь военному дѣлу.

Каждого приѣзжаго, особенно изъ столицъ, гдѣ царили муштра и шагистика, поражали на Кавказѣ отсутствіе выправки въ офицерахъ и въ солдатахъ. Достаточно вспомнить извѣстный отзывъ графа Паскевича о первомъ крайне невыгодномъ впечатлѣніи, произведенномъ на этого героя столичныхъ парадовъ кавказскими войсками. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отрядъ этихъ «никуда негодныхъ» войскъ, въ количествѣ не болѣе 5—6 тысячъ, разбилъ на голову подъ Шамхорами сорокатысячный персидскій отрядъ Аббаса-Мирзы. Эти же самыя войска заслужили самому Паскевичу титулъ «Эриванскаго» и потомъ одержали на его глазахъ цѣлый рядъ другихъ побѣдъ. Этотъ фронтовикъ павловской школы долженъ былъ подъ конецъ признать, что отсутствіе внѣшней военной выправки нисколько не мѣшаетъ выдающимся боевымъ достоинствамъ кавказской арміи.

И это составляло особенность ея. Солдаты были мѣшковаты, ходили съ перевальцемъ въ заломленныхъ на затылокъ или надвинутыхъ на глаза папахахъ, зачастую не въ формѣ, въ рубахахъ, въ полушубкахъ, въ чустахъ вмѣсто сапогъ; строевой шагъ ихъ не имѣлъ той чеканки, которая тогда требовалась, ружейные приемы не были такъ чисты; солдаты не такъ быстро и подобострастно ломали шапки передъ начальствомъ, какъ это дѣлалось въ центрахъ, но зато офицеры были всегда впереди и солдаты за ними шли хоть въ огонь и воду. На Кавказѣ офицеръ къ солдату стоялъ несравненно ближе, чѣмъ въ Россіи.

Припоминаю я, напримѣръ, такую сценку. Послѣ крайне утомительнаго древняго перехода войска стали на бивуакъ; ночь выдалась холодная, моросило, и люди, несмотря на утомленіе, не ложились, а варили себѣ у разведенныхъ костровъ кто картошку, кто крошенку, кто тюрю изъ сухарей... Подходить какой-то офицеръ другой части и спрашиваетъ, гдѣ расположенъ его полкъ?.. Никто на вопросъ не могъ отвѣтить. По издавна заведенному обычаю, люди на отдыхѣ не вставали при проходѣ офицера... Такъ и въ этотъ разъ, нѣкоторые изъ ближайшихъ посторонились немного и радушно предложили: «Должно, далеко до вашихъ-то, ваше благородіе, а вы погрѣйтесь у насъ-то... Скоро картошка по-

спѣтъ, отвѣдайте)... И офицеръ присѣлъ у огня, отвѣдалъ, чтобы не обидѣть, и картошки, и изъ другой протянутой манерки крошенку, поговорилъ немного и затѣмъ тутъ же свернулся въ свою бурку и крѣпко заснулъ подъ сдержанный говоръ солдатъ. И никому весь этотъ эпизодъ не показался необычнымъ, а, напротивъ, самымъ естественнымъ. Еще лучшимъ доказательствомъ этой близости можетъ служить та забота, съ какой солдаты выносили убитыхъ и раненыхъ офицеровъ, не только ради награды, но по христіанскому чувству долга. Никогда не забуду, съ какимъ трудомъ я отыскалъ того солдата, который въ 1854 году вынесъ меня раненаго подъ Кюрюкъ-Дара изъ числа обреченныхъ уже къ погребенію въ общей братской погилѣ. Я его потомъ спросилъ: «Отчего же ты не сказывался, когда я опрашивалъ?..» Онъ на это промолчалъ и денегъ отъ меня взять не хотѣлъ, потому что, по его мнѣнію, за такое дѣло грѣхъ брать деньги и всякій сдѣлалъ бы то же.

Солдаты того времени, не выдавшіе и у себя на родинѣ роскоши, легко переносили всякія невзгоды, мирились со всѣми неудобствами, если только видѣли мало-мальскую заботу о себѣ со стороны начальства, за что были безконечно благодарны, называя заботливыхъ командировъ «отцами родными», «батьками» и т. п.

При мизерныхъ казенныхъ отпускахъ заботливость ближайшихъ начальниковъ являлась крайне необходимой, иначе солдаты голодали бы и мерзли.

Главнымъ питательнымъ продуктомъ считался, конечно, хлѣбъ, котораго, какъ и теперь, отпускалось по три фунта, а въ походѣ по два фунта (потомъ послѣдняя доза была нѣсколько увеличена). Каша, по третью фунта, давалась черезъ два дня въ третій; обѣдъ же состоялъ изъ борща или шей, въ которые густо наваливали картофель, капусту, иногда молодую крапиву или полевой шавель. Мясо выдавалось черезъ день по четверть фунта, а въ прочіе дни борщъ приправлялся подбойкой изъ муки съ топленнымъ саломъ. Въ походахъ обычно питались одними сухарями, но когда отбивался у непріятеля скотъ, то на человѣка отпускали по фунту и болѣе мяса и тогда у костровъ начиналось оригинальное готовленіе: кто жарилъ шашлыкъ, а кто варилъ въ манеркахъ крошенку, — винегретъ изъ мелко наръзаннаго мяса и всего съѣдобнаго, что только могло попасть подъ руку: крупы, луку, чеснока, перца, картофеля, туземныхъ овощей, сала, постнаго масла, соли, воды и т. п. Получалось нѣчто такое густое, клейкое, что лишь голодный солдатскій желудокъ могъ усвоить. Въ походахъ ежедневно, а въ штабахъ по торжественнымъ днямъ, кромѣ того, люди получали по полчарки спирту въ 65 градусовъ нормальной крѣпости.

Постелей, одѣялъ, подушекъ, тюфяковъ, разумѣется, не было. Такую роскошь могли себѣ позволить только немногіе старослужилые фельдфебеля да нѣкоторые юнкера. Спали на голыхъ на-

рахъ и считалось за великое счастье, если удавалось добыть снопъ соломы. Подушкой служить ранецъ, укрывались шинелью, зимою большою частью спали не раздвываясь, даже въ сапогахъ. При частыхъ походахъ, впрочемъ, и не заводились постелями и разнаго рода громоздкими вещами. Все богатство солдата должно было помѣщаться въ одномъ кожаномъ ранцѣ, буквально по пословицѣ: *omnia mea mecum porto*.

Почти во всѣхъ штабъ-квартирахъ уже въ то время имѣлись казармы, выстроенныя самими частями, гдѣ изъ турлука, гдѣ изъ сырцового кирпича и очень рѣдко изъ камня. Въ казармахъ, хотя и тѣснотныхъ, по крайней мѣрѣ было сухо и тепло. На походѣ же или во временныхъ стоянкахъ предпочитали располагаться на открытомъ воздухѣ. Палатки хотя и имѣлись, но дабы сократить число обозовъ и изъ экономическихъ расчетовъ, ихъ рѣдко брали съ собой. По счастью, мягкій климатъ допускалъ возможность бивуачнаго расположенія. Въ суровомъ же армянскомъ нагорьѣ, или въ дождливый періодъ въ Гуріи, въ Кахетіи, на Лезгинской линіи, въ ущельяхъ Дагестана войска обыкновенно строили себѣ шалаши или землянки, рѣдко прибѣгая къ постою по туземнымъ деревнямъ и ауламъ.

Теперь, конечно, жители пообстроились, пообзавелись многимъ, но тогда еще на всемъ ихъ обиходѣ лежала печать разоренія отъ многовѣковаго рабства то туркамъ, то персамъ поочередно, и туземцы привыкли ничего цѣннаго не заводить, все же болѣе или менѣе дорогое прятать. Бѣлорусская курная изба можетъ считаться роскошью по сравненію съ туземными саклями или полу-крытыми землянками, въ которыхъ нельзя отличить, гдѣ начинается человѣческое, жилье, гдѣ буйволятникъ.

Пищей большинства служили молочные продукты, пшеничныя или кукурузныя лепешки, изрѣдка баранина. Пшеничный хлѣбъ употреблялся только армянами, умѣвшими пахать; остальные вскапывали землю ручными тяпками подъ кукурузу. Въ Кахетіи, Карталиніи Мингреліи и Имеретіи, кромѣ того, обильно употреблялось мѣстное вино, которымъ грузины вначалѣ охотно дѣлились съ русскими считая грѣхомъ продавать его.

Жизнь въ то время была очень дешева. Мясо, мнѣ помнится, покупалось не дороже 1—2 копеекъ ассигнаціями за фунтъ, вино 5—10 копеекъ тунга (винная мѣра въ пять бутылокъ); мѣстные овощи стоили гроши; молоко, сыры—тоже; табакъ, притомъ очень хорошій, — абазъ или ори-абазъ (20—40 копеекъ) око, то есть три фунта и т. п. Но при подобной дешевизнѣ жители неохотно, съ какимъ-то страхомъ продавали свое добро, до того въ нихъ вкоренилась боязнь военныхъ реквизицій, которыми ихъ застрашали мусульманскія полчища. Русскія войска, къ чести ихъ сказать, съ первыхъ же дней своего прихода на Кавказъ за все забираемое у

мѣстныхъ жителей платили деньгами; развѣ только наши казаки иногда немного баловались. Но населеніе трудно отвыкало отъ исторически сложившагося страха передъ всякаго рода войсками. Мнѣ вспоминается, какъ еще въ сороковыхъ годахъ, при вступленіи нашего авангарда въ одну армянскую деревню, обитатели ея въ паническомъ ужасѣ разбѣгались, мужчины угоняли скотъ, женщины тащили узлы и маленькихъ ребятишекъ, и все это кричало, мычало, визжало... Только черезъ нѣсколько часовъ жители возвратились назадъ съ низкими поклонами, виноватымъ видомъ и внѣшними, конечно, лицемѣрными изъясвленіями почтенія и преданности... Потому-то къ расквартированію прибѣгали лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ, на примѣръ, въ суровыя зимы, хотя на Кавказѣ всегда старались избѣгать зимнихъ кампаній.

Такимъ образомъ, большинство частей имѣли свои болѣе или менѣе благоустроенныя штабъ-квартиры, съ неизбѣжными слободами, населенными ремесленниками, отставными или женатыми солдатами, которымъ разрѣшали выписывать на казенный счетъ женъ изъ Россіи. Были даже особыя «женатыя роты». На женъ и дѣтей отпускался казенный паекъ, а впослѣдствіи солдатскимъ семьямъ нарѣзали землю, если не ошибаюсь, даже по 35 десятинъ, и изъ этихъ слободокъ образовались со временемъ цѣлыя селенія, называвшіяся урочищами, таковы Манглисъ, Бѣлый Ключъ, Царскіе Колодцы, Гомборы, Лагодехи, и др.

Эти слободки были единственными пунктами, гдѣ солдаты могли видѣть женщинъ, и, навѣрно, тамъ уже ни одна невѣста не засиживалась. Спросъ на нихъ былъ столь великъ, что въ счетъ шли даже старухи, которыя, по пословицѣ, «на чужой сторонкѣ и старушка Божій даръ», были въ большой цѣнѣ, а ужъ о безобразныхъ, но еще и молодыхъ и говорить нечего. Если же выдавалась между ними какая-нибудь красивая, то ее облюбовывали офицеры, и она въ концѣ концовъ выходила замужъ за офицера. Особенно этимъ отличались артиллеристы, которые въ своихъ выборахъ были значительно демократичнѣ остальныхъ родовъ оружія.

Командиры частей передъ другимъ соревновали въ благоустройствѣ своихъ штабовъ. Насколько мнѣ помнится, никакихъ казенныхъ отпусковъ на этотъ счетъ не полагалось, а предоставлялось лишь право употреблять людей на постройки, заводить полковые кирпичные заводы, каменоломни, лѣсопильни и т. п. Между солдатами всегда отыскивались подходящіе мастеровые, техники и даже прекрасные инженеры. Такъ, на примѣръ, въ Лагодехахъ, драгунской штабъ-квартирѣ, громадное зданіе съ двусвѣтнымъ заломъ, первое по времени военное собраніе на Кавказѣ, выстроено, какъ я слышалъ, подъ руководствомъ простого солдата.

Недавно я узналъ, что это зданіе теперь стоитъ въ полуразрушенномъ видѣ, съ провалившейся крышей и поросшими на стѣнахъ

большими деревьями. Жаль, что не умѣли сохранить эту капитальную постройку.

Тамъ, гдѣ угрожала возможность непріятельскаго нападенія, штабъ-квартира обносилась валомъ, и возникала, такимъ образомъ крѣпость, постройки здѣсь поневолѣ ютились въ предѣлахъ ограды. Въ другихъ же случаяхъ зданія разбрасывались на нѣсколькихъ десяткахъ десятинъ и соединялись прекрасными шоссе, какъ, на примѣръ, Манглись, Бѣлый-Ключъ...

Кромѣ зданій, штабъ-квартиры могли похвалиться своими огородами, этими главными подспорьями въ дѣлѣ кормленія солдатъ. Если бы не существовало этихъ огородовъ, не знаю, право, чѣмъ насыщались бы солдаты да съ ними, пожалуй, и офицеры, ибо мѣстное населеніе совсѣмъ не знало употребленія картофеля, капусты, брюквы, рѣдьки, бураковъ и разводило свои особые овощи—цицмать, тархунъ, лобію, кинзу, черемшу, цвинтри и др. Это было все очень вкусно, но не пригодно для солдатскаго желудка, требующаго не столько вкусового качества, сколько количества.

Войсковыя части обживались въ своихъ штабъ-квартирахъ; офицеры обзаводились собственными домами, семьями, солдаты—кумушками на слободкѣ и такъ обрастали на мѣстѣ, что оно для нихъ, навсегда оторванныхъ отъ родныхъ деревень, становилось второю родиною. Солдаты, ради разнообразія, шли съ удовольствіемъ въ походъ, но съ еще большимъ возвращались къ себѣ домой на отдыхъ. Монотонная жизнь въ штабахъ не блистала разнообразіемъ. Ученію посвящали немного времени. То, что теперь называется «словесностью», само собою постепенно усваивалось рекрутами отъ дядекъ. Рекрутомъ же солдатъ назывался неопредѣленное время, годъ-два, а то и семилѣтній считался еще молодымъ, если онъ еще не успѣлъ побывать въ походахъ. Вообще опытъ уважался, обращеніе молодыхъ къ старослуживымъ было почтительное, сѣдина не служила предметомъ насмѣшки, а напротивъ—уваженія. Люди, выходя въ строй, обыкновенно «фабрили» усы и пробритыя на подбородкѣ бакенбарды особой фаброй, вродѣ фиксагуара, который очень искусно дѣлали сами изъ сажі, сала и воска... Странно было видѣть иной разъ сѣдого солдата съ черными, какъ смоль, усами, торчащими въ стороны и вверхъ.

Такова въ общихъ чертахъ обстановка, въ которой приходилось жить солдату на Кавказѣ въ тѣ далекія времена ¹⁾.

¹⁾ Это описаніе быта кавказскаго солдата въ запискахъ отца изложено значительно полнѣе, но въ виду того, что нѣкоторыя мѣста потомъ повторяются въ дальнѣйшемъ текстѣ, они здѣсь исключены.

Вечеромъ того дня, когда состоялось наше распредѣленіе по полкамъ, насъ сдали въ комендантское управленіе; меня же вмѣстѣ съ нѣсколькими рекрутами принялъ унтеръ-офицеръ и отвелъ въ казармы на Саперной слободкѣ (теперешняя Саперная улица), гдѣ мы переночевали.

Съ своимъ земляками я, признаться, разставался легко, поглощенный эгоистической мыслью о предстоящихъ мнѣ перспективахъ. Съ иными потомъ мнѣ приходилось неоднократно встрѣчаться, а другихъ я видѣлъ въ послѣдній разъ.

Мнѣ казалось, что я не буду грустить, но ночью, проснувшись, я сталъ думать о своей судьбѣ, и вдругъ мнѣ ярко представился весь трагизмъ моего положенія—юноши, заброшеннаго на край свѣта, безъ близкаго лица, могущаго подбодрить, поддержать въ трудную минуту, вдали отъ сородичей, хоть до нѣкоторой степени замѣнявшихъ мнѣ родныхъ людей... А впереди?.. Что могло быть хорошаго впереди?.. И жизнь мнѣ сразу показалась такою безраздужной, безпросвѣтной, что только одна глубокая религіозность спасла меня въ ту тяжелую, памятную мнѣ ночь отъ рокового шага...

Подняли насъ до разсвѣта. Солнце только что показалось надъ горами, когда мы уже шагали за городомъ, подымаясь по Коджорской дорогѣ.

Унтеръ-офицеръ Клинишенко, ведшій нашу партію, увидѣвъ мою блѣдность, спросилъ меня участливо, хотя и начальническимъ, утрированно суровымъ голосомъ:

— А ты, полячекъ, боленъ что ли?..

— Нѣтъ, я здоровъ, господинъ унтеръ-офицеръ.

— Какой здоровъ? Краше въ гробъ кладутъ... Но только мой совѣтъ—не ложись въ госпиталь... Оттуда не возвращаются. Потерпи малость. Подымешься на нашъ Манглисъ, разомъ твою лихоманку какъ рукой сниметъ, потому у насъ воздухъ здоровый, вода чистая ключевая, не то, что здѣшняя бурда...

— Спасибо, господинъ старшой, только я здоровъ...

— Ну, коли здоровъ, такъ тѣмъ лучше... Одначе, ежели умаешься такъ можешь на подводу присѣсть...

Это маленькое участіе меня подбодрило, уже я не чувствовалъ себя такимъ отчужденнымъ. Стараясь перемочь свою слабость послѣ бессонной ночи, я ни разу не присѣлъ на подводу. Такой, по-видимому, пустякъ, однако, создалъ мнѣ выгодную репутацію среди солдатъ, любящихъ оказывать покровительство, но еще болѣе уважающихъ проявленіе мужества и выносливости. Объ этомъ Клинишенко не разъ потомъ вспоминалъ мнѣ: «Я тогда же замѣтилъ, что будешь нашъ гренадеръ—словомъ, настоящій эриванецъ»... Вышей похвалы онъ не могъ мнѣ дать.

Пришли мы на Манглисъ уже поздно ночью, легко сдѣлавъ шестидесятиверстный переходъ. Штабъ-квартира оказалась пустой,

такъ какъ весь полкъ былъ въ главныхъ силахъ, подъ начальствомъ самого командира отдѣльнаго кавказскаго корпуса барона Розена, дѣйствовавшаго противъ знаменитаго Кази-Муллы.

Завѣдующій штабъ-квартирой, мрачный командиръ нестроевой роты, принявшій рекрутовъ, при видѣ моего полугусарскаго костюма, пренебрежительно мнѣ буркнулъ: «повстанецъ?» но потомъ, просмотрѣвъ мой пріемный формулярный списокъ, сказалъ мягче: «Въ сборную команду!.. Подождать прихода полка... Не отлучаться!.. Не шалить и все такое прочее!..» Онъ, очевидно, не зналъ, отнести ли ко мнѣ на ты, или на вы, а потому сохранилъ неопредѣленную форму.

Скучно тянулись первые дни. Чтобы чѣмъ-нибудь ихъ заполнить я попросилъ солдатъ показать мнѣ ружейные пріемы, маршировку и очень быстро усвоилъ себѣ эту немудрую науку.

Къ этому же времени относится моя первая въ жизни охота, очень живо запечатлѣвшаяся въ моей памяти. Если бы иначе сложились обстоятельства, вѣроятно, во мнѣ проснулась бы эта страсть, но первый опытъ мой оказался и послѣднимъ. Кстати, читатель будетъ въ состояніи себѣ представить, какое богатство дичи было тогда на Кавказѣ.

Однажды, бродя по штабъ-квартирѣ, я увидѣлъ компанію собирающихся охотниковъ. Они согласились захватить и меня. Сбѣгавъ въ казармы и отпросившись у фельдфебеля, я забралъ кيسъ съ табакомъ, кусокъ хлѣба съ солью, суковатую палку и потомъ бѣгомъ догналъ охотниковъ. «А ружье?» спросили меня. Къ общему смѣху я показалъ на свою палку: «Вотъ оно! Да, вѣдь, я такъ, только посмотрѣть и прогуляться...»—отвѣтилъ я сконфуженно. Мы пришли довольно рано на мѣсто ночевки. Опытные слѣдопыты опредѣлили, что внизу должны быть сейчасъ олени, а время еще позволяло сдѣлать одинъ загонъ, поэтому двое захватили на своркахъ собакъ и повели ихъ кружнымъ путемъ налѣво внизъ, а остальные размѣстились по гребню горы, лицомъ къ котловинѣ. Такъ какъ у меня не было ружья, то я прошелъ впередъ за послѣдній номеръ и тутъ облюбовалъ себѣ мѣстечко возлѣ густаго граба; но одному въ лѣсу очень тоскливо, и я, забывъ, или, лучше сказать, не зная основнаго охотничьяго правила—стоять смирно въ гаю, сталъ увеселять себя, чѣмъ только могъ: курилъ, навистывалъ, наконецъ вырѣзалъ дудку и заигралъ разныя мелодіи. Не знаю, что бы я еще изобрѣлъ для своего развлечения, если бы вдругъ съ со-сѣдняго номера не раздалось: «Чортъ васъ возьми совѣмъ!... Когда же вы успокоитесь?... Звѣря пугаете...» Сознавая свою вину, я не обидѣлся. А тѣмъ временемъ поднялся внизу гонъ собакъ. Черезъ нѣсколько минутъ раздался топотъ скачущихъ нѣсколькихъ лошадей и вдругъ мимо меня пронеслись одинъ за другимъ штукъ пять оленей-рогалий. Затѣмъ снова послышался топотъ, и на поляну вы-

неслись красавицы козы. Первыя мгновенія я остолбенѣлъ, но потомъ меня охватила самая какая-то страсть: я выбѣжалъ впередъ изъ-за дерева, загикалъ, замахалъ руками, козы прыснули въ сторону и помчались на номера. Тамъ раздалась настоящая канонада. Этимъ поступкомъ, мнѣ казалось, я искупилъ свое недостойное поведение въ началѣ гая. Затѣмъ на ту же поляну выбѣжало цѣлое стадо кабановъ. Но передъ этимъ звѣремъ я уже не рѣшился изображать загонщика, а, напротивъ, попробовалъ, нельзя ли забраться на дерево; кабаны, постоявъ немного, повернули и пошли куда-то вправо отъ цѣпи. Въ то время, какъ я мечталъ о томъ, сколько бы я настрѣлялъ всякаго звѣря, будь у меня ружье, вдругъ передо мной показалась коза, которая бѣжала мелкою рысцей и подталкивала мордочкой своей маленькаго козленочка, недавно родившагося, — случай, по словамъ охотниковъ, очень рѣдкій для октября мѣсяца. Во всякое другое время я бы только полюбовался на эту трогательную картину, но тутъ мною вдругъ овладѣлъ какой-то охотничій бѣсъ. Я выскочилъ впередъ и съ особенной силой кинулъ палкой къ козу. Ударъ тяжелой и суковатой палки пришелся по головѣ матери, и она упала тутъ же. Я подскочилъ и навалился на нее, зовя на помощь. Съ сосѣдняго номера прибѣжалъ охотникъ и прирѣзалъ козу, несмотря на мои протесты. Маленькая же козочка, глупая еще, отбѣжала нѣсколько шаговъ и легла въ кустъ, выставивъ свое, какъ охотники называютъ, зеркальце.. Тихо подкравшись, мнѣ удалось и эту козочку схватить. Ее потомъ у насъ въ ротѣ отпоили молокомъ домашней козы и приручили такъ, что она бѣгала за солдатами; куда она дѣвалась потомъ, не помню. Удивительно то, что всѣ остальные охотники, бывшіе съ ружьями и стрѣлявшіе нѣсколько разъ по козамъ, ничего не убили, а я съ одной лишь палкой какъ-никакъ взялъ двухъ козъ.

Чтобы дополнить картину всѣхъ моихъ охотничьихъ приключеній, расскажу о томъ, что было со мной на слѣдующій день. Мы на ночлегъ расположились тутъ же въ лѣсу на краю обрыва и развели большіе костры. Моя же коза пошла на прокормленіе всей компаніи и собакъ. Много при этомъ шутили, острили на мой счетъ, особенно одинъ почтовый чиновникъ, увѣрявшій, что онъ видѣлъ на своемъ вѣку много всякихъ охотниковъ, и псовыхъ, и ружейныхъ, но еще ни разу не встрѣчалъ «палочныхъ»... Я отшучивался, какъ могъ, но мнѣ было немного обидно стать предметомъ насмѣшекъ. Проспавъ нѣсколько часовъ, мы всѣ, однако, проснулись далеко предъ разсвѣтомъ отъ сильнаго холода и принуждены были развести огонь. Для увеличенія горючаго матерьяла въ дѣло пошла и моя суковатая палка. Весельчакъ почтовый чиновникъ, увидя это, воскликнулъ съ ужасомъ:

— Что же вы дѣлаете, господа?... Чѣмъ теперь господинъ Рукевичъ будетъ бить козъ?.. Вы сожгли его оружіе...

Бѣдняга. За эту и за пѣлый рядъ другихъ насмѣшекъ сама судьба ему отплатила. Для чего-то онъ отошелъ отъ бивака, и вдругъ мы услышали крикъ, а затѣмъ стоны, доносившіеся снизу. Выхвативъ изъ костра горящія вѣтки, мы бросились туда и съ трудомъ спустились внизъ къ бѣдному почтовому чиновнику, упавшему въ темнотѣ въ оврагъ. Онъ довольно сильно расшибся, а главное распаралъ себѣ лицо о ежевичные кусты и шиповникъ... Кое-какъ мы его подняли наверхъ и при свѣтѣ костра обмыли царапины, повынимали занозы. Охотиться онъ уже не могъ, а потому на имѣвшейся у насъ подводѣ уѣхалъ домой. Подвода же должна была затѣмъ вернуться обратно къ извѣстному какому-то пункту. Уѣзжая, чиновникъ великодушно мнѣ предложилъ свое ружье, одностволку съ кремневымъ куркомъ, передѣланную въ полковой мастерской изъ стараго казеннаго ружья. По словамъ владѣльца, оно было замѣчательно вѣрно «жеребьемъ», то есть рѣзанными кусочками свинца. Теперь-то я могъ себя чувствовать настоящимъ охотникомъ, хотя и съ чужимъ ружьемъ.

Начало свѣтать, когда мы уже были на мѣстахъ. Опять я сталъ самымъ дальнимъ номеромъ. Въ гаю опытные охотники ожидали кабановъ и, можетъ быть, медвѣдя. Признаюсь, этихъ звѣрей я нѣсколько трусилъ, а потому предусмотрительно сталъ ближе къ такому дереву, на которое могъ бы легче забраться. Около дерева, кромѣ того, лежало еще большое срубленное, но не увезенное бревно. Скоро гдѣ-то далеко внизу поднялся жаркій гонъ. Въ ту же секунду въ просвѣтѣ между деревьями я замѣтилъ не то собаку, не то волка. Какъ будто бы такихъ большихъ собакъ не бываетъ, казалось мнѣ, а волка живого я еще никогда не видѣлъ. «Эхъ, была не была!»—рѣшилъ я, взвелъ курокъ, нацѣлилъ и выстрѣлилъ... Послышался болѣзненный визгъ, очень похожій на собачій, но вѣдь волки тоже собачьей породы, утѣшалъ я себя, потому визгъ неувидителенъ. Видѣлъ я затѣмъ, какъ раненый звѣрь, сдѣлавъ нѣсколько скачковъ, упалъ, опять вскочилъ отчаянно взвизгивая, опять упалъ и успокоился. Очень мнѣ хотѣлось побѣжать и посмотреть на первый мой трофей, но теперь вспомнилъ правило:—ни въ коемъ случаѣ съ мѣстъ не сходить, и остался, занявшись тщательнымъ заряджаніемъ ружья. Жеребья въ сумкѣ я не нашелъ, пришлось зарядить пулей. Желая покурить, я набилъ трубку и уже готовился высѣкать огонь, какъ вдругъ передо мной въ той же прогалинѣ между деревьями, гдѣ недавно появился волкъ, теперь стоялъ олень ко мнѣ грудью, но обернувшись назадъ головой. Очевидно, онъ прислушивался къ гону собакъ. Я тихонько приподнял ружье съ поваленнаго дерева, нацѣлилъ въ грудь и спустил курокъ. Когда дымъ, нанесенный на меня вѣтромъ, разсѣялся, то олень исчезъ. Очевидно, я промазалъ.

Хотя трудно было рассчитывать, чтобы послѣ двухъ моихъ выстрѣ-

ловъ на меня еще что-нибудь вышло, но я все же снова зарядилъ ружье. Между тѣмъ слѣва началась тоже пальба и крики «береги... береги!...» За этимъ крикомъ тотчасъ же мимо меня замелькали желто-сѣрыя фигуры козъ, которыя мчались съ такою быстротою, что выпѣлить не было никакой возможности... «Ну, и чортъ съ ними!...»—сказалъ я и вперилъ снова въ прогалину, гдѣ видѣлъ оленя... И дѣйствительно тамъ скоро показался козель и остановился въ той же позѣ, какъ и олень, оглядываясь назадъ. Снова я выстрѣлилъ, и козель куда-то исчезъ, когда разсѣялся дымъ. Просто какое-то колдовство!

А дальше произошло для меня нѣчто очень позорное съ охотничьей точки зрѣнія, но извинительное съ житейской, особенно принявъ въ расчетъ, что это была моя первая охота, если не считать той пары домашнихъ утокъ, которыхъ я по неопытности когда-то застрѣлилъ въ Полѣсѣ.

Собачій гонъ тѣмъ временемъ все приближался къ нашей линіи, и гонъ былъ какой-то странный: собаки то гнали, то просто злобно рычали, то заливались воемъ и нѣтъ-нѣтъ раздавался ихъ визгъ. «Вѣроятно, олень бодается!...»—подумалъ я, вспомнивъ одну картинку. Но каковъ былъ мой ужасъ, когда вдругъ послѣ выстрѣла съ сосѣдняго номера раздался предупреждающій крикъ: «Берегись,—медвѣдь!...» Съ лихостью, достойной лучшаго гимнаста, я мигомъ взобрался на дерево... Но не это я ставлю себѣ въ укоръ, а то, что внизу я оставилъ ружье, да еще незаряженное... А спускаться было уже поздно, потому что ужъ показались собаки, возившіяся вокругъ медвѣдя, который то садился на задъ и отбивался отъ наседавшихъ собакъ, стараясь поймать ихъ лапами, то дѣлалъ нѣсколько скачковъ галопомъ, и собаки тогда впивались ему въ ляжки... Такъ эта группа приблизилась къ моему дереву. Признаюсь, я пережилъ нѣсколько непріятныхъ моментовъ, когда медвѣдь въ нѣсколько прыжковъ подскочилъ къ поваленному возлѣ моего мѣста бревну и взобрался на него. Тутъ звѣрь былъ совсѣмъ безопасенъ отъ собакъ, онѣ окружили его и продолжали озлобленно лаять; я же сидѣлъ на деревѣ тутъ же, въ шагахъ въ пяти и дрожалъ отъ волненія... Чѣмъ бы кончилась вся эта исторія, не могу себѣ представить, если бы не раздался совсѣмъ близко выстрѣлъ и медвѣдь, рывнувшись, не свалился бы на землю... Это съ сосѣдняго номера прибѣжалъ охотникъ и дострѣлилъ звѣря, уже раньше имъ раненаго.

Кончился гай, и всѣ приплелись на мой номеръ, таща кто козу, кто двухъ, а кто приволокъ кабана за ногу. Спустившись по возможности незамѣтно съ дерева, я побѣжалъ къ волку и тоже притащилъ его, но при бѣгломъ взглядѣ охотники сразу опредѣлили, что это была пастушья собака, на которой даже оказался обрывокъ веревки.

— Ай да охотникъ!.. Нечего сказать!..—раздались восклица-

нія.—Вчера козу палкой убилъ, другую за хвостъ поймалъ, а сегодня собаку подвалилъ... Ну, а еще по чемъ стрѣляли?..

По оленю и по козлу... Кажется, обоихъ ранилъ... Вонъ тамъ,—отвѣтилъ я, показывая на просвѣтъ

Кто-то пошелъ къ прогалинѣ посмотрѣть на кровавые слѣды. Вдругъ онъ замахалъ руками и побѣжалъ внизъ. Мы тоже бросились туда. Тамъ, внизу крутого спуска, саженьяхъ въ пятнадцати лежалъ убитый олень, а нѣсколько выше козель... Это было мое торжество, но не надолго, потому что скоро опять начались насмѣшки, въ родѣ возведенія меня въ охотничьи короли, который одинаково хорошо владѣетъ и ружьемъ, и палкой, и т. п.

Слѣдующіе гаи были для меня не такъ удачны; однако, помнится, я еще убилъ что-то. Въ общемъ, совсѣмъ неопытный, бывшій первый разъ на звѣровой охотѣ, я обстрѣлялъ всѣхъ, что не мало содѣйствовало общей зависти, проглядывавшей сквозь зубоскальство. Въ результатѣ я былъ очень обиженъ, убѣжденный, что всѣ эти насмѣшки они позволяютъ себѣ только потому, что я «плѣнный», а они принадлежатъ къ побѣдителямъ... «*Vae victis*», говорилъ я себѣ съ горечью.

Теперь-то мнѣ смѣшно, но тогда было очень больно. Этотъ день первой моей охоты былъ настолько отравленъ, что, сколько меня потомъ ни звали эти и другіе охотники, я не пошелъ, и этимъ закончились всѣ мои охотничьи походы.

Въ ротѣ я довольно хорошо сошелся съ отдѣленнымъ (по теперешнему—взводнымъ) унтеръ-офицеромъ Клинишенкомъ, который, видимо, принялъ во мнѣ участіе и часто бесѣдовалъ со мной, угощая чайкомъ ¹⁾. Много разъ потомъ я дивился его мѣткимъ характеристикамъ начальствующихъ лицъ и тому, сколько ума и наблюдательности таилось въ этомъ почти безграмотномъ солдатѣ, хотя и произведенномъ въ унтеры... Послѣднему, впрочемъ, нечего было удивляться, когда въ то время встрѣчались даже офицера, еле подписывавшіе свои фамиліи.

Этотъ Клинишенко, между прочимъ, далъ мнѣ очень благой совѣтъ: во-первыхъ, попроситься въ шестую роту, а, во-вторыхъ, всѣми силами стараться избѣгать канцелярій, чтобы остаться въ строю.

— Будутъ это они тебя пытаться,—говорилъ онъ:—хорошо ли ты грамотенъ, а ты, голубецъ мой, прикинься дурачкомъ, не понимающимъ; нарочно, значить, чтобы тебя не взяли въ канцелярію... Будь она неладна, эта канцелярія... Терпѣть не люблю

¹⁾ Настоящій чай, по его дороговизнѣ, приходилось пить рѣдко, но солдаты хитрились собирать какіе-то травы и листья, настой которыхъ очень напоминалъ вкусомъ настоящій чай. Потомъ изъ Турціи намъ удавалось получать дешевый кигайскій чай, но по вкусу онъ былъ хуже солдатскаго настоя. А. Р.—ъ.

этихъ господчиковъ, которые нашего брата, строевика, завсегда притѣсняють. Сидятъ сами въ теплѣ и сытости, а надъ нашимъ братомъ измываются... Вы, говорятъ, черная кость, неученая темнота... Подумаешь, тоже благородные. Да и на что тебѣ эта канцелярія?.. Тутъ у насъ весело: идутъ разныя занятія, работы, походы; тутъ тебѣ и отличиться можно: произведутъ, можетъ, въ унтеры, какъ меня. А не то тебя, какъ образованнаго, могутъ и въ офицеры катнуть... Ей-Богу!.. А въ канцеляріи что?.. Канцелярія, какъ грибъ, приросла къ штабу,—въ походы не ходить. И вѣкъ придется тебѣ, согнувъ спину, корпѣть надъ бумагами...

Этотъ совѣтъ былъ дѣйствительно хорошъ. Такъ какъ въ силу конфирмаціи мнѣ предстояло служить солдатомъ «впредь до отличной выслуги, но не иначе, какъ въ дѣлахъ противу непріятеля», то мнѣ оставалось только искать случая къ боевымъ отличіямъ, а при канцелярской службѣ, конечно, этого не могло случиться.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ полкъ вернулся изъ похода. Первые дни были полны шумной радости, естественной при возвращеніи людей къ себѣ домой на отдыхъ. Всѣ только и говорили о пережитыхъ впечатлѣніяхъ, о возможныхъ наградахъ за знаменитый въ лѣтописяхъ кавказскихъ войнъ штурмъ Гимръ. Все ущелье горцами было преграждено громаднымъ заваломъ, въ центрѣ котораго была возведена башня, оборонявшаяся самимъ Кази-Муллой со своими избранными приверженцами. Послѣ упорнаго сопротивленія башня была взята нашими войсками и всѣ защитники вмѣстѣ съ самимъ Кази-Муллой переколоты, но одинъ, совсѣмъ почти юноша, прижатый къ стѣнѣ штыкомъ сапера, кинжаломъ зарѣзалъ солдата, потомъ выдернулъ штыкъ изъ своей раны, перемахнулъ черезъ трупы и прыгнулъ въ пропасть, зиявшую возлѣ башни. Произошло это на глазахъ всего отряда. Баронъ Розенъ, когда ему донесли объ этомъ, сказалъ:

— Ну, этотъ мальчишка надѣлаетъ намъ со временемъ хлопотъ...

Слова эти припомнились потомъ, нѣсколько лѣтъ спустя, какъ пророческія, когда со словъ самого Шамяля узнали, что онъ былъ тѣмъ самымъ юношей, который такъ поразительно находчиво и счастливо ускользнулъ въ Гимрахъ.

Съ приходомъ полка началась моя строевая служба. Мнѣ не пришлось прикидываться дурачкомъ, чтобы избѣжать канцеляріи. Дѣло обстояло проще: повстанцамъ не довѣряли и старались не брать въ канцелярію, гдѣ имѣлись секретныя бумаги. Но, кромѣ того, рекрутамъ было необходимо пройти ротную строевую муштровку, какъ это и теперь дѣлается.

Такимъ образомъ, я безъ особыхъ затрудненій попалъ въ шестую роту, гдѣ мнѣ сейчасъ же назначили дядькой, т.-е. инструкторомъ,

долженствовавшимъ посвятить меня во всѣ тайнства военной службы, отдѣленнаго унтеръ-офицера Турчанинова, уроженца Рязанской губерніи. Это былъ добрый человѣкъ, знающій строевикъ, но въ пьяномъ видѣ невыносимо болтливый. Впрочемъ, я скоро приноровился къ нему и умѣлъ отдѣлываться отъ его болтливости, подставляя вмѣсто себя другого какого-нибудь слушателя.

Обученіе наше пошло чрезвычайно быстро. Конечно, я не говорилъ Турчанинову, что зналъ уже кое-что, и всѣ мои успѣхи онъ могъ поэтому отнести всецѣло на счетъ своихъ педагогическихъ способностей. Я даже легко усвоилъ ту белиберду, которую солдаты того времени, за неимѣніемъ письменныхъ уставовъ, передавали устно изъ поколѣнія въ поколѣніе и, конечно, при этомъ коверкали каждый по своей фантазіи. Въ концѣ концовъ смыслъ такъ искажался, что становился непонятнымъ здравому человѣку. Когда я пробовалъ исправлять кое-что или доискиваться истиннаго значенія, Турчаниновъ меня рѣзко останавливалъ и требовалъ точной передачи.

— Не твоего ума дѣло. Умнѣ тебя люди составляли «правила» (такъ называлась тогда словесная премудрость). Солдатъ не долженъ разсуждать... Такъ что же такое есть ружо?..

И мнѣ до сихъ поръ помнится отвѣтъ, который долженствовало произносить единымъ духомъ, лучше всего закрывъ глаза:

— Ружье есть оружье, намъ данное не токмо для нападенія, но и для обороны противъ врага и дабы защищать онымъ престолъ, вѣру и отечество. Онымъ же я совершаю артикулы, приѣмами именуемые.

— Какъ ты долженъ совершать сіи приѣмы?..

— Сіи приѣмы я долженъ совершать по командѣ начальниковъ.

— Какія, примѣрно, бываютъ команды?..

— «Отъ стоячей ноги до могучаго плеча шарааах...ни!»

Такая команда если и существовала въ стародавнія времена, то теперь была отмѣнена и сохранилась въ устномъ преданіи. Турчанинову же она нравилась красивыми терминами и ему казались грубыми простыя команды: «на пле-чо, къ но-гѣ» и т. п.

По счастью, начальство никогда не спрашивало насъ эти правила, а довольствовалась прямыми результатами,—зналъ солдатъ ружейные приѣмы, повороты, заряджаніе на шестнадцать темповъ, маршировку, кое-какія перестроенія, и довольно. Вспоминаю я еще, какъ при поворотахъ мы должны были съ приставленіемъ ноги ударять себя для отбиванія темпа правой рукой по ляжкѣ.

Всѣ одиночныя строевыя занятія велись унтеръ-офицерами, фельдфебелями, и только ротныя и батальонныя ученія—офицерами. Вообще строю удѣлялось не болѣе часа въ день, все же остальное

время было посвящено хозяйственнымъ работамъ то на полковыхъ постройкахъ, то на огородахъ, покосахъ, рубкахъ лѣса, выжиганіяхъ угля и т. п. Ротныя работы были тѣ же, что и полковыя, но только въ меньшемъ масштабѣ, и весь день солдата былъ, такимъ образомъ, наполненъ.

Послѣ двухъ-трехъ мѣсяцевъ занятій съ дядькой я былъ поставленъ въ строй, какъ заправскій солдатъ, и даже помню, участвовалъ въ крещенскомъ парадѣ.

Входя въ солдатскую среду, я опасался быть одинокимъ и отчужденнымъ, но этого не случилось. Съ перваго же дня никто изъ солдатъ не далъ мнѣ почувствовать тяжкаго одиночества, а всѣ будто согласились не только не корить меня въ чемъ-нибудь или злорадствовать, а, напротивъ, признали меня своимъ сослуживцемъ, равноправнымъ членомъ своей среды. Я понималъ эту деликатность и оцѣнилъ ее съ благодарнымъ чувствомъ. Были, напри-мѣръ, у насъ солдаты, побывавшіе въ Польшѣ на усмирении и даже въ наполеоновскій періодъ и никто изъ нихъ при мнѣ не злорадствовалъ по поводу окончательнаго крушенія польскихъ надеждъ.

То же встрѣтилъ я и въ офицерской средѣ. Между ними было довольно много поляковъ, но послѣ 31-го года они сдѣлались бѣлыми роялистами, чѣмъ самъ король, и даже между собой не говорили по-польски. Помню, какъ-то на одномъ ученіи я стоялъ въ сторонкѣ. Вдругъ ко мнѣ быстрыми шагами подошелъ офицеръ и вполголоса сказалъ по-польски: «Забудь, что ты полякъ. Ты здѣсь—москаль», и такъ какъ въ то время къ намъ кто-то подошелъ, громко сталъ мнѣ дѣлать замѣчаніе относительно выправки.

Сначала, помню, меня тянуло къ офицерской средѣ, съ которой у меня могло быть больше общаго, чѣмъ съ солдатами, но изъ опасенія встрѣтить тамъ снисходительный тонъ или покровительственный, я старался избѣгать частыхъ общеній и даже отпѣкивался на всѣ приглашенія, а потомъ я такъ тѣсно сошелся съ солдатами, открылъ тамъ такой богатый душевный міръ, что ничего не желалъ лучшаго. Не безъ наслажденія я опростился, не отказываясь ни отъ какихъ нарядовъ. Приходилось ли людямъ копать огороды,—копалъ и я; дрова рубить—рубилъ и я, также угли выжигалъ, подметалъ казармы, бѣлилъ стѣны наравнѣ съ другими. Но солдаты съ почти неуловимою деликатностью умѣли меня отстранить отъ работъ слишкомъ тяжелыхъ или грязныхъ и, такъ сказать, берегли меня. А что я имъ могъ дать взамѣнъ?.. Я имъ только писалъ письма на родину да читалъ получаемыя изъ деревень и въ длинные зимніе вечера въ казармахъ или лѣтомъ при бивуачномъ огнѣ рассказывалъ, что зналъ, о разныхъ странахъ, народахъ, о природѣ. При этомъ я никогда

не прикидывался всезнайкой, иногда сознавался въ незнаніи, а потому люди мнѣ вѣрили. Не всякому лектору удавалось имѣть такую чуткую, жадно прислушивавшуюся къ каждому слову аудиторию...

Особенно я подружился съ однимъ старымъ солдатомъ, Никифоромъ Максимовичемъ Сулужановымъ, или попросту—Максимичемъ. Знакомство наше произошло очень просто. Это было въ первое же время моего прибытія въ полкъ. Мнѣ все приходилось дѣлать самому, потому что нанимать кого-нибудь не имѣлъ средствъ. Изъ дому мнѣ дали всего пять полуимперіаловъ, изъ которыхъ у меня тогда осталось только два, и я рѣшилъ ихъ не мѣнять, а хранить до послѣдней крайности... Нужно мнѣ было постирать какъ-то бѣлье, а мыла не нашлось. Слышалъ я про щелокъ и вотъ досталъ золы, развелъ ее водой и въ этомъ отстоѣ началъ стирать бѣлье. Постепенно оно начало краснѣть: оказалось, это щелокъ разбѣлъ мои руки, и кровь сочилась изъ подъ ногтей... Солдаты подняли меня на смѣхъ. Бывшій возлѣ Максимичъ, одного со мною взвода, покачалъ укоризненно головой и сказалъ:

— Нѣшто такъ можно?.. Въ щелокѣ бучать бѣлье, а не стирають... Дай сюда!..

Сердито вырвалъ онъ у меня рубаху, досталъ своего мыла и достиралъ бѣлье. Съ тѣхъ поръ я почему-то полюбился ему. Бывало—проснешься, а сапоги уже вычищены, амуниція наводнена, ремни побѣлены... А тамъ, когда мы разжились чаемъ, то и жестяной чайникъ вскипаченъ. На походѣ, бывало, затекутъ мои плечи отъ непривычнаго ранца, а Максимичъ идетъ сзади, да поддержи, вааетъ или заставить снять и самъ несетъ мою ношу... Я пробую отнять, а онъ не даетъ и говорить:

— Да куда тебѣ ледащему... Отдохни малость, а мнѣ это ни-почемъ...

Мое нищенское добро берегъ больше своего. И все это не было чертою привычнаго подчиненія, а лишь проявленіемъ «отцовства», громадный запасъ котораго солдаты, навѣкъ оторванные отъ семьи, хранили въ своихъ сердцахъ. Имъ необходимо было покровительствовать кому-нибудь, пестовать, и чувство это выражалось въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, проявляясь любовью къ сиротамъ, подкинутымъ или плѣннымъ дѣтишкамъ, а иногда къ домашнимъ или дикимъ животнымъ. Поэтому-то на Кавказѣ, гдѣ отчужденность отъ родины чувствовалась гораздо острѣе, были такъ распространены «усыновленія» разныхъ сиротъ, на воспитаніе которыхъ солдаты съ неизъяснимымъ наслажденіемъ несли свои дорогіе гроши и офицеры не имѣли духу отказать имъ въ этомъ сборѣ, а въ каждой ротѣ, гдѣ, конечно, масштабъ былъ меньше, всегда имѣлись свои баловни въ видѣ собакъ, козловъ, оленей, даже медвѣдей. Максимичъ, всегда нянчившійся

съ кѣмъ-нибудь, перенесъ свою нѣжность съ кудлатаго пса на меня.

Какъ сейчасъ вижу его спокойную фигуру степеннаго солдата, всегда занятаго какимъ-нибудь дѣломъ, кромѣ праздниковъ, когда онъ, если не былъ въ нарядѣ, утро отстаивалъ обѣдню и полдня гулялъ, а къ вечеру уже снова возился у себя, приводя въ порядокъ оружіе и амуницію. Краснорѣчіемъ онъ не отличался, да и не любилъ распространяться о чемъ-либо, особенно при чужихъ, но къ его сужденіямъ въ ротѣ прислушивались, считая его справедливымъ человѣкомъ. Былъ онъ между прочимъ уже много лѣтъ образнымъ старостою, т.-е. слѣдилъ за ротнымъ образомъ и хранилъ лампадный деньги. Какъ онъ относился къ своимъ обязанностямъ, можно судить по тому, что, какъ ни круто намъ иной разъ приходилось, онъ ни разу не покусился взять на наши нужды заимообразно изъ имѣвшихся у него образныхъ суммъ, считая это такимъ же кощунствомъ, какъ, примѣрно, закурить трубку у лампы.

Взамѣнъ своихъ услугъ и постоянной заботливости обо мнѣ онъ ничего не требовалъ. Случалось, у меня иногда шевелилась совѣсть, и я желалъ проявить въ чемъ-нибудь свое усердіе, но онъ говаривалъ:

— Да не мѣшай мнѣ, Бога ради. Иди себѣ, поиграй вонъ въ лапту съ ребятежью, а я и безъ тебя справлюсь... Ишь, тоже нашелъ помощникъ!..

Въ 1839 году я пошелъ въ походъ солдатомъ, а вернулся офицеромъ, еще дорогою мечтая о томъ, какъ я отблагодарю своего друга за всю его отеческую ласку ко мнѣ, да, видимо, я плохо изучилъ Максима и не понялъ самой простой вещи: такія отношенія не могутъ быть вознаграждены матеріально. На всѣ мои зовы онъ приходилъ неохотно, держался стѣсненно и принималъ послѣ моихъ усиленныхъ настояній только ватную, простеганную курточку подъ мундиръ да старые серебряные часы, такъ какъ то и другое составляло предметъ его давнихъ мечтаній... Въ концѣ концовъ онъ мнѣ объявилъ, перейдя на официальное «вы»:

— Очень мнѣ за васъ радостно, ваше благородіе, что начальство васъ отличило... Такъ оно и должно быть, а только теперь мнѣ не слѣдуетъ вамъ надоедать...

И, несмотря на эти рѣзкія слова, я убѣжденъ, что онъ искренно радовался моему успѣху, даже гордился имъ, но въ душѣ скорбѣлъ объ утратѣ друга, которому ужъ не могъ покровительствовать. Но я все-таки мечталъ такъ или иначе приблизить его къ себѣ, пригласивъ его шаферомъ въ предстоящей моей женитьбѣ, или крестнымъ отцомъ будущихъ дѣтей... Къ несчастью, ни одного изъ этихъ желаній мнѣ не удалось осуществить. Возвратясь изъ одной командировки, я узналъ, что мой дорогой Максимъ забо-

лѣлъ «нутромъ» и, будучи отвезенъ въ тифлисскій госпиталь, тамъ умеръ.

Не могу себя представить, какое горе для меня могло быть сильнѣе. И какой мнѣ казалась ужасной подобная кончина Максимача, всегда инстинктивно боявшагося госпиталей, словно онъ предчувствовалъ тамъ свой конецъ.

Я тотчасъ же поскакалъ въ Тифлисъ и тамъ не безъ труда отыскалъ на Навтлужскомъ казенномъ кладбищѣ близкую мнѣ могилку... Я поставилъ изъ сѣраго камня крестъ и плиту—все, что только могъ сдѣлать при моихъ болѣе чѣмъ скудныхъ средствахъ.

Бывая потомъ въ Тифлисъ, мы каждый разъ служили панихиды на могилѣ Максимыча, который при жизни въ минуты грусти, а у насъ съ нимъ бывало ихъ не мало, говаривалъ:

— Вотъ помрешь въ этой проклятой азіятской сторонѣ, похоронятъ тебя, какъ собаку, креста не поставятъ, и никто-то не придетъ на твою могилу лба перекрестить и молитву сотворить...

И теперь я нравственнымъ долгомъ своимъ считалъ выполнить желаніе покойнаго... Скажу откровенно,—были у меня потомъ друзья, пріятели, но болѣе преданнаго, безкорыстнаго я не имѣлъ...

Спи же, мой дорогой Никифоръ Максимовичъ!.. Ты протянулъ мнѣ руку дружбы на далекой чужбинѣ, ты былъ мнѣ другомъ, братомъ... О тебѣ я храню самыя лучшія, самыя чистыя воспоминанія...

Но при всемъ моемъ искреннемъ желаніи опроститься, мнѣ, признаться, иной разъ приходилось не легко, не взирая на участливое отношеніе солдатъ. Много мнѣ мѣшала изнѣженность, отъ которой я никакъ не могъ отдѣлаться: то пища плоха, то ранецъ оттягивалъ плечи, то тяготили караулы...

Лучше всего мы себя чувствовали въ командировкахъ за лѣсомъ, дровами и углѣмъ, когда роты уходили на мѣсяцъ, на два въ горы и вели тамъ образъ жизни не солдатъ, а «вольныхъ», и этотъ суррогатъ свободы больше всего привлекалъ людей.

Въ 1834 году наши первые два батальона, въ томъ числѣ и шестая рота совершили походъ на Кубань, не принешии никому изъ насъ реальной пользы, по пословицѣ: коли паны дерутся, у хлопцевъ чубы болятъ. Такъ на нашемъ отрядѣ сказалась вражда между командиромъ Эриванскаго полка, княземъ Дадіани (о немъ будетъ рѣчь въ слѣдующей главѣ) и генераломъ Вельяминовымъ. Нашъ первый батальонъ по приходѣ на Кубань простоялъ все время въ Баксанскомъ ущельѣ, сторожа прорывъ горцевъ, а второй батальонъ былъ распределенъ по укрѣпленіямъ верхняго теченія Кубани. За полугодовое пребываніе на Кавказской линіи я помню всего лишь одно боевое выступленіе—экспедицію подъ началь-

ствомъ генерала Засса, командовавшаго Кубанской линіей, для разоренія абадзехскаго аула въ декабрѣ мѣсяцѣ. Весною 1835 года мы вернулись на Манглись.

Выдающимся событіемъ въ этомъ походѣ былъ нѣкотораго рода «бунтъ» нижнихъ чиновъ противъ командовавшаго нашими двумя батальонами полковника Катенина. Употребляя слово «бунтъ», я, можетъ быть, выразился нѣсколько сильно, однако иначе трудно назвать то глубокое чувство возмущенія, которое овладѣло тогда солдатами, но на почвѣ чисто-нравственной, рисующей моральную сторону нижнихъ чиновъ съ самой лучшей стороны и доказывавшей крѣпость отношеній ихъ съ офицерами, явившимся заступниками за своихъ подчиненныхъ.

Этотъ полковникъ Катенинъ, только недавно переведенный въ нашъ полкъ изъ гвардіи, другъ и сослуживецъ нашего полкового командира князя Дадіани, принадлежалъ къ петербургской золотой молодежи. Мнѣ потомъ рассказывали, что это былъ воспитанный, очень образованный молодой человѣкъ, довольно богатый, хлѣбосольный, остроумный, но страшно развращенный и писавшій звучные стихи во вкусѣ Баркова, воспѣвавшіе любовь къ красивымъ юношамъ и ненависть къ женщинамъ. У многихъ въ полку долго хранились рукописныя тетрадки его стиховъ. Я не любитель подобной литературы, но со словъ одного изъ сослуживцевъ помню начало какого-то стихотворенія:

Заброшенный въ далекій, чуждый край,
Я разлученъ съ тобой, о юноша прекрасный!..
Нарушенъ нашъ блаженный рай
Судьбой слѣпою, властной!..
Гдѣ же ты теперь, Нарцисъ прекраснѣйшій?
Все такъ же ль нѣженъ пухъ твоихъ ланитъ?.. и т. д.

Въ началѣ, по приѣздѣ на Кавказъ, Катенинъ сдерживался, но, назначенный въ описываемый походъ, проявилъ свои порочныя наклонности, вызвавъ естественный ропотъ солдатъ. Они заявили своимъ ротнымъ командирамъ претензію, и тѣ подали рапорты. Князь Дадіани не могъ затупить дѣла, но все же ему удалось склонить барона Розена ограничиться лишь переводомъ полковника Катенина комендантомъ въ Кизляръ, что, впрочемъ, было равносильно ссылкѣ. Тамъ, говорятъ, онъ совсѣмъ спился и скоро умеръ. Наши батальоны принялъ полковникъ Дальскій, лечившійся въ то время на кавказскихъ минеральныхъ водахъ.

Со мною въ этомъ походѣ произошелъ эпизодъ, закрѣпившій еще болѣе мою любовь къ моимъ одноротцамъ. Я простудился и заболѣлъ сильнѣйшей формой гастрической лихорадки. Первые дни я кое-какъ еще перемогался, но наконецъ головокруженія, рвоты и пароксизмы, доходившіе до бреда, такъ меня ослабили,

что я не могъ идти. Ротный командиръ хотѣлъ меня отправить въ госпиталь, но Максимычъ, а главнымъ образомъ фельдфебель Соколовъ, отдѣленный Клинишенко, глубоко убѣжденные въ томъ, что въ госпиталяхъ не лечатъ, а отправляютъ на тотъ свѣтъ, упростили ротнаго никуда не посылать меня, а принялись сами лечить разными потогонными, слабительными, укладывая меня въ походѣ на артельную повозку.

Максимычъ неотступно находился возлѣ меня, укрывая попонами, дабы я, потный, не простудился еще болѣе. Въ этомъ случаѣ меня трогаетъ не Максимычъ, который не могъ поступить иначе, а участіе всей роты, спасшей меня отъ госпиталя и предложившей свою единственную, строго оберегаемую собственность,—артельную повозку. А это большая жертва.

Чтобы судить объ этомъ, нужно знать хозяйственную организацію того времени. Одинъ изъ предыдущихъ полковыхъ командировъ, Н. Н. Муравьевъ, начальствованіе котораго составляетъ блестящую эпоху въ исторіи полка, установилъ извѣстнаго рода автономію въ ротномъ хозяйствѣ. Всѣми распорядками вѣдалъ комитетъ изъ фельдфебеля и четырехъ выборныхъ, по преимуществу отдѣленныхъ, но бывали и простые рядовые, чѣмъ-нибудь проявившіе свою хозяйственность. Максимычъ былъ нѣсколько времени въ этомъ комитетѣ, но самъ отказался, оставивъ себѣ только ротный образъ. Ротные командиры наблюдали за правильнымъ показаніемъ наличнаго числа людей въ требованіяхъ на отпускъ натурой муки, мяса и приварочныхъ. Вся получавшаяся отъ довольствія экономія поступала въ собственность роты и достигала иногда весьма почтенной цифры въ нѣсколько сотъ рублей, хранившихся въ полковомъ ящикѣ. На эти деньги заводились бара, музыкальный инструментъ для пѣсенниковъ—бубны, кларнеты, лиры, бунчуки, ложки—и артельные повозки съ лошадей, предметъ особо нѣжной заботливости солдатъ. Эти Васьки, Ерешки, Буланки могли кого угодно удивить своею выхоленностью, гладкостью и лоснящейся шерстью. Въ нашей ротѣ имѣлась пара очень хорошихъ лошадей, мать съ сыномъ стригуномъ,—хорошая помѣсь съ чистокровнымъ карабахомъ. Черезъ годъ жеребчика продали одному драгунскому юнкеру по небывало дорогой цѣнѣ—сто рублей. Фуражъ себѣ и ротному командиру роты заготавливали сами на полковыхъ покосахъ, въ походѣ же покупали, а не то люди по пути руками срывали траву и цѣлыми охапками несли до ночлега. Не уклоняясь отъ истины, можно было смѣло сказать, что этимъ Васькамъ и Буланкамъ жилось лучше, чѣмъ солдатамъ.

По сложившейся традиціи офицеры не позволяли себѣ пользоваться ротной повозкой и лошадей, въ походѣ не клали вещей своихъ, а каждый имѣлъ свою вьючную лошадь. И вотъ на эту-то

неприкосновенную повозку сами солдаты уложили меня больного. Какъ же было не опѣнить подобнаго трогательнаго вниманія?.. Благодаря уходу, а скорѣе всего чистому горному воздуху Дарьяльскаго ущелья, я быстро поправился.

Весною 1835 года мы вернулись на Манглись, и тамъ вскорѣ въ моей службѣ произошла перемѣна. Какъ я ни оберегалъ себя, по совѣту Клинишенка, отъ канцеляріи, все же мнѣ не удалось ея избѣгнуть. Всему виною угольная командировка.

Однажды фельдфебель Соколовъ, вернувшись съ вечерняго рапорта ротному командиру, отдалъ приказаніе готовиться людямъ на завтра къ выступленію въ лѣсъ на р. Храмъ «по уголь». Мы съ Максимычемъ размечтались, какъ онъ сплететъ мнѣ лапти, какъ мы будемъ охотиться на красную дичь и ловить рыбу, извѣстную въ Закавказьи подъ названіемъ «храмуля». Въ штабѣ оставались только огородники и наказанные, въ числѣ которыхъ оказался ротный писарь, большой пьянчужка и дебоширъ. Обязанности его были возложены на меня.

И вотъ тутъ-то лукавый попуталъ меня слишкомъ добросовѣстно отнестись къ моимъ новымъ обязанностямъ,—рапортчики мои, вѣроятно, грамотно написанныя и толково составленные, обратили на себя вниманіе въ штабѣ полка. Черезъ нѣсколько дней послученъ былъ конвертъ, мною же самимъ распечатанный, съ приказомъ: «командировать рядового Рукевича въ полковую канцелярію для письменныхъ занятій»...

Помню я грустно проведенный послѣдній вечеръ въ кругу моихъ пріятелей, старавшихся меня наставить должнымъ образомъ. Клинишенко говорилъ своимъ ровнымъ наставительнымъ голосомъ:

— Ну, что жъ, коли такъ вышло, значить, тебѣ судьба... Только ты, парнишка, не поддавайся имъ, не входи въ эту писарскую компанію. Доброму они тебя не научатъ, а испортить могутъ. Да насъ, смотри, не забывай, навѣдывайся почаще къ намъ... Мы всегда тебѣ будемъ рады...

Максимычъ дѣлалъ безразличный видъ, но, судя по той сосредоточенности, съ какой онъ копошился въ нашихъ вещахъ, перекладывая ихъ изъ одного ранца въ другой, можно было заключить, что не легко давалось ему это спокойствіе.

— Тутъ, Ѳомичъ, всѣ твои вещи... Бѣлье, того, справное, чистое,—сказалъ она наконецъ, завязывая ремни моего туго набитаго ранца.

Объемъ, однако, заставилъ меня усомниться, мои ли однѣ тамъ вещи. И дѣйствительно, тамъ оказались наши общія, принадлежавшія мнѣ лишь на половину, и, кромѣ того, сулуяновскія.

— Эй, Максимычъ, зачѣмъ же ты наложилъ все это?—невольно воскликнулъ я, выкладывая чай, сахаръ, сапожный товаръ, гребенку, мыло, запасъ нитокъ, куски воску для лощенія ремней и не помню еще что-то.

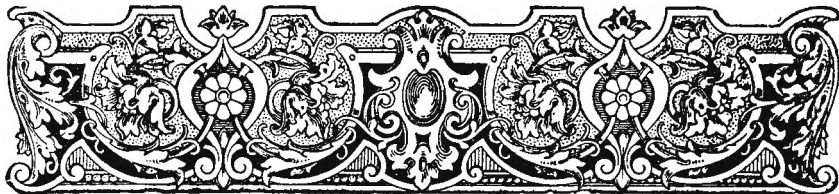
Уличенный Максимычъ разсердился и, бурча себѣ подъ носъ, вышелъ изъ землянки. На слѣдующій день съ подводой, шедшей за хлѣбомъ, я грустно поплелся въ штабъ. Съ Максимычемъ, еще до свѣта ушедшимъ на распилку, я такъ и не простился.

Что-то теперь мнѣ готовила судьба?..

А. Ф. Рукевичъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СТАРАГО ЭРИВАНЦА¹⁾.

(1832—1839 гг.)

III.

Блестящее состояніе Эриванскаго полка.—Полковые командиры.—Свѣтлѣйшій князь А. Л. Дадіани.—Лагодехская катастрофа 1830 года.—Разрывъ куначества съ Грузинскимъ полкомъ.—Женитьба князя Дадіани на баронессѣ Розенъ.—Хозяйственныя операціи.—Служба въ канцеляріи.—Секретарство у князя Дадіани.—Княгиня Лидія Григорьевна Дадіани.—Пріѣздъ семьи главнокомандующаго на Манглист.—Выступленіе въ «свѣтъ».—Игуменія Митрофанія.

О СИХЪ поръ я еще ничего не сказалъ о нашемъ полковомъ командирѣ флигель-адъютантѣ полковникѣ свѣтлѣйшемъ князѣ Дадіани, а между тѣмъ онъ представлялъ собою довольно интересный типъ, сотканный изъ смѣси хорошихъ и дурныхъ чертъ. Лично я ему обязанъ многимъ, но безпристрастіе меня вынуждаетъ сказать, что время его командованія полкомъ должно быть отмѣчено мрачными красками.

Эриванскій полкъ, послѣ счастливаго подбора ряда выдающихся начальниковъ: патріархальнаго Ладинскаго, умнаго Н. Н. Муравьева, рыцарски-честнаго барона Фредерикса—находился въ блестящемъ состояніи и могъ бы справедливо считаться по строевому образованію, по богатству хозяйственныхъ заведеній однимъ изъ первыхъ полковъ не только на Кавказѣ, но и въ Россіи. Н. Н. Муравьевъ сумѣлъ привлечь въ полкъ самыхъ образованныхъ офицеровъ того времени, даже съ университетскимъ образованіемъ. Помню я, напримѣръ, такихъ выдающихся «стол-

¹⁾ Продолженіе. «Истор. Вѣстн.», т. СXXXVII, стр. 789.

бровъ» полка, какъ капитаны Кирилловъ, Жилинскій и многихъ другихъ ¹⁾. Они были хранителями лучшихъ завѣтовъ полка и поставителями молодежи въ правилахъ рыцарской честности и доблести. Я глубоко убѣжденъ, что эти черты перешли отъ офицеровъ къ солдатамъ, и поэтому-то среди послѣднихъ я встрѣтилъ такой высокій нравственный уровень. Во истину можно сказать: «каковъ попъ, таковъ и приходъ».

И вотъ такой-то полкъ получилъ этотъ баловень судьбы, молодой, еле достигшій тридцатилѣтняго возраста флигель-адъютантъ князь Александръ Леонтиевичъ Дадіани. Казалось, все улыбалось этому избраннику судьбы. Отецъ его, потомокъ владѣтельныхъ князей, выселился изъ Грузіи въ Россію въ концѣ XVIII столѣтія и составилъ себѣ карьеру женитьбой на богатой аристократкѣ Нарышкиной. Сынъ, Александръ, получилъ прекрасное домашнее воспитаніе и, кажется, окончилъ пажескій корпусъ, откуда былъ выпущенъ въ Преображенскій полкъ. Ведя широкій образъ жизни, онъ разстроилъ свои денежныя дѣла и для поправленія ихъ и полученія наградъ, по примѣру многихъ, перевелся на Кавказъ адъютантомъ къ Паскевичу. Тотъ его выдвинулъ, произвелъ въ полковники и назначилъ командиромъ Эриванскаго полка. Такимъ образомъ, изъ командировъ взвода или, самое большое, полуроты Дадіани очутился вершителемъ судебъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ солдатъ и болѣе сотни офицеровъ, изъ которыхъ большинство ему годилось въ отцы. Въмѣсто того, чтобы учиться и впитать самому часть того геройскаго духа, которымъ отличалась кавказская армія, онъ сталъ рѣзко, враждебно относиться ко всякому возраженію, мало-мальски напоминавшему совѣтъ, и думалъ надменностью прикрыть свое незнаніе жизни и отсутствіе боевого опыта. Такимъ образомъ, то единеніе, которое всегда существовало на Кавказѣ между подчиненными и команднымъ персоналомъ, было рѣзко нарушено. Все лучшее офицерство отшатнулось отъ Дадіани, и многіе даже вынуждены были перевестись въ другія части. Взамѣнъ ихъ переведены были новые офицеры, умѣвшіе льстить и потакать ему во всемъ. Какъ всѣ слабые, безхарактерные люди, онъ не замѣчалъ своего подчиненія болѣе властнымъ, а такимъ сдѣлался полковой адъютантъ поручикъ З—въ, этотъ злой геній князя.

Многое простилось бы Дадіани, если бы онъ проявилъ какую-нибудь заботу о солдатѣ, о подчиненныхъ. Но этого-то и не было. Во всякой фразѣ, во всякомъ приказаніи его проглядывала надменность, горделивое пренебреженіе. Онъ будто не сознавалъ, что громадная власть предоставлена ему закономъ не для личнаго пользованія, что солдаты не его крѣпостные, а такіе же воины, какъ

¹⁾ Въ рукописи отца приведено, но неразборчиво еще нѣсколько другихъ фамилій.
Р—ъ.

и онъ самъ. Чуткіе солдаты отлично его понимали, и тотъ же Клинишенко охарактеризовалъ его такъ:

— Пустой человѣкъ!.. Отъ своихъ грузинъ отсталъ, а къ нашимъ не присталъ... На насъ, солдатъ, смотритъ, какъ на рабочихъ скотовъ... Ему бы только ротой командовать, да и то осматрись, а не полкомъ... Самостоятельности никакой въ немъ нѣтъ,—кто половчѣе, тотъ и помыкать имъ можетъ. А пѣтушиться куда какъ любить...

Слѣдующій эпизодъ, передаваемый мною со словъ участниковъ солдатъ, много содѣйствовалъ непопулярности Дадіани. Въ 1830 году полкъ находился на Лезгинской линіи въ Лагодехахъ, гдѣ производилъ вырубку садовъ, необходимую въ тактическихъ цѣляхъ. Командиры нашихъ батальоновъ подполковники Кашутинъ и Ключегенау, извѣстные своею боевою опытностью и отвагой, указывали на необходимость, въ видахъ осторожности, раздѣлить отрядъ на порубщиковъ и охранную часть, которую слѣдовало выставить впередъ цѣпью, но Дадіани въ крайне рѣзкой формѣ отказался отъ совѣта и приказалъ:

— Я знаю, что дѣлаю... Я распоряжаюсь, я и отвѣчаю... Дѣлать такъ, какъ я приказывалъ: выставить впередъ пикетъ изъ полувзвода, а остальныхъ людей на рубку...

Нераспорядительность эта немедленно сказалась. Выставленный впередъ пикетъ изъ пятнадцати человѣкъ, подъ начальствомъ поручика Харитона Потемни, былъ вырѣзанъ подкравшимися джарцами. Но этотъ жестокій урокъ не образумилъ Дадіани,—онъ продолжалъ настаивать на своемъ. Тогда Кашутинъ распорядился, чтобы люди не составляли ружей въ козлы, а носили бы ихъ при себѣ на ремняхъ во время рубки. Солдаты такимъ образомъ не были безоружны. Пріѣхавшій на работы князь Дадіани, однако, отмѣнилъ и это распоряженіе, при этомъ страшно раскричался:

— Что вы мнѣ людей напрасно морите?.. Какъ имъ рубить съ ружьями за плечами и топорами въ рукахъ... Людей не жалѣете!.. Сами попробовали бы... Составить ружья въ козлы!..

Но эта забота о людяхъ и привела къ новой, еще болѣе ужасной катастрофѣ. Въ тотъ моментъ, когда роты, сложивъ ружья въ козлы, углубились въ чащу виноградниковъ, джарцы, очевидно, только и ждавшіе какой-нибудь оплошности съ нашей стороны, охватили безоружныхъ рубщиковъ съ тыла и перерѣзали буквально, какъ барановъ, нѣсколькихъ офицеровъ и 360 нижнихъ чиновъ...

Не знаю, какъ это дѣло описано въ реляціи, составленной самимъ Дадіани, но привожу его со словъ тѣхъ, которые участвовали въ этомъ несчастномъ бою и какимъ-то чудомъ спаслись отъ масакра... Они ставили въ вину Дадіани глупое упрямство и нежеланіе попятъ особенность кавказской боевой обстановки. Кавказцы не жалѣли жертвъ, когда являлась дѣйствительная необходимость, но не прощали даромъ пролитой крови.

Къ этому же времени относится разрывъ пріятельскихъ отношеній, искони существовавшихъ между Эриванскимъ полкомъ и Грузинскимъ, который тоже находился въ Лагодехахъ. Еще на походѣ, а затѣмъ на стоянкѣ Дадіани сдѣлалъ рядъ безтактностей по отношенію грузинцевъ и на замѣчаніе, что это наши «кунаки», т. е. пріятели, очень грубо выразился о нихъ... Грузинцы обидѣлись, и явилось охлажденіе, которое сказалось въ день описанной выше катастрофы. Грузинцы рубили сады въ полуверстѣ отъ насъ и когда донеслись до нихъ выстрѣлы, крики и шумъ боя, то они не прибѣжали на выручку. Весьма возможно, что они и не могли этого сдѣлать, сами были въ разбросѣ по лѣсу, наконецъ не подозрѣвали о размѣрахъ катастрофы, но, какъ бы то ни было, Дадіани, самъ первый нарушившій священный обычай куначества, теперь упрекалъ въ этомъ грузинцевъ, и пріязнь между этими одинаково славными, одинаково достойными полками была нарушена и потомъ длилась много, много лѣтъ при мнѣ и послѣ меня... Всѣ знали впоследствии объ этихъ счетахъ, даже высшее начальство много разъ пыталось примирить стороны, устраивались, какъ я слышалъ, даже примирительные обѣды, но охлажденіе все оставалось. Очевидно, это недоразумѣніе, начавшееся въ бою, не могло быть искуплено застольными рѣчами, а лишь открытымъ самопожертвованіемъ въ бою же. Можетъ быть, нѣкоторые схоластики назовутъ подобное злопамятство вреднымъ для военнаго дѣла, но, по-моему, оно служить лучшимъ доказательствомъ, какъ кавказскія части дорожатъ своимъ прошлымъ, своими традиціями...

Относительно же этого братанія или куначества, отъ черкесскаго слова кунакъ—пріятель, другъ,—считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ. Совмѣстные продолжительные походы, одновременное участіе въ кровопролитныхъ бояхъ порождали между частями особую дружбу, называвшуюся куначествомъ. Законы его нигдѣ не были писаны, но тѣмъ не менѣе считались обязательными и нарушенія ихъ могли повести къ серьезнымъ недоразумѣніямъ. Зародившись въ какомъ-нибудь совмѣстномъ бою или въ тяжеломъ походѣ, куначество потомъ закрѣплялось грандіознымъ, гомерическимъ кутежомъ, иной разъ длившимся нѣсколько дней подъ рядъ, и потомъ поддерживалось обмѣнами привѣтствій въ дни праздниковъ, болѣе или менѣе цѣнными подарками въ дни юбилеевъ, въ паѣздахъ цѣлыми группами другъ къ другу въ гости и т. п. Рыцарство при этомъ доходило до того, что, напримѣръ, въ реляціяхъ, представлявшихъ о боевыхъ дѣлахъ, принято было особенно восхвалять дѣйствія своихъ кунаковъ.

Эта дружба, начавшись обыкновенно среди офицеровъ, переходила потомъ къ нижнимъ чинамъ и благотѣльно вліяла на укрѣпленіе связи между частями войскъ, на сплоченіе кавказской арміи въ одну тѣсную семью.

Общность и взаимная поддержка не ограничивались только застольными рѣчами, а переносились и въ частную жизнь. Я помню нѣсколько характерныхъ случаевъ. Въ одномъ кавалерійскомъ полку узнали, что командиръ кунацкой батареи проигралъ семнадцать тысячъ казенныхъ денегъ и его бригадный, сухой, пунктуальный формалистъ-нѣмецъ, выѣхалъ уже на ревизію. Командиръ кавалерійскаго полка по тревогѣ созвалъ своихъ офицеровъ, собиравъ имъ грустную вѣсть о сосѣдѣ, и тутъ же все общество единогласно постановило выручить кунака. Черезъ часъ изъ штаба выѣхали два офицера,—одинъ съ семнадцатью тысячами къ командиру батареи, другой въ Тифлисъ, чтобы вынуть изъ банка деньги и пополнить занятую изъ казеннаго ящика сумму. Черезъ мѣсяцъ или два артиллеристъ вернулъ дебри, получивъ ихъ изъ Россіи.

Конечно, тутъ, собственно говоря, цѣлый рядъ правонарушеній съ точки зрѣнія закона: растрата, заимствование изъ казеннаго ящика, покрытіе преступленія и т. п. Но у кого поднимется рука обвинить людей, что они безъ всякаго ущерба для казны спасли отъ суда отмѣнно храбраго и вполне честнаго человѣка, только неосмотрительно поступившаго.

Другой случай произошелъ на моихъ глазахъ. Одинъ изъ молодыхъ, но уже въ порядочныхъ чинахъ «фазановъ»,—такъ назывались новички, прилетавшіе изъ Россіи на Кавказъ «для ловли счастья и чиновъ»,—позволилъ себѣ въ застольной бесѣдѣ отозваться свысока и даже пренебрежительно объ одномъ полкѣ. Сидѣвшій тутъ же сѣдой капитанъ, самый старшій изъ насъ, всталъ и сказалъ своимъ внушительнымъ басомъ:

— Вы, господинъ штабсъ-капитанъ, слишкомъ молоды, чтобы судить о части, знамена которой изрѣшечены непріятельскими пулями... Это наши закадычные друзья, наши кунаки... Прошу васъ отказаться отъ вашихъ словъ...

Молодой человѣкъ заупрямился. Состоялась дуэль, и обидчикъ былъ раненъ въ плечо. Уже потомъ онъ имѣлъ благородство сознать свою вину и принесть извиненія.

Вотъ этимъ куначествомъ и пренебрегъ князь Дадіани, нисколько не дорожа тѣми традиціями, которыя исторически сложились въ бытѣ кавказскихъ войскъ. Ему, какъ пришельцу, можетъ быть, были смѣшны эти сантиментальные обычаи, но они были дороги всякому старому кавказцу, скрашивая суровую обстановку и даже нѣсколько поэтизируя ее... Въ командованіе Дадіани эриванцы потеряли многихъ кунаковъ, и впослѣдствіи мнѣ пришлось участвовать во многихъ пирахъ въ честь возобновленія «прерванной» дружбы...

А между тѣмъ Дадіани былъ въ сущности совсѣмъ не злой, очень мягкій, доброжелательный человѣкъ, но только податливый на всякое стороннее, большею частью скверное вліяніе. Правду Кли-

нишенко говорилъ: «ему ротой, а не полкомъ командовать». Онъ не могъ вмѣстить въ себя всю огромную власть, сопряженную со званіемъ командира полка, и дѣлалъ то явныя послабленія, то вопіющія превышенія. И при этомъ умѣлъ особенно рѣзко вызвать непріязнь во всѣхъ окружающихъ и въ начальникахъ.

Мнѣ удавалось видѣть его иногда мирно, добродушно бесѣдовавшимъ со своими домашними, но какъ только показывался кто-нибудь изъ офицеровъ, не изъ числа приближенныхъ, онъ мгновенно преобразался, принималъ небрежную позу, тонъ его становился рѣзкимъ, властнымъ. Многіе говорили, что онъ имитировалъ въ этомъ случаѣ своего бывшего начальника князя Паскевича, вообще не отличавшагося привѣтливостью.

Всѣ эти отрицательныя качества особенно усилились послѣ его женитьбы въ 1834 году на дочери барона Розена Лидіи Григорьевнѣ. Это близкое родство съ главнымъ начальникомъ края придавало особенную смѣлость его дѣйствіямъ. И безъ того надменный, теперь онъ сталъ положительно неприступенъ, окруживъ себя штатомъ льстецовъ, чаявшихъ поживиться милостями сильнаго человѣка. Злымъ его гениемъ былъ адъютантъ поручикъ З—ъ.

Можно съ нѣкоторою вѣроятностью предположить, что, насытившись властью, Дадіани со временемъ сгладилъ бы шероховатости своего характера и изъ него могъ выйти сносный начальникъ; по крайней мѣрѣ у него были къ этому задатки, въ видѣ сознанія въ излишней своей рѣзкости, въ желаніи улучшить свои отношенія къ офицерамъ и т. п. Это я могу утвердительно сказать, потому что, какъ я объясню ниже, мнѣ пришлось стать довольно близко къ самому Дадіани и къ его семьѣ. Но, повторяю, гибельное вліяніе нѣкоторыхъ лицъ влекло его совсѣмъ не на путь исправленія.

Дѣло въ томъ, что денежные дѣла его совершенно разстроились. Нужно думать, что приданое за женой было небольшое, такъ какъ, по слухамъ, баронъ Розень лично ничего не имѣлъ, кромѣ содержанія. Расходы же князя, особенно съ женитьбой, увеличились значительно, и вотъ тогда-то поручикъ З—ъ явился со своимъ предложеніемъ взять подрядъ по поставкѣ провіанта въ свой же полкъ. Князь вначалѣ колебался и за совѣтомъ обратился къ своей тещѣ баронессѣ Розень (урожденной графинѣ Зубовой). Въ ней онъ встрѣтилъ большую поддержку и даже содѣйствіе. Справочныя цѣны, благодаря ея сильному вліянію, поднялись чрезвычайно и подрядъ остался за княземъ. Предпріятіе обѣщало громадныя выгоды. Поручикъ З—ъ и штабсъ-капитанъ Несмачный (произведенный въ офицеры изъ гвардейскихъ фельдфебелей) дѣятельно принялись за организацію хозяйства, задуманнаго на самыхъ широкихъ началахъ. Такъ, въ виду крайней дороговизны ржаной муки, привозимой изъ Россіи и обходившейся значительно дороже пшеницы, они рѣшили сами сѣять рожь, для этого арендовали казенныя и частныя

земли; началась распашка, посѣвы, заготовка фуража, заводились воловьи и даже верблужьи транспорты для будущей перевозки хлѣба. З—ъ, Несмачный и самъ Дадіани совсѣмъ погрузились въ обширное хозяйство и въ полку ихъ совсѣмъ не было видно... Но не въ этомъ заключалась бѣда, а въ томъ, что все это создавалось даровымъ трудомъ солдатъ, которые на первое время, казалось, даже довольны были отдѣлаться отъ солдатчины, рассчитывая что-нибудь заработать на этомъ трудѣ, на самомъ же дѣлѣ имъ ничего не платили и, кромѣ того, ради экономіи, одѣвали во всякую рвань и кормили плохо. Все это совершалось на глазахъ офицеровъ, но они не обнаруживали этихъ явныхъ злоупотребленій отчасти потому, что доносы вообще не были въ традиціяхъ кавказскихъ войскъ, а съ другой стороны—какъ, въ самомъ дѣлѣ, было донести или пожаловаться на «жену цезаря», въ данномъ случаѣ зятя командующаго войсками...

Однако все въ концѣ концовъ обнаружилось и привело князя Дадіани къ полному крушенію его карьеры, такъ блестяще начатой и такъ жалко оконченной...Описывая эту катастрофу, я, конечно, рискую повторить извѣстные въ исторической литературѣ факты, но, можетъ быть, мои воспоминанія внесутъ что-нибудь новое, ибо нѣкоторые обстоятельства мнѣ пришлось узнать не съ официальной стороны.

Однако я забѣжалъ слишкомъ впередъ и мнѣ придется вернуться къ тому времени, когда меня изъ лѣсу вытребовали въ полковую канцелярію.

Я всегда боялся этого непріютнаго зданія съ его бойкимъ, развязнымъ населеніемъ, комплектовавшимся изъ кантонистовъ, изъ дворовыхъ, отданныхъ въ солдаты за разные художества, и городскихъ мѣщанъ... Они всѣ подавляли насъ, строевиковъ, своимъ гордымъ величіемъ и подпускаемыми иногда для форсу учеными словечками, очень смущавшими простыхъ солдатъ. Бывало, не дай Богъ кому-нибудь обратиться въ канцелярію за нужной справкой. Прежде, чѣмъ дать отвѣтъ, самый поганый писарекъ наломается, «нафордыбачится», какъ говорили тогда, и ужъ потомъ сдѣлаетъ снисхожденіе... Досаднѣе всего было то, что при начавшейся строевой и хозяйственной разрухѣ въ періодъ властвованія Дадіани эти господа дѣйствительно начали играть какую-то роль. Въ этомъ я самъ убѣдился, видя, какъ вѣчно занятой, углубленный въ совсѣмъ инныя соображенія З—ъ бывало буркнетъ неопредѣленно: «назначить, кто тамъ на очереди» или «командировать кого-нибудь», а очередныхъ списковъ не велось и все зависѣло отъ усмотрѣнія писаря, назначавшаго офицера или даже роту по своимъ симпатіямъ.

Полковая канцелярія рѣзко дѣлилась на два отдѣла: хозяйственный и строевой. Мнѣ посчастливилось попасть во второй, гдѣ

работы было меньше, да и послуживцы какъ-то чище и моложе; въ хозяйственномъ же отдѣлѣ сидѣли многоопытные кикиморы въ очкахъ, «крючкотворы», какъ ихъ называли. Особенно одинъ съ бугристымъ сизымъ носомъ славился, какъ умница и знатокъ всякихъ отписокъ и уловокъ. Его бы давно произвели въ чиновники, если бы не несчастная страсть къ вину, заставлявшая этого господина иногда пропивать даже казенное имущество, до рубашки включительно. Особенная милость начальства только и спасла его отъ суда. Впослѣдствіи у меня съ нимъ вышло прискорбное столкновение.

Всею канцеляріей долженъ былъ вѣдать, какъ адъютантъ, поручикъ З—ъ, но, будучи моложе въ чинѣ казначея и квартирмейстера, предоставилъ имъ все распоряжки, а самъ показывался въ канцеляріи лишь для подписи бумагъ и приказовъ. Кромѣ того, онъ все время пропадалъ либо у полкового командира, либо ѣздилъ по порученіямъ князя, носясь на своемъ чистокровномъ бѣломъ арабѣ, конѣ рѣдкой красоты и выносливости. Нужно отдать справедливость З—у, — онъ могъ состязаться съ любымъ кавалеристомъ въ неистовчивости и умѣніи ѣздить верхомъ.

Подъ очень тяжелымъ впечатлѣніемъ я вступилъ въ мѣсто моего новаго служенія. Меня удивило то довольство, въ которомъ жили писаря по сравненію съ строевыми. И кормились они значительно лучше, и одѣты были чище, и спали теплѣе. У всѣхъ имѣлись кровати, перьевыя подушки, одѣяла, сшитыя изъ разноцвѣтныхъ ситцевыхъ кусочковъ слободскими кумушками, особенно мирволившими къ ловкимъ, изящнымъ писарямъ... Объ этой роскоши я за четыре года пребыванія въ строю забылъ даже мечтать... Какъ же я долженъ былъ стыдиться моего убогаго ранца съ двумя-тремя смѣнами бѣлья и однимъ еще уцѣлѣвшимъ носовымъ платкомъ... «Когда-то, — съ грустью думалъ я, — удастся мнѣ сколотить такую уйму денегъ, чтобы купить себѣ все нужное и не краснѣть передъ этими аристократами»... Но меня выручилъ случай на романической, между прочимъ, подкладкѣ. Въ канцеляріи я встрѣтилъ одного знакомаго юнкера, снѣжно уѣзжавшаго въ Россію. Встрѣтивъ меня, онъ обрадовался и торопливо, нѣсколько разсѣянно сталъ просить меня пересылать приходящія на его имя письма.

— А нѣтъ ли у васъ подушекъ и одѣяла? — спросилъ я совершенно случайно.

— Есть... и представьте, какая досада! Приходится бросать тутъ въ ротъ. Не хотите ли взять ихъ у меня?..

Я колебался. Были у меня деньги, — два завѣтныхъ полуимпериала, которые я берегъ на черный день, и мнѣ теперь было очень жаль разстаться съ ними. Но, представивъ себѣ ироническую улыбку моихъ новыхъ сослуживцевъ, когда, ложась на голыя доски, я буду прикрываться одною шинелью, я рѣшилъ, что черный день насталъ.

— Сколько же вы хотите за вашу постель?..

— Да все равно этимъ вещамъ пропадать, такъ берите уже за десять ассигнацій...

Это было что-то около трехъ рублей на серебро, слѣдовательно, въ предѣлахъ моей платимости, и я согласился. Мы ударили по рукамъ. Юнкеръ очень торопился и потому выдалъ мнѣ записку къ ротному каптенармусу на полученіе всѣхъ вещей.

— Тамъ еще есть кое-какія другія вещи; вы ихъ, пожалуйста, при случаѣ распродайте и деньги мнѣ вышлите съ письмами по адресу моему.

Что-то меня задержало, и я только часа черезъ два пошелъ за моей покупкой. Проходя одной улицей, я встрѣтилъ дорожный экипажъ съ закрытымъ верхомъ, изъ-подъ котораго на меня глянули испуганныя лица какой-то дамы, закутанной въ темную вуаль, и знакомаго юнкера. Отѣхавъ немного, юнкеръ выскочилъ изъ экипажа, окликнулъ меня и торопливо попросилъ возвратить данный мнѣ адресъ для пересылки писемъ. Я сказалъ, что его нѣтъ со мной, но я и такъ помню. Юнкеръ поблѣднѣлъ, потомъ нервно схватилъ меня за бортъ сюртука и спросилъ:

— Рукевичъ? Вы честный человѣкъ?..

— Полагаю...—отвѣтилъ я удивленно.

— Ну, такъ поклянитесь мнѣ, что вы никому, ни подъ какимъ видомъ не скажете моего адреса, не выдадите меня?..

— Что за таинственность такая?.. Зачѣмъ вамъ моя клятва, я и такъ вамъ могу обѣщать никому не говорить. Извольте, я вамъ даю честное слово порвать адресъ и никому не говорить и даже позабыть..

— Ну, смотрите же, я вамъ почему-то вѣрю. Да еще прошу васъ, ради Бога, не говорите, никому, что вы меня встрѣтили сейчасъ въ экипажѣ съ... не одного... Общаете?..

Я, конечно, обѣщалъ. Онъ крѣпко, до боли сжалъ мнѣ руку, и слезы стояли въ его глазахъ. Торопясь къ экипажу, онъ мнѣ бросилъ еще фразу:

— А вещи можете взять себѣ на память, а если продадите, то денегъ не высылайте, а подождите моего письма.

И этого письма я жду до сихъ поръ. Но адреса я, вопреки обѣщанію, не забылъ. Да и какъ мнѣ было его забыть, когда только я одинъ могъ сказать, куда дѣвалась жена одного офицера, исчезнувшая какъ разъ въ эти же дни. Дѣло было такъ ловко подстроено, что всѣ были увѣрены, будто ее украли лезгинны или татары. Но и юнкеръ тоже скрылся съ горизонта. Перемѣнилъ ли онъ фамилію, или иначе какъ-нибудь устроился, но никто о немъ ничего не зналъ, несмотря на всевозможныя справки. Вещи же, мною купленныя, оказались такими, что и сейчасъ я бы не отказался отъ пріобрѣтенія подобныхъ: стояли же онѣ не десять рублей, а по меньшей мѣрѣ сто рублей. Тюфякъ, на примѣръ, былъ на оленьей шерсти,

походнаго типа, свертывающийся и простеганный поперечными валиками съ замшевыми боками. Всѣ остальные вещи, сессесеры, погребцы, щетки и много другихъ бездѣлушекъ были всѣ очень изящны и дороги. Долго мнѣ потомъ приходилось вести торговлю этими вещами, вырученныя же деньги я все же отослалъ по извѣстному мнѣ адресу. Думаю, что владѣлецъ ихъ получилъ, ибо обратно мнѣ съ почты ихъ не вернули.

Хотя я и ропталъ на товарищескій составъ, но долженъ сказать, что въ канцеляріи мнѣ жилось довольно хорошо. Прежде я получилъ совершенно отдѣльное помѣщеніе въ небольшой комнатѣ при архивѣ, а, во-вторыхъ, отношеніе ко мнѣ сослуживцевъ и начальства не заставляло желать лучшаго. Поручикъ З—въ, оговоркой ли, или намѣренно, сразу обратился ко мнѣ на «вы», такъ оно и пошло. Относительно же работы мнѣ какъ-то удалось быстро усвоить механизмъ канцелярской премудрости. Помню я, нужно было составить третнюю вѣдомость. Старшій писарь былъ боленъ и лечился на водахъ, а остальные никогда къ этимъ требованіямъ не касались. Просмотрѣвъ вѣдомости за прежнія времена, я увидѣлъ, что это не очень мудрая вещь, и попытался самъ составить по прежнимъ образцамъ, введя измѣненія, согласно новѣйшимъ приказамъ по полку. Тутъ было затронуто мое самолюбіе, —смогу ли я справиться безъ руководителя. Оказалось, что могу. Въ началѣ, конечно, приходилось довольно часто прибѣгать къ помощи крючкотвора съ бургистымъ носомъ, знавшаго рѣшительно все по канцелярской части, а потомъ я самъ началъ справляться настолько успѣшно, что могъ бы обойтись и безъ указаній старшаго писаря, когда тотъ вернулся съ воды. Но мнѣ было искренно жаль этого стараго служаку, посѣдѣвшаго въ канцеляріи и наивно полагавшаго, что мудрѣ этой работы не существуетъ. Конечно, я не разубѣждалъ его и, напротивъ, постоянно прибѣгалъ къ его авторитету, даже когда меня впослѣдствіи назначили полковымъ адъютантомъ.

Несмотря на добрыя отношенія, установившіяся у меня съ сослуживцами, много разъ мнѣ приходилось грустить по моимъ одноротцамъ, по дороговому Максимычу, по Клинишенку, по почтенному, всегда ровному и степенному фельдфебелю Соколову и по многимъ другимъ... За это время я имъ часто писалъ. Въ дни же прихода изъ лѣсу подводы я ужъ обязательно бывалъ въ ротѣ и узнавалъ во всѣхъ подробностяхъ все происходившее въ командѣ; напримѣръ, что Федорчукъ «ногу себѣ спортилъ» топоромъ и ему рану засыпали трутомъ, что охотники волчатъ нашли, а Василенка, нашего ротнаго весельчака и балагура, змѣя укусила, да ротный фершалъ Мудрый рану отсосалъ и прижегъ каленымъ желѣзомъ. На вопросъ мой у возницы, нѣтъ ли мнѣ писемъ, большею частью получался отвѣтъ: «Какъ же, пишутъ вамъ письмо. Привезу, какъ пріѣду въ другой разъ». Отвѣтъ этотъ не былъ ироническимъ для того, кто зналъ,

съ какимъ трудомъ солдатамъ давались письма. Но зато каждый разъ мнѣ привозили какой-нибудь лѣсной гостинецъ, то ягодъ; то дикаго меду, то рыжиковъ, которые, кажется, только и растутъ въ Закавказьи, что въ Манглисскихъ лѣсахъ. Однажды мнѣ удалось выпроситься въ двухдневный отпускъ, который я съ величайшимъ наслажденіемъ провелъ въ лѣсу, словно школьникъ, вырвавшійся на волю.

Весьма скоро въ мои канцелярскія занятія внеслось разнообразіе. Какъ-то разъ пришелъ адъютантъ и приказалъ мнѣ одѣться въ мундирную пару перваго срока и слѣдовать за нимъ. Таинственное это шествіе закончилось у дома полкового командира. З—въ вошелъ первый, а я остался размышлять, для какой расправы могли меня потребовать сюда,—кажись, ни въ чемъ особомъ я не провинился и не замѣшанъ. Наконецъ меня позвали въ кабинетъ князя. Онъ ходилъ по комнатѣ въ разстегнутомъ сюртукѣ безъ погонъ и курилъ изъ длиннаго мундштука.

— Здравствуй, братецъ!..—поздоровался онъ со мной.

— Здравья желаю вашей свѣтлости...—отчеканилъ я.

— Вотъ эту тетрадку нужно переписать четко, пррзборрчиво. Есть тутъ слова, не по-русски написанныя, такъ ты, братецъ, мѣсто оставь, я самъ ихъ впишу потомъ... Когда кончишь, принеси...

Я облегченно вздохнулъ и пошелъ исполнять работу. Это, насколько мнѣ помнится, былъ какой-то проектъ о скорѣйшемъ покореніи Кавказа. Не безъ труда мнѣ далась эта переписка. Помимо массы грамматическихъ ошибокъ, почеркъ князя былъ дѣтски не устоявшійся, неразборчивый, фразы какія-то неоконченныя и даже логика страдала. Помучившись нѣкоторое время, я обратился къ З—у, и тотъ, взглянувъ на меня съ улыбкой, сказалъ:

— А вы пишите, какъ знаете, какъ вамъ кажется лучше. Вѣдь эти проекты дальше кабинета никуда не пойдутъ...

Тогда я началъ перекраивать «изъ стараго фрака новый сюртучекъ», какъ говорилось въ какомъ-то анекдотѣ. Князь остался очень доволенъ моею работой, потомъ далъ мнѣ другую, и постепенно я превратился въ нѣкотораго рода домашняго секретаря. Зачастую мнѣ приходилось писать подъ диктовку князя—то о земельномъ переустройствѣ Грузіи, то планы походовъ въ Малую Азію... Удивительно, какъ князь находилъ время создавать эти проекты среди свѣтской разсѣянной жизни, хозяйственныхъ заботъ и служебныхъ занятій. Кажется, въ то время была мода писать подобныя сочиненія. Куда они представлялись?..

Эта общая работа, которой, нужно сознаться, и я началъ увлекаться, установила между нами прекрасныя отношенія. Гордый и заносчивый со всѣми, ко мнѣ князь былъ очень деликатенъ. Послѣ моей мѣсячной работы онъ мнѣ опредѣлилъ жалованіе въ пятнадцать рублей ассигнаціями, хотя я и отказывался, а въ слѣдующемъ

1836 году подалъ рапортъ о производствѣ меня въ унтеръ-офицеры «за усердную службу и отличное хорошее поведеніе». Такъ какъ я находился подѣ штрафомъ, то вопросъ о моемъ награжденіи не за военное, а за мирное отличіе восходилъ до высочайшаго имени. Соизволеніе государя послѣдовало 18-го апрѣля 1836 года ¹⁾.

Мнѣ рѣдко приходилось встрѣчать болѣе симпатичную женщину, чѣмъ княгиня Лидія Григорьевна. Ее нельзя было назвать красивой, но въ лицѣ ея сказывалась такая доброта, такая привѣтливость, что могло считаться выше всякой красоты. Несомнѣнно, она унаслѣдовала отъ отца эту большую долю нравственного совершенства. Она какъ-то вошла въ кабинетъ, когда мы писали... Я всталъ и, вопреки всякимъ дисциплинарнымъ правиламъ, отвѣсилъ ей глубокий, совершенно штатскій поклонъ. Княгиня очень любезно отвѣтила мнѣ и перевела вопросительный взглядъ на мужа. Тотъ было началъ по-французски, а потомъ перешелъ на русскій и сказалъ:

— Это тотъ, помнишь, я тебѣ говорилъ,—тотъ молодой человѣкъ, который увлекся проповѣдями фанатиковъ и присланъ къ намъ сюда на исправленіе...

Княгиня подошла ко мнѣ и просто протянула мнѣ руку. Я почтительно по-польскому обычаю приложился къ ней.

— Я слышала о васъ...—сказала княгиня.—Воображаю, какъ вы, такой молодой, должны были тутъ тосковать по своимъ?..

— О, нѣтъ, княгиня, съ перваго же дня моего прихода сюда я встрѣтилъ среди окружающихъ такое братское участіе, что мнѣ было бы грѣшно роптать на судьбу, забросившую меня на Кавказъ...

И княгиня разговорила со мной, словно имѣла дѣло съ какимъ-нибудь свѣтскимъ *jeune homme* ея общества. Съ тѣхъ поръ она была ко мнѣ изысканно любезна, проявляя это въ массѣ мелочей.

Признаться, переходъ отъ солдатскихъ казармъ къ дому, поставленному на аристократическую ногу, былъ очень рѣзокъ и мнѣ было трудно уловить ту середину, при которой я могъ бы безъ ущерба моему самолюбію принять снисходительное отношеніе этихъ большихъ баръ. Но меня, признаться, смущали не сами бары, которые, какъ истинные аристократы, были крайне деликатны, а челядь, эти напудренные лакеи въ ливреяхъ съ гебрами... Однако все какъ-то само собою обошлось благополучно, можетъ быть, потому, что я со всѣми себя держалъ ровно и не особенно радовался выпавшему мнѣ «почету», какъ говорили писаря. Я всѣми силами старался избѣгать княжескихъ обѣдовъ, происходившихъ всегда въ семь часовъ вечера. Съ завтраками же и съ чаями и кофееми приходилось волей-неволей мириться, но ко времени обѣда, если не

¹⁾ Архивъ кавказскаго военнаго округа. Дѣло по части польской № 10741 за 1836 годъ.

было срочной работы, я старался исчезать. По распоряженію хозяйки, мнѣ накрывали въ кабинетѣ или въ сосѣдней комнатѣ, причемъ экономка всегда приходила наблюдать, такъ ли накрыто, все ли подано...

Въ то лѣто, спасаясь отъ тифлисской духоты, на Манглись пріѣхала семья главнокомандующаго и жила въ обширномъ домѣ полкового командира. Мнѣ только разъ удалось видѣть старую баронессу Розенъ. Это была очень гордая, величавая женщина, презрительно относившаяся ко всему, что стояло ниже ея. Она находилась въ большой дружбѣ съ своимъ зятемъ и во многомъ, какъ говорили, вдохновляла его, доказывая, что нужно ковать желѣзо, пока горячо, т. е. пользоваться вліятельнымъ родствомъ.

Однажды въ кабинетъ, гдѣ я работалъ за особымъ столомъ, вошла старая баронесса, что-то горячо доказывавшая князю. Какъ надлежало исправному солдатику, я вытянулся въ струнку. Князь обратилъ вниманіе своей *belle mère* на присутствіе посторонняго, тогда баронесса перешла на французскій языкъ. Князь вмѣсто отвѣта обратился ко мнѣ громко съ фразой:

— Roukewitch, vous êtes libre à l'instant. Revenez, je vous prie, vers six heures...

Уходя, я видѣлъ, какъ баронесса провожала меня недоброжелательнымъ взглядомъ сквозь лорнетку. Больше въ кабинетъ она не заглядывала, но зато молодая баронесса, сестра Лидіи Григорьевны, если не ошибаюсь Прасковья Григорьевна, стала подъ всякими предлогами забѣгать въ кабинетъ, какъ только выходилъ князь. Еще подростокъ, но довольно высокая, стройненькая, крайне подвижная, она не казалась мнѣ красивой, тѣмъ болѣе, что уже мое сердце тогда было покорено сестрой одного юнкера, моей будущей женой, но я не считалъ измѣной маленькое заигрываніе съ полуребенкомъ. Бывало, только затворится дверь въ кабинетъ, я такъ и жду, что сейчасъ же раздадутся быстрые шаги и въ комнату вбѣжитъ, припѣвая, молоденькая баронесса, конфузливо остановится на порогѣ и скажетъ:

— Ахъ!.. А я думала, что здѣсь никого нѣтъ... Bonjour, m-g Roukewitch... Я здѣсь оставила мою книгу...

Эти посѣщенія потомъ участились, разговоры стали продолжительнѣе, но задаваемые вопросы были иногда очень странные, вродѣ слѣдующихъ: «Когда вы воевали съ русскими, много русскихъ вы убили?...» или «Правда ли, что ваши всѣ имѣнія и замки конфискованы?» Что мнѣ было отвѣчать на послѣдній вопросъ? Сказать, что никакихъ замковъ не было, значило разрушить всю романтическую иллюзію; прямо же лгать не хотѣлось, и потому я, какъ нѣкій грекъ, отвѣтилъ правду и неправду: «Мои родные были раньше разорены»...

Однажды въ отсутствіе князя и старшихъ членовъ семьи Лидія Григорьевна и молодая баронесса вытащили меня въ гостиную, гдѣ собралось много народа, пріѣзжаго изъ Тифлиса и Петербурга. Одѣтый въ безукоризненно сшитый мундиръ и собственные (непахучіе) сапоги, я могъ бы почестъ себя франтомъ, но я именно стѣнялся этого солдатскаго мундира, не подозрѣвая, что именно онъ-то и дѣлаетъ меня интереснымъ въ глазахъ барышень, согласно эпохѣ романтично настроенныхъ. Хотя я старался всѣми силами не показать своей растерянности, но, помнится, совершенно машинально отвѣчалъ на вопросы, навѣрно, невпопадъ; потомъ я нѣсколько обошелся, игралъ въ какія-то игры, ѣлъ что-то сладкое, подъ конецъ вечера, когда большинство гостей разѣхалось, даже игралъ на фисъ-гармоніи ¹⁾.

Кажется, этотъ мой первый выходъ въ свѣтъ не былъ смѣшонъ, по крайней мѣрѣ на слѣдующій день посѣщенія молодой баронессы не прекратились, а въ кабинетъ черезъ растворенное окно влетѣла роза. На рабочемъ моемъ столѣ я каждый день находилъ какой-нибудь знакъ вниманія. Эти заигрыванія смѣшили меня, немного льстили моему самолюбію, но, конечно, не могли увлечь, оставаясь въ предѣлахъ невиннаго кокетства.

Тяжело мнѣ вспомнить, какъ много лѣтъ спустя въ прогремѣвшемъ скандальномъ процессѣ я узналъ въ лицѣ его печальной героини, игуменіи Митрофаніи, мою давнюю знакомую маленькую баронесу Розенъ. Говорятъ, она жила въ ссылкѣ въ Ставропольскомъ женскомъ монастырѣ. Бывая часто по дѣламъ службы въ этомъ городѣ, я не имѣлъ духу напомнить ей о существованіи того солдатики, который былъ нѣкогда свидѣтелемъ ея перваго и, быть можетъ, наиболѣе безкорыстнаго душевнаго порыва...

А. Ф. Рукевичъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Когда я жилъ на Волынѣ, и дружилъ съ однимъ старымъ, очень хорошимъ гармонистомъ, который выучилъ меня играть на фисъ-гармоніи. Успѣхи мои были такъ велики, что одно время я серьезно мечталъ о карьерѣ музыканта. Впослѣдствіи я совершенно позабылъ игру, какъ все, чему учился въ молодости. А. Р—ъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СТАРАГО ЭРИВАНЦА ¹⁾.

(1832—1839 гг.)

IV.

Интрига противъ барона Розена.—Князь Чернышевъ, акціонеръ нухинскаго шелководства.—Розыскъ сенатора Гана.—Пріѣздъ государя Николая Павловича на Кавказъ въ 1837 году.—Докладъ Гана.—Дознаніе князя Васильчикова.—Разводъ 9-го октября на Мадатовской площади въ Тифлисѣ.—Участь князя Дадіани.—Перемѣны и увольненія.—Уходъ барона Розена.—Столкновеніе мое съ старшимъ писаремъ.—Переходъ въ строй.—Генераль Симборскій.

ВЪ 1837 ГОДУ на Кавказъ пріѣхалъ государь Николай Павловичъ, и тогда же произошла катастрофа съ княземъ Дадіани, завершившая его такъ блестяще начатую карьеру. Весь сыръ-боръ, какъ извѣстно, загорѣлся вслѣдствіе доноса, поданнаго государю сенаторомъ барономъ Ганомъ, но не всѣмъ извѣстна причина такого усердія со стороны послѣдняго. Въ семьѣ Розена и Дадіани объ этомъ говорили совершенно открыто.

Еще до пріѣзда на Кавказъ барона Розена князь Чернышевъ, тогдашній военный министръ, пользовавшійся при дворѣ большою силою, сдѣлался однимъ изъ главныхъ акціонеровъ компаніи шелководства въ Нухѣ. Когда Розенъ прибылъ на Кавказъ, князь Чернышевъ, чтобы расширить свое предпріятіе и увеличить дивидендъ компаніи, попросилъ у барона какихъ-то особыхъ льготъ

¹⁾ Продолженіе. «Истор. Вѣстн.», т. СХХХVIII, стр. 39.

и въ то же время предложилъ ему видное участіе въ дѣлѣ. Честнѣйшій и благороднѣйшій баронъ Розенъ крайне возмущился этимъ предложеніемъ и въ довольно рѣзкой формѣ отказалъ въ личномъ участіи и въ покровительствѣ. Всесильный баловень судьбы, конечно, не могъ простить подобной обиды и затаилъ злобу. Счастіе ему благопріятствовало. Агенты шелководственной компаніи, описывая кавказскія дѣла, довели между прочимъ до его свѣдѣнія о дѣйствіяхъ зятя главнокомандующаго, и на этой почвѣ князь Чернышевъ основалъ свою месть.

Въ то время на Кавказѣ вводилось гражданское управленіе особой комиссіей, назначенной изъ Петербурга, предсѣдателемъ которой состоялъ баронъ сенаторъ Ганъ, мечтавшій, какъ тогда говорили, перейти въ военное вѣдомство и стать во главѣ управленія краемъ. Князь Чернышевъ поддерживалъ барона Гана въ его честолюбивыхъ замыслахъ, и они вмѣстѣ выработали планъ похода противъ Розена, начавъ съ слабаго мѣста—съ Дадіани. Сенаторъ Ганъ взялся за дѣло и, пріѣхавъ на Кавказъ, поручилъ одному изъ своихъ чиновниковъ, надворному совѣтнику Базилію, негласно поселиться на Манглисѣ и вывѣдать все то, что могло служить къ обвиненію Дадіани. Изъ насъ, жившихъ въ то время въ слободѣ, никто и не подозрѣвалъ о пребываніи здѣсь согладата. На основаніи добытыхъ такимъ путемъ свѣдѣній баронъ Ганъ составилъ докладную записку, которую и вручилъ лично государю, вскорѣ по его пріѣздѣ въ Тифлисъ. Николай Павловичъ, какъ извѣстно, не любившій доносовъ, очень холодно встрѣтилъ это служебное усердіе и, окинувъ брезгливымъ взглядомъ докладъ, передалъ его тутъ же находившемуся барону Розену, котораго очень цѣнилъ и любилъ.

— Прочти, Григорій Владимировичъ, эту записку и, если правда то, что въ ней говорится, взыщи съ Дадіани своею властью...

Баронъ Розенъ, самъ далекій отъ какой-либо корысти, вѣрилъ въ порядочность своего зятя, а потому, вернувшись домой и заставъ всю семью за чаемъ, передалъ записку зятю, сказавъ:

— Его величеству поданъ на тебя доносъ, Александръ Леонтьевичъ. Конечно, я понимаю, что главная интрига направлена на меня, но эта записка касается лично твоихъ дѣлъ, а потому скажи мнѣ откровенно, насколько ты признаешь себя виновнымъ во всемъ здѣсь изложенномъ. Имѣй въ виду, государь былъ такъ милостивъ, что предоставилъ мнѣ лично разобраться въ этомъ дѣлѣ.

Для князя въ эту минуту представлялся превосходный случай выйти съ честью изъ труднаго положенія и откровеннымъ признаніемъ облегчить положеніе тестя и свое собственное, но на бѣду явились дамы, особенно старая баронесса, которая лучше другихъ знала истину, тѣмъ не менѣе горячо стала доказывать ложность доноса, имѣвшаго подкладкой чернышевскую интригу и т. п. Сла-

бвольный князь не обладалъ достаточнымъ мужествомъ признаться въ своихъ прегрѣшеніяхъ и самымъ рѣшительнымъ образомъ отперся отъ всѣхъ взводимыхъ обвиненій:

— Неужели же эти цыфры представляютъ сплошную выдумку?.. Смотри, князь, какъ бы хуже не было, — вѣдь государь шутить не любить, — сказалъ баронъ Розень.

Но Дадіани продолжалъ упорно стоять на своемъ. Баронъ тотчасъ же вернулся къ государю и доложилъ, что Дадіани не признаетъ себя виновнымъ. Николай Павловичъ ничего не сказалъ на это, но, по всей вѣроятности, у него уже было составлено свое убѣжденіе. Весьма возможно, что слѣдующій эпизодъ, о которомъ всѣ тогда говорили, случился въ дѣйствительности.

Какъ извѣстно, государь, подъѣзжая къ Тифлису, очень утомился крайне медленной ѣздой по грязнымъ и плохимъ дорогамъ, а потому пересѣлъ на лошадь и въ сопровожденіи лишь одного казака поѣхалъ прямокомъ черезъ Кюдинское поле. Тутъ, говорили, попался государю какой-то человѣкъ, пасшій небольшой гуртъ скота и не имѣвшій обычнаго вида туземныхъ пастуховъ съ ихъ характерными конусообразными бараньими шапками. При видѣ проѣзжавшаго офицера человѣкъ этотъ еще издали вытянулся въ струнку и снялъ шапку, по тогдашнему отдавая честь офицеру. Государь подъѣхалъ и спросилъ, кто онъ такой.

— Солдатъ такой-то роты Эриванскаго полка, ваше благородіе.

— Что ты здѣсь дѣлаешь?..

— Пасу порціонную скотину, ваше благородіе...

Государь затѣмъ еще задалъ нѣсколько вопросовъ и отѣхалъ, произнеся вслухъ: «И такого браваго молодца вдругъ сдѣлали пастухомъ»...

Весьма возможно, что подобный случай былъ въ дѣйствительности. Но помимо этого до Николая Павловича дошелъ слухъ о другомъ флигель-адъютантѣ, командирѣ Грузинскаго полка той же гренадерской бригады графъ Опперманъ, который занялся содержаніемъ почтоваго тракта между Гори и Тифлисомъ. Если это и не составляло преступленія, то во всякомъ случаѣ указывало на извѣстное стремленіе къ наживѣ, которому предались на Кавказѣ даже самые видные и высшіе чины.

Когда баронъ Розень принесть отрицательный отвѣтъ князя Дадіани, государь молча принялъ обратно докладъ Гана и въ тотъ же вечеръ на балу грузинскаго дворянства подозвалъ къ себѣ флигель-адъютанта князя Васильчикова, передалъ ему докладъ и приказалъ немедленно ѣхать верхомъ на Манглись и произвести дознаніе. Дадіани, все время со страхомъ слѣдившій за дѣйствіями государя, догадался, въ чемъ дѣло, и, въ свою очередь, приказалъ бывшему тутъ же своему адъютанту З—ву скакать что есть духу въ штабъ-квартиру и распустить всѣ команды, раздать людямъ

сколько успѣть денегъ и вообще по возможности скрыть слѣды неправильнаго хозяйничанія.

И вотъ началась бѣшеная скачка... Князь Васильчиковъ быстро подвигался рысью по наѣзженной дорогѣ, а З—въ мчался, сломя голову, на своемъ чистокровномъ арабѣ, сокращая путь всѣми возможными способами. Кто видѣлъ эту дорогу теперь, тотъ можетъ себѣ представить, что такое она представляла собою въ то время, когда на ней не было шоссе, мостовъ, разработанныхъ подъёмовъ и спусковъ. Скакать по нимъ въ темную ночь можно считать выдающимся спортсменскимъ подвигомъ со стороны З—ва. Хотя и то сказать, что онъ спасалъ также и свою шкуру...

Задолго до приѣзда государева посланца прискакалъ З—въ на Манглисъ и успѣлъ распустить всѣ команды, но, конечно, не всѣмъ успѣлъ раздать деньги и переодѣть въ приличную одежду.

Князь Васильчиковъ подѣхалъ прямо къ казармамъ и потребовалъ у дежурнаго офицера вывести всѣхъ людей, находившихся въ тотъ моментъ въ штабъ-квартирѣ. Въ эту минуту появился З—въ.

— Вы какъ тутъ очутились, когда я васъ только что на балу видѣлъ?—спросилъ удивленный князь.

— По приказанію его свѣтлости приѣхалъ верхомъ, ваше сіятельство...—отвѣтилъ З—въ, и съ той поры эта ссылка на приказанія его свѣтлости все время фигурировала въ отвѣтахъ этого господина, невзирая на то, что онъ же самъ былъ душою всѣхъ этихъ начинаній.

Мигомъ по Манглису пронеслась вѣсть о приѣздѣ царскаго адъютанта, и поднялась невѣроятная кутерьма,—все населеніе, невзирая на ранній часъ, устремилось на площадь... Она скоро вся покрылась группами сельчанъ и полковыхъ дамъ, на этотъ разъ невѣроятно скоро одѣвшихъ въ свои самыя великолѣпныя платья. Даже священникъ прибылъ въ церковь, облачился въ новыя ризы и хотѣлъ начать перезвонъ, но мои знакомые, угадавшіе въ происходившемъ явленіе, совсѣмъ не требовавшее торжественнаго благовѣста, отговорили.

А тѣмъ временемъ передъ казармами выстроились болѣе шестисотъ человѣкъ какихъ-то нищихъ оборванцевъ, не имѣвшихъ даже отдаленнаго сходства съ воинскими чинами. Князь Васильчиковъ всѣхъ обошелъ, самымъ добросовѣстнымъ образомъ спрашивая фамилію, какой роты, въ какой командѣ состоялъ, когда получалъ казенное довольствіе и т. п. На эти вопросы получались отвѣты: «при верблюдахъ, при волахъ, на княжьемъ пчельникѣ, у полковаго маркиганта, на винокуренномъ заводѣ» и т. д. Жалованія же, оказалось, не получали кто одну треть, кто цѣлый годъ...

Записавъ всѣ отвѣты, князь Васильчиковъ съ удивительною выносливостью сѣлъ снова на коня и рысью направился обратно въ Тифлисъ. Въ этотъ самый моментъ княжескія транспортныя

животныя: буйволы, волы, верблюды, оставленные безъ присмотра, разбрелись по слободѣ и оглашали воздухъ мычаніемъ, ревомъ, фырканиемъ.

— Вотъ и скотина даже заявляетъ претензію...—сказалъ шутиливо князь.

Государь, получивъ подтвержденіе обвиненій Дадіани, отложилъ свой судъ до слѣдующаго дня. 9-го октября съ утра происходилъ смотръ кавалерійскихъ частей за Курой, а въ двѣнадцать часовъ назначенъ былъ «разводъ съ церемоніей», т. е. смѣна карауловъ отъ частей Грузинскаго и Эриванскаго полковъ. Въ то время разводы производились на Мадатовской площади, гдѣ нынѣ разбитъ нижній Александровскій садъ.

Въ періодъ царскаго объѣзда по Кавказу нашъ полкъ былъ въ разбросѣ. 1-й батальонъ несъ караульную службу въ Тифлисѣ, 2-й стоялъ на турецкой границѣ въ Гумрахъ (Александрополѣ), 3-й въ Сурамѣ на дорожныхъ работахъ, на Манглисѣ остальные части и команды. Конечно, въ виду царскаго смотра нѣкоторыя команды, работавшія въ княжескихъ хозяйственныхъ отдѣлахъ, были значительно сокращены, но далеко не всѣ. Для увеличенія строевого состава была изъ Сурама вытребована егерская, кажется, 11-я рота. И я, какъ унтеръ-офицеръ, на время карауловъ былъ откомандированъ отъ канцеляріи въ 4-ую роту. Весь послѣдній мѣсяцъ насъ муштровали на всякіе лады, и мы быстро достигли совершенства.

Въ день девятаго октября намъ предстояло смѣнить грузинцевъ съ караула въ присутствіи самого государя. Можно себѣ представить, какъ насъ вышколили на этомъ. Помню этотъ знаменитый день, который, несмотря на осень, выдался жаркимъ, душнымъ, словно въ ожиданіи грозы. Начальство было въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи, дѣлало распоряженія, сейчасъ же ихъ отмѣняло; нервность передалась солдатамъ, тоже безъ толку суетившимся. Съ ранняго утра насъ одѣли въ парадную форму, потомъ въ походную и ужъ потомъ въ караульную, составлявшую смѣсь изъ первыхъ двухъ. Обѣдали рано, кое-какъ, и задолго до полдня были уже на мѣстѣ. Затянутые въ новые мундиры и аммуницію, мы не смѣли ни сѣсть, ни нагнуться, а первая шеренга гренадеръ съ ихъ густо пафавренными усами и бакенбардами не смѣла улыбаться, даже говорить. Но хуже всего было то, что мы стояли въ рядахъ и не могли отойти въ сторону. Только, когда съ нѣкоторыми сдѣлалось дурно, начальство смилословилось и скомандовало: «Ружья составъ, стоять вольно, оправиться!..» Моментально всѣ боковые улицы покрылись облегчающимися солдатами, къ великому недовольству глазѣвшей публики. Но до того ли было помертвѣвшимъ отъ невыносимыхъ страданій солдатамъ. Послѣ новой команды: «по мѣстамъ», началась лихорадочная чистка, затѣмъ безконечное равненіе по линіи и по

рядамъ, что вмѣстѣ съ хожденіемъ журавлинымъ шагомъ считалось тогда основой военнаго ученія.

Но вотъ послышались какіе-то сигналы, толпа тревожно зашевелилась, и какъ-то чувствовалось, что всѣми овладѣлъ тотъ почти паническій страхъ, который всегда внушалъ Николай Павловичъ. Ни радостныхъ криковъ «ура», сопровождающихъ теперешніе выѣзды царскіе, ни звуковъ торжественнаго гимна, ничего не раздавалось... Многотысячная толпа, стоявшая на площади и осыпавшая плоскія крыши всѣхъ окружающихъ домовъ, молчала какъ мертвая, и только доносился до насъ топотъ скачущаго почетнаго конвоя изъ грузинскихъ дворянъ въ ихъ расшитыхъ малиноваго бархата съ золотомъ кафтанахъ и желтыхъ сапогахъ... Государь подѣхалъ не верхомъ, какъ писали нѣкоторые, а въ коляскѣ съ какимъ-то генераломъ, а сзади въ другой ѣхалъ баронъ Розень.

Послѣ рапорта командующаго парадомъ, Николай Павловичъ прошелся по рядамъ, здороваясь съ каждою частью отдѣльно. Затѣмъ начался самый разводъ. Я ушелъ со смѣной на главную гауптвахту. Наши, оставшіеся въ строю, потомъ рассказывали, что государь остановился передъ фронтомъ Эриванскаго полка, вызвалъ всѣхъ штабъ-и оберъ-офицеровъ, грозно осмотрѣлся и позвалъ своимъ могучимъ голосомъ:

— Полковникъ князь Дадіани!...

Началось оглядываніе, шопотливыя переговариванія... Князь все время находился здѣсь и распоряжался, но передъ самымъ пріѣздомъ государя казался больнымъ и уѣхалъ домой... Кто-то изъ свиты доложилъ объ этомъ государю, который рѣзко приказалъ:

— Привести его...

Генералъ Вальховскій, начальникъ штаба, сѣлъ на первыя попавшіяся дрожки и полетѣлъ за княземъ, городская квартира котораго находилась тутъ же на площади, въ домѣ Шемирхапа, татарскаго переводчика при командующемъ войсками. Государь, видимо, самъ взволнованный, ходилъ вдоль фронта, ни съ кѣмъ не разговаривая... Кругомъ была мертвая тишина, и всѣ съ затаеннымъ дыханіемъ ждали надвигающейся бури... Минутъ черезъ десять генералъ Вальховскій вернулся съ блѣднымъ, сразу осунувшимся княземъ Дадіани.

Всѣмъ современникамъ извѣстенъ тотъ суровый взглядъ, которымъ въ гнѣвѣ окидывалъ виновныхъ Николай Павловичъ, а потому надо удивляться, съ какимъ самообладаніемъ князь Дадіани подошелъ твердымъ шагомъ къ государю, держа два пальца у головного убора. Только на лицѣ не было ни кровинки. Что затѣмъ говорилъ Николай Павловичъ, никто изъ моихъ свидѣтелей не помнилъ точно, къ нимъ доносились лишь отдѣльныя слова: «...доблестный полкъ... свинопасы... верблюды... пастухи... оборванцы... торгаши... мои адъютанты... обманулъ мое довѣріе... Ты не достоинъ

носить аксельбанты... Снять ихъ!..» Генераль Брайко, къ которому относилось это приказаніе, трясущимися руками началъ разстегивать пуговицы на мундирѣ Дадіани, но долго не могъ справиться... Наконецъ, государь потерялъ терпѣніе, подошелъ и самъ сорвалъ аксельбантъ съ погономъ... Старикъ баронъ Розень въ это время стоялъ въ сторонѣ, облокотившись руками на саблю, и сурово смотрѣлъ въ землю. Государь понялъ душевное состояніе этого достойнаго, очевидно, глубоко страдавшаго въ ту минуту человѣка. Николай Павловичъ оглянулся, словно искалъ кого-то, и громко вызвалъ: «Розень!..»

Тутъ произошелъ эпизодъ, потомъ на разные лады комментировавшійся и давшій поводъ къ массѣ ложныхъ слуховъ. Благодаря созвучію словъ, многимъ послышалось, будто государь потребовалъ розогъ, и по рядамъ публики пронесся гулъ... Ужась ли это былъ, или невольный ропотъ передъ подобной публичной расправой съ представителемъ одной изъ самыхъ аристократическихъ грузинскихъ фамилій?.. Но это былъ только мигъ...

Государь подошелъ къ барону Розену, обнялъ его лѣвой рукой и еще разъ громко вызвалъ:

— Поручикъ баронъ Розень?..

Послѣ минутнаго колебанія молодой человѣкъ, старшій сынъ главнокомандующаго, вышелъ впередъ.

— Какъ я умѣю карать, такъ умѣю и миловать...—сказалъ государь:—поздравляю тебя моимъ флигель-адъютантомъ!..

Старикъ Розень склонился на плечо государя и заплакалъ... Могла ли награда сыну возмѣстить ему позоръ зятя?.. А что должна была переживать въ эту минуту семья барона и князя, смотрѣвшая на эту картину съ балкона дома?.. Но сейчасъ же все потекло своимъ обычнымъ теченіемъ. Разводъ продолжался, и войска стали проходить передъ государемъ церемоніальнымъ маршемъ, подъ бодрящіе звуки музыки...

Разсказывали тогда, что семья барона Розена удивительно бездушно отнеслась къ этому эпизоду... Будто на балу въ тотъ же вечеръ сама княгиня Дадіани беззаботно танцевала и смѣялась, словно ничего трагическаго не произошло... А между тѣмъ мужъ ея въ это время летѣлъ на курьерскихъ въ сопровожденіи фельдъегеря въ Бобруйскъ...

Могу на это сказать одно, что если и былъ такой фактъ, что княгиня Дадіани присутствовала на балу и, можетъ быть, улыбалась даже, то это она дѣлала подъ деспотическимъ вліяніемъ матери, которая всѣми силами хотѣла показать непричастность семьи Розеновъ къ Дадіани. Это былъ извѣстный тактический пріемъ, свѣтскій тактъ, не совсѣмъ понятный простымъ смертнымъ. Зная же Лидію Григорьевну, какъ въ высшей степени добрую, отзывчивую на все хорошее женщину, я убѣжденъ, что за этими улыбками скры-

валось глубочайшее горе... Несомнѣнно, то же переживалъ и старый баронъ, вдобавокъ еще утратившій вѣру въ человѣка...

Но исторія этимъ не окончилась. Надъ дѣйствіями Дадіани было назначено слѣдствіе, порученное полковнику Катенину, двоюродному брату Катенина, недавно сосланнаго въ Кизляръ. Слѣдствіе самое строгое, можно даже сказать, пристрастное, велось при помощи аудитора, военного чиновника, исполнявшаго въ то время всѣ судебныя функціи. Оно тянулось въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ, и весь слѣдственный матеріалъ былъ затѣмъ посланъ въ Бобруйскъ, гдѣ и состоялся самый судъ надъ Дадіани. Онъ былъ приговоренъ къ лишенію чиновъ, орденовъ, княжескаго званія и къ ссылкѣ въ Вятку, но, по особому ходатайству генерала Ермолова, ссылка эта отмѣнена и Дадіани разрѣшено жительство въ подмосковной деревнѣ. Только въ коронацію императора Александра Николаевича послѣдовала полная амнистія, съ возвращеніемъ чиновъ и дворянства.

Но, кромѣ самого князя, пострадали и другія лица. За недостаточный досмотръ уволенъ былъ въ отставку командиръ кавказской резервной гренадерской бригады генералъ Гессе, котораго всѣ искренно жалѣли, какъ добрейшаго и прекраснаго боевого генерала, пострадавшаго совершенно напрасно: онъ первый боролся съ непорядками, но ничего не могъ сдѣлать съ кавказской камарильей.

Исторія съ Дадіани вообще имѣла широкія послѣдствія и даже отразилась на самомъ баронѣ Розенѣ. Вотъ что мнѣ рассказывалъ баронъ Александръ Евстафьевичъ Врангель, съ которымъ впослѣдствіи я довольно близко познакомился у его однофамильца, нашего полкового командира, принявшаго полкъ послѣ Дадіани.

Баронъ Врангель, тоже генералъ-адъютантъ, состоялъ при Розенѣ, а потому зналъ подробно всѣ обстоятельства ухода его личнаго друга. Извѣстно, что путешествіе Николая Павловича по Кавказу сопровождалось массой мелкихъ неудачъ, портившихъ впечатлѣніе поѣздки, и государь все время находился въ скверномъ расположеніи духа. Приписывая это настроеніе недовольству кавказскими порядками, баронъ Розенъ подъ конецъ путешествія хотѣлъ выяснитъ свое положеніе и обратился для этого за совѣтомъ къ своему другу генералу-адъютанту графу Орлову, находившемуся въ свитѣ государя. Графъ, какъ истинно-придворный человѣкъ, зорко слѣдившій за барометромъ настроеній и притомъ давно перешедшій въ чернышевскій лагерь, ехидно посовѣтовалъ:

— А ты, баронъ, лучше всего позондируй почву, — попросись въ отставку. Государь тебя такъ любитъ, что, навѣрно, будетъ тебя отговаривать и даже дать награду...

Баронъ, не подозрѣвая интриги, такъ и сдѣлалъ. И каково же было его удивленіе, когда государь, нахмурившись, сказалъ:

— А я думалъ, что ты мнѣ еще послужишь... Впрочемъ, какъ хочешь... Хорошо, подавай!..

Баронъ только тогда понялъ, что попалъ въ ловко разставленную ловушку, но было уже поздно. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ его перевели въ одинъ изъ департаментовъ сената въ Москвѣ, а главнокомандующимъ назначенъ былъ генералъ Головинъ, по имени котораго названа главная улица Тифлиса «Головинскимъ проспектомъ».

Какъ же на всѣ эти событія смотрѣли низы, тѣ самые низы, къ мнѣнію которыхъ никто никогда не прислушивается, но которые, могу сказать утвердительно, рѣдко ошибаются въ своихъ сужденіяхъ?... Я говорю о солдатахъ и солдатахъ именно того времени, обреченныхъ носить военный мундиръ всю жизнь, до «истощенія силъ»... Напрасно думаютъ, что суровый дисциплиной въ нихъ были подавлены и умъ и воля. Они прекрасно сознавали значеніе дисциплины, которая, по ихъ мнѣнію, нужна для военныхъ цѣлей, для объединенія массы и подчиненія ея волѣ одного человѣка, но свои сужденія, свой здравый русскій умъ они оставляли свободными... Рѣдкое событіе не оцѣнивалось ими съ той или иной точки зрѣнія и почти всегда вѣрно и разумно. Дѣйствія начальниковъ, ихъ характеристики, даже событія внутренней и внѣшней политики обсуждались ими въ оригинальныхъ, зачастую безграмотныхъ выраженіяхъ, но всегда строго логично и разумно... Во всю мою продолжительную службу я никогда не брезгалъ мнѣніемъ солдатъ и любилъ бесѣдовать съ ними и вообще съ простымъ людемъ... И какъ часто, подавивъ мое самолюбіе, мнѣ приходилось соглашаться съ ними...

Въ дадіановскомъ эпизодѣ солдаты тоже высказали очень своеобразное мнѣніе. Вотъ что говорилъ Клинищенко, этотъ замѣчательный выразитель сужденій солдатскихъ массъ:

— Конечно, если бы царю было угодно его просто наказать, такъ онъ бы наслалъ своихъ судьевъ и тѣ разобрали бы дѣло и засудили тамъ, кого слѣдуетъ, но царская воля была, значить, такова, чтобы показать всѣмъ этимъ азіатамъ, что самый ихъ первѣющій князь ничего не значитъ, особливо когда про-
штрафился...

Я самъ готовъ видѣть въ подобномъ публичномъ лишеніи чести преднамѣренное желаніе государя Николая Павловича ослабить значеніе мѣстныхъ знатныхъ родовъ...

Не разъ мнѣ приходилось въ жизни видѣть катастрофы, постигавшія иныхъ сильныхъ людей, и наблюдать притомъ, какъ въ бѣшеной сатурналіи, подымавшейся вокругъ, подлые и низкія души, только что облагодѣтельствованныя, превращались въ открытыхъ враговъ и старались придавить павшихъ еще сильнѣе, сдѣлать боль еще чувствительнѣе...

Когда нать князь Дадіани и прошелъ слухъ о принятой отставкѣ барона Розена, общество сразу отшатнулось отъ этихъ семей, и грустно мнѣ было видѣть, какъ, напримѣръ, пріѣхавшая на Манглисъ княгиня Лидія Григорьевна Дадіани рыдала отъ обиды, нанесенной ей тѣми «друзьями», которые еще наканунѣ, какъ счастья, добивались ея вниманія. Нѣкоторыя дамы, обивавшія раньше княжескіе пороги, чтобы хоть какъ-нибудь лизнуть сладостей большого свѣта, теперь отвертывались. «Скажи, что дома нѣтъ», кричали онѣ денщикамъ, когда тѣ докладывали имъ о пріѣздѣ княгини съ прощальнымъ визитомъ. И она это слышала. Мнѣ, самому незначительному изъ окружающихъ, приходилось ей говорить слова утѣшенія. Но что могъ я ей сказать, кромѣ самыхъ банальныхъ фразъ, да и какой вѣсь онѣ могли имѣть въ устахъ такого маленькаго человѣка?..

Даже въ солдатской средѣ приходилось наблюдать почти тѣ же явленія. Люди перваго батальона, можетъ быть, нѣсколько лучше подобранные, почти поголовно отказались отъ всякихъ претензій и жалобъ, остальнымъ же поручикъ З—ъ, по требованію председателя комиссіи полковника Катенина, роздалъ болѣе 23-хъ тысячъ, а писаря, эти аристократы среди нижнихъ чиновъ и баловни начальствующихъ лицъ, почему-то особенно радовались паденію князя и что-то строчили, шныряли всюду, собирая всякую грязь и неся ее къ ничѣмъ не брезговавшей слѣдственной комиссіи.

Писарская команда, говоря вообще, ставится въ полкахъ въ особое привилегированное положеніе. Служба ихъ значительно легче, а вознаграждаются они больше. Въ нашемъ полку поручикъ З—въ, близкій человѣкъ къ Дадіани, очень баловаль писарей, предоставляя имъ много льготъ, устраивая имъ праздники, даже балы, на которые стекался цвѣтъ поселенскихъ красавей.

И чего бы, казалось, роптать писарямъ, но они стали чуть ли не во главѣ недовольныхъ. Этимъ особенно выдавался старшій писарь съ бугристымъ носомъ. «Въ «смутное время», наступившее послѣ октябрьской катастрофы, онъ почувствовалъ ослабленіе власти надъ собой и проявилъ себя въ истинномъ свѣтѣ. Много онъ поднялъ со дна мути. Въ подражаніе ему и другіе писаря тоже увлеклись, и канцелярія сдѣлалась очагомъ, откуда зарождалась оппозиція. Среди солдатъ произошло нѣсколько случаевъ нарушенія дисциплины, и подполковникъ Далинъ, временно командовавшій полкомъ, вынужденъ былъ отдать нѣкоторыхъ подъ судъ. Пострадали, конечно, пѣшки, а зачинщики уцѣлѣли. До сихъ поръ мое положеніе среди канцелярскихъ служащихъ было особое. Я пользовался свободой, уходилъ, когда хотѣлъ, никого не спрашиваясь, разумѣется, не въ ущербъ службѣ, къ которой относился всегда съ педантической аккуратностью. Помѣщался я въ отдѣльной каморкѣ возлѣ архива и обставился по возможности уютно, къ чему меня

всегда влекло. Имѣлъ я, между прочимъ, самоваръ—роскошь по тому времени, гитару, на которой самъ никогда не выучился играть, и даже хоросанскій коверъ, подарокъ одного юнкера Аксенова, о которомъ скажу нѣсколько дальше. Работа у князя предоставила мнѣ еще больше свободы, но всѣ эти льготы ни въ комъ никогда не возбуждали зависти, словно онѣ считались въ порядкѣ вещей, а я не зазнавался, держался со всѣми ровно, и мнѣ платили тѣми же хорошими отношеніями, иногда даже оказывая нѣкоторое особое вниманіе. Такъ, я вспоминаю, что 23-го іюля, въ день моихъ именинъ, мнѣ вдругъ поднесли пирогъ, заказанный всѣми писарями на слободкѣ въ складчину. Въ другой разъ было большое ликова- ніе по поводу моего производства въ унтеръ-офицеры. Въ обоихъ случаяхъ я вынужденъ былъ раскошиться и выставить нѣсколько тунгъ кахетинскаго вина, благо оно было въ то время баснословно дешево, что-то около трехъ копеекъ бутылка...

Но вдругъ я началъ замѣчать перемѣну ко мнѣ, проявлявшуюся сначала въ мелочахъ, а потомъ и въ болѣе крупномъ. Писарь съ бугристымъ носомъ, фамилію котораго я даже не хочу вспоминать, сталъ продѣлывать разные эксперименты своей власти надо мной, хотя ею онъ вовсе не былъ облеченъ, находясь въ хозяйственномъ отдѣленіи, тогда какъ я былъ въ строевомъ.

Много досадныхъ минутъ причинилъ мнѣ этотъ пропойца, пользовавшійся каждымъ случаемъ, чтобы чѣмъ-нибудь меня задѣть или уязвить. Мнѣ и смѣшно было и иной разъ досадно. Помню, какъ-то разъ за обѣдомъ я не захотѣлъ ѣсть постныхъ щей, довольно-таки отвратительныхъ. Замѣтивъ это, онъ сказалъ язвительнѣйшимъ тономъ:

— Что? Небось, это не княжеское бляманже съ булочкой?..

Впослѣдствіи мы, офицеры, этимъ выраженіемъ называли всякое замысловатое блюдо.

Увлекаясь все болѣе и болѣе своею самозванною ролью начальника, а, главнымъ образомъ, моею безотвѣтностью, этотъ господинъ началъ мнѣ наконецъ грубо дѣлать выговоры за отлучки и грозилъ «проучить». Въ чемъ могла выразиться эта проучка, я не зналъ, но все могло стать съ этимъ привычнымъ алкоголикомъ, и я началъ его положительно бояться. Въ концѣ концовъ разыгралась для меня очень стыдная и скверная исторія.

Въ тотъ самый день, когда изъ Манглиса выѣзжала княгиня, всѣми покинутая, я счелъ своимъ нравственнымъ долгомъ откланяться ей и поблагодарить за то вниманіе, которое я всегда встрѣчалъ въ ея домѣ. Невыразимо грустно мнѣ было смотрѣть на разоренное пепелище, съ пустыми комнатами и всюду валявшимся соромъ. Княгиня въ ожиданіи экипажа стояла въ залѣ, и тутъ я рискнулъ подойти къ ней, высказать мою благодарность и отъ души пожелать ей бодрѣе перенести ниспосланное ей испытаніе. Выходя-

шавъ меня, она облокотилась о притолку и горько заплакала... Сдержавъ наконецъ себя, она проговорила:

— Вы единственный, кто мнѣ выразилъ участіе въ такихъ теплыхъ словахъ... Какъ вамъ я благодарна... Что я могу для васъ сдѣлать?...

Я сказалъ, что мнѣ ничего не надо, и мнѣ довольно ея добраго пожеланія. Она какъ-то замаялась, вдругъ достала изъ своего дорожнаго мѣшка пачку ассигнацій и протянула мнѣ, конфузясь.

— Возьмите это... Я знаю, вы бѣдный. Это поможетъ вамъ...

И вспыхнулъ до корней волосъ и пробормоталъ:

— Пощадите, княгиня!.. Неужели вы полагали, что я пришелъ къ вамъ, рассчитывая на получку?..

Почувствовавъ всю неловкость своего поступка, она начала извиняться и протянула мнѣ руку, которую я поцѣловалъ. Но пачка денегъ неотступно стояла передо мной обиднымъ укоромъ и въ ту минуту намного понизила мое настроеніе.

Въ отвратительнѣйшемъ расположеніи духа я вернулся къ себѣ и вдругъ увидѣлъ мою комнату опустѣвшей,—кровать была вынесена, вещи сложены въ кучу. Прибѣжавшій канцелярскій вѣстовой объяснилъ мнѣ, что старшій писарь приказалъ вынести кровать въ общую спальню, а эта комната для чего-то понадобилась. Я угадалъ въ этомъ новый фортель, имѣвшій цѣлью меня унижить окончательно, и, возмущенный, быстрыми шагами направился въ помѣщеніе старшаго писаря. Онъ сидѣлъ съ кѣмъ-то за столомъ въ разстегнутомъ мундирѣ и, какъ всегда въ послѣдніе дни, пьяный. Мнѣ, конечно, слѣдовало бы уйти, но я былъ слишкомъ возбужденъ.

—Это вы приказали вынести мои вещи?..—спросилъ я, все еще сдержанно.

Онъ меня смѣрилъ пьянымъ, нетвердымъ взглядомъ и вызывающе проговорилъ:

— Я... А что?.. Не правится?.. Теперь твой протекеръ тю-тю... Шабашъ тебѣ баринкомъ проклажаться... А то больно зазнался, польская собака!

Тутъ у меня помертвѣло въ глазахъ и, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что я дѣлаю, я подскочилъ къ нему и ударилъ его, что было духу, но лицу... Обливаясь кровью, онъ упалъ со скамьи. Поднялась суматоха, а я ушелъ изъ канцеляріи обдумать мое положеніе, которое грозило принять очень нехорошій оборотъ, потому что обиженный мною, хотя и не былъ моимъ прямымъ начальникомъ, но все же былъ старшій, а по военнымъ законамъ мнѣ предстояла весьма суровая кара и лишь въ лучшемъ случаѣ—разжалованіе и гауптвахта. Теперь приходилось проститься навсегда съ надеждой на выслугу въ офицеры... Итакъ,—вѣчная солдатская шинель, безъ какой-либо надежды выкарабкаться впередъ... Тоскливо и мерзко было на душѣ. Куда было пойти? Съ кѣмъ посоветоваться?..

Незамѣтно я подошелъ къ помѣщенію моей бывшей роты. По обыкновенію меня встрѣтили тамъ радостно, окружили, стали разспрашивать... Подошелъ старикъ-фельдфебель Соколовъ, если не ошибаюсь, Петръ Павловичъ, передъ которымъ всѣ почтительно разступились. Вдругъ у меня явилась счастливая мысль повѣдать ему мое горе.

— А я къ вамъ, Петръ Павловичъ, за совѣтомъ...

Мы съ нимъ пошли въ его комнату.

— Не дюже хорошая штука!..—сказалъ онъ, выслушавъ меня внимательно.—Кляузный онъ человѣкъ, да при томъ злочій. Одначе попытаюсь. Нужно же выручить своего одночашника. Да я знаю на него одно такое слово, что онъ у меня вотъ гдѣ—въ кулакѣ сидитъ... Ты тутъ, хлопецъ, побудь у насъ, а я схожу до него и разспрошу, будто ничего не знаю, а тамъ понажму на него, чтобы онъ кляузъ не разводилъ... Своихъ-то я не больно дамъ въ обиду...

Добрѣйшій старикъ, которому я годился во внуки, поплелся на другой конецъ штабъ-квартиры, а я пошелъ въ роту и тамъ такъ разболтался, что не замѣтилъ, какъ вернулся Петръ Павловичъ. По его смѣющимся глазамъ я угадалъ благоприятный исходъ миссіи.

— Ну, хлопецъ (это было его поговоркой), твое счастье,—сказалъ онъ мнѣ, ласково трепля по плечу.—Супротивникъ твой боялся, что ты на него жалиться пошелъ, и всѣ твои вещи велѣлъ положить обратно, какъ было раньше. А кровь эта у него завсегда съ носа фонталомъ бьетъ, когда онъ насосется кахетинскаго. Какъ сбѣжить она у него немного, такъ ему просвѣтлѣніе выходитъ, и теперь онъ шелковый. Очень меня просилъ, чтобы я тебя уговорилъ не обижаться. Я пообщалъ ему... Потѣха!.. Оба вы, значить, боялись другъ друга...

Не разъ я мысленно перекрестился, благодаря Бога за такое благополучное окончаніе этой некрасивой исторіи. И теперь мнѣ совѣстно было глядѣть въ глаза тому, кого я обидѣлъ, хотя и вынужденно.

Къ вечерней перекличкѣ въ роту пришелъ ротный командиръ, и я обратился къ нему съ просьбой взять меня въ роту обратно, причемъ откровенно разсказалъ весь этотъ эпизодъ и то, какъ вообще мнѣ противна канцелярія. Зналъ онъ меня съ хорошей стороны, а потому охотно согласился, и, дѣйствительно, черезъ нѣкоторое время меня перевели обратно въ роту.

Къ этому времени въ командномъ составѣ высшихъ чиновъ грендерской резервной бригады произошли перемѣны. Командиромъ полка былъ назначенъ баронъ Карлъ Карловичъ Врангель ¹⁾, въ семьѣ котораго я впоследствии встрѣтилъ самое радушное отноше-

¹⁾ У него въ домѣ я познакомился съ его однофамильцемъ, генераль-адъютантомъ барономъ А. Е. Врангелемъ, который мнѣ много разсказалъ о семьѣ Розеновъ. А. Р.—ъ.

ніе. Въмѣсто генерала Гессе командиромъ бригады былъ назначенъ генераль Симборскій. Онъ служилъ раньше въ артиллеріи въ войскахъ Западнаго края, но по какимъ-то недоразумѣніямъ съ княземъ Паскевичемъ перевелся на Кавказъ и получилъ пѣхотную бригаду.

Съ именемъ генерала Симборскаго у меня связаны воспоминанія о первыхъ моихъ боевыхъ успѣхахъ, первыхъ боевыхъ наградахъ, и потому я съ благодарною памятью отношусь къ этому человеку. Очень образованный, добрый, чрезвычайно честный, онъ однако, пѣхотной службы совершенно не зналъ, и на этой почвѣ про него ходила масса анекдотовъ.

Разсказывали, напримѣръ, что онъ, желая изучить маршировку, солдатскую стойку и ружейные приемы, заставлялъ своихъ ординарцевъ показывать ему все это и однажды началъ самъ продѣлывать все одиночное ученіе.

— Ну, теперь, братецъ, я буду дѣлать самъ, а ты, братецъ, командуй... Забудь, понимаешь ли, братецъ, что я генераль... Думой, что передъ тобой стоитъ рядовой...

— Слушаю, ваше превосходительство...—говорить ординарецъ и мнется...

— Да ты не бойся, братецъ!.. Забудь, что я генераль...

— Слушаю, ваше превосходительство,—отчеканиваетъ унтеръ-офицеръ и затѣмъ, дѣлая страшные глаза, оретъ во все горло:—Слушай!.. Смир-ноooo!.. Да ты пузо, пузо-то убери, а не то я тебѣ!..

— Ну, братецъ, ты въ самомъ дѣлѣ не того...—прерываетъ генераль усерднаго унтера.

— Слушаю, ваше превосходительство!.. Пузики, животики подберите, ваше превосходительство!..

Для изученія строевыхъ ученій онъ заказалъ необозримое количество деревянныхъ чурокъ и продѣлывалъ съ ними всевозможныя эволюціи съ помощью адъютанта. Однажды новый денщикъ по невѣдѣнію подпалилъ печку чурками. Генераль напустился на него:

— Да знаешь ли, каналья, что ты сдѣлалъ?.. Ты цѣлую одиннадцатую роту спалилъ!.. Каторги тебѣ мало за подобное смертоубійство... Пошелъ вонъ, каналья, пока не родишь мнѣ цѣлую роту, не смѣй показываться...

Денщикъ ушелъ, напилить изъ доски новыхъ чурокъ и принесть.

— Родилъ, ваше превосходительство...

— Ну, то-то же... А то вздумалъ сжечь роту... Онъ и бригаду бы всю мою готовъ сжечь...

Не зная строевого ученія, онъ смотря производилъ по записочкамъ, заранѣе ему составленнымъ адъютантомъ, и былъ при этомъ въ своихъ требованіяхъ чрезвычайно педантиченъ и мелоченъ, очевидно, желая хоть этимъ прикрыть недостатокъ знаній.

Смотры Симборскаго считались истинными наказаніями и солдатамъ и офицерамъ. Они назначались очень рано, а усердное начальство собирало солдатъ еще раньше, солдаты же начинали свои приготовленія къ смотру до свѣту, и въ общемъ люди не спали всю ночь. Являлся генераль Симборскій, принималъ рапорты отъ всѣхъ начальствующихъ лицъ, затѣмъ здоровался и приступалъ къ повѣркѣ знаній, для чего вызывалъ каждого солдата отдѣльно и провѣрялъ стойку, ружейные приемы, хожденіе учебнымъ шагомъ и т. п., а въ это время остальные люди оставались на вытяжку въ строю. Потомъ производился опросъ претензій, на что Симборскій послѣ дадіановскаго хозяйствованія считалъ необходимымъ обратить особенное вниманіе.

И въ этой области существовалъ характерный анекдотъ. Въ одной какой-то ротѣ происходилъ опросъ претензій. Генераль ходитъ въ серединѣ круга и по запискѣ опрашиваетъ солдатъ, которые и безъ того уже смертельно утомились и отвѣты ихъ постепенно становятся болѣе вялыми, болѣе сонными.

— Получали ли вы по три фунта хлѣба?..

— Получали, ваше превосходительство!..

— Получали ли вы горячую пищу?..

— Получали, ваше превосходительство!..

— Получали ли вы сапожный товаръ?..

— Получали, ваше превосходительствоooo!..

Генераль замѣчаетъ механичность отвѣтовъ и страшно сердится.

— Получали ли вы апельсины?..—спрашиваетъ онъ со злобой, повысивъ голосъ.

— Получали, ваше превосходительствоooo!—радостно отвѣтили пробудившіеся солдаты.

— Получали ли вы ананасы?..—еще злобнѣе крикнулъ генераль.

— Получали, ваше превосходительство!..—гаркнули солдаты.

— Ахъ вы негодяи!..—совершенно освирѣпѣлъ генераль и прогналъ всѣхъ съ плаца.

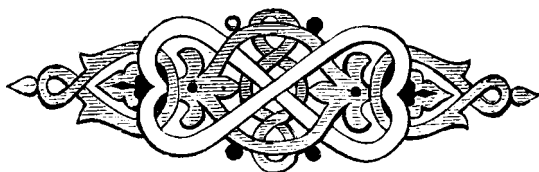
Se non è vero, è ben trovato! можно воскликнуть, но это очень походить на правду, судя по тому, какъ Симборскій изъ самой простой вещи, напримѣръ, изъ смѣны ординарцевъ и вѣстовыхъ, умѣлъ дѣлать самую сложную процедуру. Во время пріѣздовъ генерала Симборскаго въ штабъ-квартиру, по его приказанію, на каждодневной утренней смѣнѣ должны были обязательно присутствовать полковой командиръ, батальонный и ротный командиры отъ очередной части, кромѣ того, дежурные по полку и батальону офицеры. Смѣна начиналась предварительно ружейными приемами, потомъ маршировкой на разные лады и заканчивалась примѣрной стрѣльбой, иногда даже холостыми зарядами. Послѣ этого происходила уже самая явка должностныхъ рядовъ.

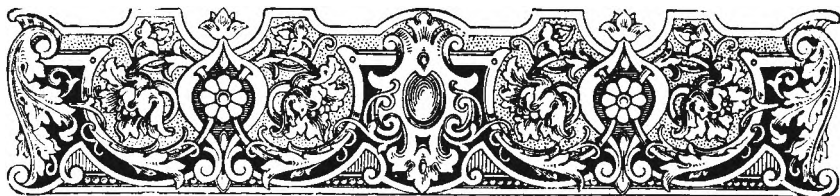
Во время одной изъ такихъ смѣнъ произошелъ случай, чуть не окончившійся трагически. Ординарецъ, выпустивъ свои три холостыхъ патрона, отошелъ въ сторону, на его мѣсто сталъ вѣстовой, совсѣмъ еще молодой солдатикъ. Трясущимися отъ страха руками произвелъ онъ сложное на двѣнадцать темповъ заряжаніе, но вмѣсто холостого пыжа опустилъ въ дуло пулю. Онъ самъ же замѣтилъ свою оплошность, но не смѣлъ заявить объ этомъ грозному начальнику. Хотѣлъ ли въ данномъ случаѣ генераль Симборскій показать свою неустрашимость, или просто проявилъ недомысліе, непростительное со стороны артиллериста, прекрасно знающаго свойство пороховъ, иногда не совсѣмъ сторающихъ въ стволѣ ружья, но онъ, отойдя шаговъ десять, приказалъ вѣстовому цѣлить себѣ въ глазъ. Послѣ команды «пли» раздался выстрѣлъ, и пуля прожужжала мимо генеральскаго уха. Можно представить себѣ произошедшій послѣ этого переполохъ... Началось слѣдствіе, но скоро всѣмъ стало ясно, что здѣсь не было никакого злого умысла, причемъ виновный доложилъ, что самъ замѣтилъ свою ошибку, понадѣялся на промахъ, который произвелъ, сознательно цѣлясь мимо головы. Дисциплина того времени не допускала даже мысли о возможности преступленія, и генераль Симборскій повѣрилъ по казанію виновнаго. Тѣмъ не менѣе всѣмъ-таки изрядно досталось: ротный командиръ за недосмотръ, а также отдѣленный и фельдфебель были арестованы, а солдатъ наказанъ пятнадцатью ударами розогъ.

Съ теченіемъ времени этотъ напускной педантизмъ и служебное рвеніе генерала Симборскаго значительно ослабли, и всѣ въ немъ видѣли очень добраго, заботливаго о подчиненныхъ начальника. Съ нимъ я и совершилъ свои первые боевые шаги.

А. Ф. Рукавичъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СТАРАГО ЭРИВАНЦА ¹⁾.

(1832—1839 гг.).

V.

Сборы въ походъ.—Семья Аксеновыхъ.—Капунъ выступленія.—Походъ.—Туземная милиція.—Посадка на суда въ Сухумъ.—Сочи-Иста.—Убыхскій князь Берзеконъ.—Посадка 13-го апрѣля.—Штурмъ аула.—На волосъ отъ смерти.—Отступленіе.—Катастрофа съ правой колоніей.—Занятіе аула.—Ночная атака горцевъ.

ТЫСЯЧА восемьсотъ тридцать восьмой годъ я считаю поворотнымъ въ моей жизни. Съ этого года начинается моя боевая страда, окончившаяся вмѣстѣ съ послѣдними боевыми выстрѣлами на Кавказѣ.

Въ день Нового года разнеслась радостная вѣсть о предстоящемъ походѣ и, по принятому на Кавказѣ обычаю, у насъ въ полку началось общее ликованіе. Да и какъ было не радоваться?..

Въ періодъ мирнаго пребыванія штабъ-квартирная жизнь шла скучно, монотонно, съ утомительными по своей мелочности строевыми занятіями и однообразной караульной службой... Дни проходили одинаково: сегодня, какъ вчерашній... Книгъ было мало, газеты были еще большою рѣдкостью... Постепенно всѣми начинала овладѣвать апатія, работа шла вяло...

Но вотъ проносилась вѣсть о готовящейся экспедиціи, и всѣ проринулись... Роты, батальоны загадывали, кому выпадетъ счаст-

¹⁾ Окончаніе. См. «Истор. Вѣсти.», т. СXXXVIII, стр. 400.

ливый жребій итти и, когда вопросъ выяснялся, оставшіеся искренно завидовали уходящимъ. Всѣ, словомъ, рвались въ бой... Въ бою была поэзія, рискъ, возможность отличія... Бой считался дѣломъ, а мирное затишье прозябаніемъ...

Я пережилъ всѣ эти настроенія, пожалуй, въ болѣе острой степени, чѣмъ всѣ остальные, ибо для меня бой связывался съ вопросомъ «быть или не быть»... Въ то время жизнь моя усложнилась еще однимъ обстоятельствомъ, о которомъ поэты говорятъ: «это старая исторія, но вѣчно новая»...

Зашелъ какъ-то ко мнѣ одинъ юнкеръ Семенъ Аксеновъ, и мы провели съ нимъ весь вечеръ въ дружеской бесѣдѣ. Посѣщенія юнкера участились, мы сдружились, скоро перешли на «ты», и онъ меня познакомилъ со своей семьей, жившей обыкновенно зимой въ Тифлисѣ, а на лѣто переѣзжавшей на Манглисѣ, гдѣ у нихъ имѣлся свой домикъ.

Семья эта была очень большая, какихъ въ нынѣшнее время не бываетъ. Она состояла, помимо родителей, изъ пяти дочерей и четырехъ сыновей. Самъ старикъ Аксеновъ, Гермогенъ Семеновичъ, служилъ въ инженерныхъ войскахъ и славился своею безукоризненною честностью. Имъ выстроено въ Тифлисѣ и другихъ мѣстахъ много казенныхъ зданій, изъ которыхъ нѣкоторыя стоятъ до сихъ поръ и поражаютъ всѣхъ своею крѣпостью. Таковы, напримѣръ, въ Тифлисѣ зданіе военно-окружнаго штаба и тѣ дома, въ которыхъ и донинѣ помѣщаются военно-инженерныя дистанціи. Можетъ быть, въ теченіе послѣдняго времени эти зданія и подверглись разнымъ перестройкамъ, но въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ они еще стояли въ своемъ первоначальномъ видѣ.

Вопреки существующему у инженеровъ обычаю, будь имъ не въ укоръ сказано, Аксеновъ не нажилъ на этихъ постройкахъ, и большая семья всегда нуждалась, но какъ-то весело и безпечно переносила лишенія. Старикъ удалось пристроить всѣхъ дѣтей, кромѣ трехъ старшихъ, вышедшихъ уже изъ возраста, въ институты и корпуса на казенный счетъ. Они оказались всѣ выдающихся способностей и покончали курсы съ шифрами, медалями, а кадеты всѣ были записаны на мраморныя доски ¹⁾. Старшій сынъ Аксенова, Семенъ Гермогеновичъ, съ которымъ я познакомился, былъ юнкеромъ Эриванскаго полка и обучался въ полковой школѣ, учрежден-

¹⁾ Одна изъ младшихъ дочерей, Анна Гермогеновна, шифреница перваго выпуска Тифлискаго Закавказскаго института, впоследствии вышла замужъ за доктора Адама Оедоровича Корша, родного брата В. О. Корша, пзвѣстнаго литератора, живущая и понинѣ въ Геленджикѣ, возлѣ Новороссійска. Два ея брата, Дмитрій и Михаилъ Аксеновы, съ отличіемъ окончили инженерное училище, вышли въ первый саперный кавказскій батальонъ и при штурмѣ Карса въ 1855 году были убиты одной и той же гранатой.

пой для дворянскихъ дѣтей, «ипущихъ офицерскаго званія», какъ писалось тогда.

Такія школы въ то время основаны были во всѣхъ пѣхотныхъ полкахъ на Кавказѣ, и онѣ, за отсутствіемъ военныхъ образовательныхъ заведеній, главнѣйшимъ образомъ комплектовали офицерскій составъ. Конечно, курсъ въ нихъ былъ небольшой и офицерамъ въ послѣдствіи много приходилось трудиться, чтобы не отстать отъ возрастающихъ требованій времени, но на основаніи многолѣтняго моего опыта могу сказать, что изъ этихъ офицеровъ выходили весьма часто очень толковые, распорядительные и храбрые начальники, умѣвшіе внушать довѣріе солдатамъ и умѣвшіе умирать на полѣ брани...

Этотъ Семень Аксеновъ въ послѣдствіи самообразованиемъ дополнилъ недостающія знанія и могъ бы считаться однимъ изъ образованныхъ людей своего времени. Его, какъ отличнаго строевика, командировали въ Петербургъ въ учебный батальонъ. Тамъ онъ разработалъ и написалъ первый по времени уставъ «застрѣльщичьяго строя», который былъ затѣмъ введенъ во всей русской арміи и положилъ начало будущему разсыпному строю. За эту дѣйствительно выдающуюся работу Аксенова по высочайшему повелѣнію перевели тѣмъ же чиномъ въ гвардію, въ Семеновскій полкъ. Аксеновъ, впрочемъ, не долго оставался на военной службѣ и потомъ скоро перевелся въ министерство государственныхъ имуществъ и умеръ недавно въ чинѣ тайнаго совѣтника. Но я отвлекся біографіей аксеновской семьи. Вернусь къ давно прошедшему.

Не всѣ одинаково радушно меня встрѣтили въ этой семьѣ. Самъ Аксеновъ, суровый старикъ, не скрывалъ своего плохого мнѣнія о полякахъ, съ которыми не разъ встрѣчался въ своей инженерной дѣятельности. Много онъ мнѣ дѣлалъ упрековъ по поводу моего участія въ польскомъ возстаніи, называя его просто «бунтомъ». Чтобы избѣжать этихъ очень для меня непріятныхъ разговоровъ, я приноравливалъ мои посѣщенія къ отсутствію самого Аксенова, и дѣло шло прекрасно. Я чудно проводилъ время въ этой веселой патріархальной семьѣ, въ которой меня всегда встрѣчали, какъ своего родного. Старшая дочь въ это время уже была просватана за одного офицера, выслужившагося изъ нижнихъ чиновъ и представлявшаго типичный образецъ бурбона. На жениховскомъ положеніи онъ еще себя сдерживалъ, но отъ солдатъ я зналъ, какъ тяжела его рука и насколько онъ можетъ быть грубъ. Тѣмъ не менѣе онъ очень нравился старику Аксенову, считавшему его простымъ и честнымъ. Мнѣ же приглянулась вторая, Марія, но я не смѣлъ высказывать моего чувства и страдалъ молча... Однако, помнится мнѣ, въ этомъ страданіи я находилъ своего рода уладу. Вѣроятно, сердце мѣ въ подсказывало, что мое чувство не оставалось безъ от-

вѣта, и только скромность нравовъ того времени мѣшала внѣшнему его проявленію.

Предстоящій походъ, съ перспективой возможной выслуги, открыли мои надежды. Возбужденный, настроенный героически, я почти всѣ послѣдніе дни проводилъ у Аксеновыхъ, тѣмъ болѣе, что и юнкеръ Семенъ Аксеновъ тоже получилъ назначеніе, и это служило нескончаемымъ матерьяломъ для разговоровъ, предположеній, а затѣмъ и приготовленій къ походному снаряженію. И мнѣ также шились канаусовыя рубашки, какія-то сумки, фланелевыя фуфайки и т. п...

Канунъ нашего выступленія я, конечно, провелъ тамъ же и, помню, былъ очень оживленъ и веселъ, несмотря на завтрашнюю разлуку. Говорилъ я о своемъ намѣреніи записаться въ охотники, которые всегда идутъ впереди, и вернуться или «съ бѣлымъ крестомъ на груди, или тамъ лечь подъ чернымъ крестомъ»... Фраза была эта мною очень обдуманна и рассчитана на эффектъ. Дѣйствительно, та, для которой все это говорилось, вскочила и убѣжала; вернулась же она только тогда, когда старушка-мать, по моей просьбѣ, благословила меня серебрянымъ православнымъ крестикомъ. Дѣтишки подняли ревъ, это дало мнѣ возможность не скрывать и моихъ слезъ...

Помню хмурое, туманное мартовское утро 1838 года съ мелко моросившимъ дождемъ... Солдаты первыхъ двухъ батальоновъ съ подоткнутыми по походному спереди полами шинелей спѣшно выбѣгали изъ казармъ и выстраивались на площади покоемъ вокругъ аналая. Въ это время прибѣжалъ юнкеръ Аксеновъ и передалъ мнѣ довольно увѣсистый тючокъ, сказавъ:

— Это тебѣ на походъ!.. Сама Маша пекла...

«Сама пекла»...—значить, не спала всю ночь и думала обо мнѣ. Нужно быть въ моемъ положеніи, чтобы понять, какъ я былъ счастливъ, не чувствуя себя одинокимъ на свѣтѣ... И это сознаніе открыло меня во все время похода. Куда мнѣ было дѣть этотъ узелъ?.. Я догадался его сдать въ лазаретный фургонъ и ужъ потомъ вскрылъ его на привалѣ. Въ немъ оказались жареные пылята, булки, чай, сахаръ, бутылка рому и записочка безъ подписи: «Буду за васъ Бога молить, а вы берегите себя!..».

Смѣшно и въ то же время сладостно мнѣ это писать почти черезъ полвѣка... А какъ живо вспоминается тотъ моментъ, когда я этотъ маленькій клочокъ розовой бумаги цѣловалъ и пряталъ на груди вмѣстѣ съ образками и крестиками...

Старикъ-священникъ отслужилъ напутственный молебенъ, потомъ окропилъ насъ святою водою. На меня, помню, попала цѣлая струя воды, и я счелъ это за самое благоприятное предзнаменованіе. Затѣмъ командиръ поздравилъ насъ съ походомъ, мы отвѣтили единодушнымъ «ура», и двинулись подъ веселые звуки марша...

Вся штабъ-квартира, разумѣется, не спала и высыпала на проводы. Уходящихъ крестили, многіе плакали... На крыльцѣ аксеновскаго дома, мимо котораго мы проходили, стояли всѣ, теперь мнѣ казавшіеся близкими, почти родными, и тоже махали платками, крестили и плакали... Какъ было не свершить чудесъ храбрости ради такихъ добрыхъ людей?..

Въ Тифлисъ къ намъ присоединились два батальона Мингрельскаго полка, нѣсколько батарей и рота саперъ. Дальше мы двинулись по Военно-Имеретинской дорогѣ на Поти, но, не доходя его, переправились черезъ Ріонъ и пошли на Сухумъ, гдѣ къ намъ присоединились Гурійская, Мингрельская, Имеретинская дружины, частью верхомъ, частью пѣшими.

Это были молодцоватая, щегольски и цвѣтисто разодѣтыя части, передъ которыми мы, сѣрые, уже нѣсколько потрепавшіеся въ походѣ, казались совсѣмъ замухрышками. И вооруженіе наше тоже было нехорошее. Правда, многіе дружинники имѣли еще бердыши, сѣкиры, луки со стрѣлами, но у многихъ были нарѣзные, малокалиберныя ружья, обладавшія гораздо большею дальностью, чѣмъ наши семилинейныя, стрѣлявшія шаговъ на сто—двѣсти, да и то не каждое. Мы знали, что побережные горцы были большею частью вооружены такими же турецкаго или, правильнѣй сказать, англійскаго происхожденія ружьями, но мы шли съ большимъ презрѣніемъ къ непріятельскому вооруженію, твердо увѣренныя, что нашему врагу не сдобровать противъ нашего молодца-штыка, а ихъ пуля—дура... Долженъ откровенно сказать, что тѣмъ не менѣе каждый изъ насъ охотно промѣнялъ бы свою кочергу на длинную фузею горцевъ, будь только возможность придѣлать къ ней штыкъ.

Два слова о нашей экспедиціи. Она была предпринята повелѣніемъ самого государя Николая Павловича, который въ прошломъ году лично объѣхалъ все побережье и призналъ необходимымъ заложить здѣсь рядъ укрѣпленій, дабы разобщить кавказскихъ горцевъ отъ ихъ единовѣрцевъ—турокъ, постоянно снабжавшихъ нашихъ противниковъ оружіемъ, порохомъ и посылавшихъ черезъ эти порты своихъ эмиссаровъ въ глубину Кавказскихъ горъ для возбужденія горцевъ къ непрестанной борьбѣ съ Россіей. Для овладѣнія береговой полосой, отъ которой по послѣднему мирному договору Турція, хотя и отказалась, но продолжала фактически господствовать за отсутствіемъ у насъ на Черномъ морѣ сильнаго военнаго флота, было назначено два отряда: Сѣверный—для движенія отъ Суджука (нынѣшній Новороссійскъ) къ югу и нашъ Южный, направлявшійся отъ Сухума къ сѣверу навстрѣчу первому.

Въ Сухумѣ насъ уже ждали транспорты и конвойныя суда, подъ начальствомъ адмирала Артюхова. Десятаго апрѣля началась посадка войскъ, а 12-го мы тронулись. Погода вначалѣ стояла великолѣпная, но въ открытомъ морѣ начало изрядно покачивать, быть

можетъ, по морскому и незначительно, но для многихъ, и въ томъ числѣ для меня, эти полтора-два дня положительно вычеркнуты изъ жизни. Я лежалъ, какъ пласть, и ко всему въ мірѣ относился равнодушно. Помню одинъ моментъ, когда сознаніе мое боролось съ сумасшедшимъ желаніемъ броситься черезъ бортъ, дабы смертію разомъ прекратить эти невыносимыя страданія, но что-то или, вѣрнѣе, кто-то удержалъ меня.

13-го апрѣля съ утра на всѣхъ судахъ поднялась суматоха, обычно предшествующая высадкѣ войскъ. [Начались переклички, расчеты по гребнымъ судамъ, раздача патроновъ, сухарей и т. п. Готовясь къ бою, люди мылись, переодѣвались въ чистое бѣлье, и не слышно было обычныхъ шутокъ, прибаутокъ... Я ли привыкъ къ морю, или оно стало тише, но я началъ приходить въ себя и мнѣ постепенно передалось общее оживленіе. Я дѣлалъ то же, что и другіе, и вызвался въ охотники, увѣренный, что мученія мои кончатся, какъ только я ступлю ногами на твердую землю.

Около трехъ часовъ мы подошли къ Сочи. Невысокій берегъ тутъ разступался и образовывалъ широкую долину, по которой текла горная рѣчка Сочи-Пста, дававшая названіе всей мѣстности. Правая, южная сторона долины, нѣсколько выступавшая впередъ, оканчивалась террасой, на которой среди высокихъ каштановыхъ и орѣховыхъ деревьевъ бѣлѣли сакли горскаго аула. Въ глубинѣ долины зеленѣли лѣсистыя горы, а далѣе за еще болѣе высокими, но уже синими и лиловыми хребтами, ярко сверкали снѣжныя вершины... Эта чудная панорама навсегда запечатлѣлась въ моей памяти ¹⁾.

¹⁾ Въ этомъ аулѣ жилъ убыхскій князь Аубла-Ахметъ, слышій по всему побережью, какъ отчаяннѣйшій пиратъ, грабившій и наши крымскіе и турецкіе анатолійскіе берега. За его небольшой, но чрезвычайно хорошо оснащенной бригантиной наши военныя суда очень долго и упорно гонялись и такъ-таки не могли захватить ее.

Горцы, населяющіе эту часть побережья, принадлежали къ племени убыховъ, находившихся подъ властью князя Берзеева, который пользовался, благодаря своимъ личнымъ свойствамъ, громаднымъ авторитетомъ не только у своихъ, но и вообще у другихъ горскихъ племенъ. Это былъ рыцарь по своему характеру и въ то же время человекъ большого ума и военныхъ дарованій. Онъ объявилъ себя открытымъ врагомъ Россіи, и всѣ нападенія, вполнѣ произведенныя на наши береговыя укрѣпленія, были организованы имъ, причемъ онъ чрезвычайно умѣло использовалъ изолированное положеніе нашихъ опорныхъ пунктовъ. Въ концѣ концовъ мы вынужденно покинули занятую линію и, когда ее вновь заняли, то Берзеевъ не захотѣлъ признать нашу власть и, сломленный силой, но не покоренный, гордо покинулъ свою родину и выселлся со всѣмъ своимъ племенемъ въ Турцію. И, между прочимъ, слышалъ, что подъ эгидой этого благороднаго представителя убыхскаго рыцарства воспитывались даже дѣти владѣтельнаго князя Мингреліи Шервашидзе, вполнѣ служившіе на русской службѣ.

А. О. Р.—чѣ.

Старикъ Берзеевъ дожилъ до глубокой старости. Сыновья его живутъ въ Турціи до сихъ поръ и пользуются большимъ почетомъ у турокъ и большимъ вліяніемъ среди всѣхъ племенъ бывшихъ кавказскихъ горцевъ. Старшій изъ Берзеевыхъ, можетъ быть, войдетъ со временемъ въ исторію своимъ классическимъ отвѣтомъ кавказскимъ рево-

Вдругъ на флагманскомъ суднѣ поднялось нѣсколько флаговъ, тотчасъ по всѣмъ судамъ раздались сложныя команды, и часть матросовъ съ чисто обезьяньей ловкостью бросилась наверхъ по снастямъ убирать паруса, а другая—завозилась у орудій, спѣшно ихъ заряжая. Между тѣмъ корабли перестроились въ двѣ, какъ ихъ называютъ, «кильватерныя» колонны: ближе къ берегу, саженьяхъ въ ста, остановились боевыя суда, прикрывая собою линію транспортовъ. Еще взвились новые флаги, открылись боковые люки, выдвинулись орудія, командоры навели ихъ, и разомъ загремѣли оглушительныя выстрѣлы, потрясшіе корабли!.. Сквозь разорвавшіеся клубы дыма мы видѣли, какъ гранаты забороздили по террасѣ, взрывая пыль и камни... Въ аулѣ, казавшемся раньше вымершимъ, поднялось смятеніе... Видно было, какъ тамъ забѣгали женщины въ ихъ цвѣтныхъ платьяхъ, какъ мужчины тащили на себѣ разный скарбъ и угоняли скотину. Послѣ новаго залпа началась частая бомбардировка всей полосы, насколько могли хватать орудія. Послѣ подобнаго обстрѣла, намъ казалось, ужъ ничего живого не должно было остаться въ аулѣ.

Въ это время со стороны, обращенной къ морю, спускались лодки, и въ нихъ садились войска, назначенныя въ десантъ. Впрочемъ, слѣдовало бы сказать не «садились», а становились, такъ какъ мы сбились въ кучу посреди лодки стоя и жались другъ къ другу, заботясь лишь о томъ, чтобы не проткнуть сосѣдей штыкомъ и не выстрѣлило бы заряженное ружье. Наступила торжественная минута!..

Орудійная стрѣльба разомъ смолкла, всѣ ванты судовъ разукрасились разноцвѣтными флагами, раздались звуки величаваго гимна, тогда еще только что введеннаго и разученнаго хорами, лодки выплыли изъ-за прикрывавшихъ кораблей и помчались къ берегу...

Много разъ потомъ мнѣ доводилось быть въ бояхъ и испытывать душевные подъемы, но никогда я не чувствовалъ болѣе сильнаго стремленія какимъ-нибудь необычайнымъ подвигомъ проявить свою

люціонерамъ, которые въ 1905 или 1906 году, въ угарѣ революціоннаго возбужденія, послали депутацію турецкому султану съ предложеніемъ воспользоваться временнымъ ослабленіемъ Россіи и занять своими войсками Кавказъ. Соблазнъ былъ великъ, но страхъ передъ возможностью воздѣйствія великихъ державъ вынудилъ султана отказаться отъ прямого участія. Тѣмъ не менѣе онъ просителямъ указалъ на Берзекова, который могъ бы поднять своихъ черкесовъ и хлынуть всею дикою ордою на Кавказъ. Берзековъ принялъ депутатовъ, выслушалъ ихъ, но затѣмъ далъ отвѣтъ, полный гордаго достоинства: «Я могу не любить Россію, я врагъ ея, могу воевать съ нею, по пользоваться ея временнымъ ослабленіемъ я считаю подлостью...» Впослѣдствіи этотъ отвѣтъ сталъ извѣстенъ кавказскому намѣстнику князю Воронцову, и онъ написалъ письмо Берзекову, въ которомъ отмѣтилъ все рыцарское благородство его отвѣта. Эти свѣдѣнія почерпнуты мною изъ доклада Султанъ-Гирея «О положеніи кавказскихъ горцевъ въ Турціи», читанномъ въ ноябрѣ 1911 года въ «обществѣ любителей изученія Кубанской области».

М. Р—тъ,

отвагу, какъ въ тотъ день моего перваго боевого крещенія... Но этотъ пылъ мнѣ пришлось сдержать, когда я оглянулся кругомъ и увидѣлъ серьезно сосредоточенныя лица солдатъ. Одинъ говорилъ полушопотомъ своему сосѣду: «Такъ ты, Николаичъ, коли что случится, мои семь рублей отошли брату Ивану и накажи ему, чтобы онъ на панихиду больше полтины не тратилъ, а чтобы остальные на хозяйство пошли...» А другой пожилой солдатъ, спускаясь съ трапа, нашель кусокъ полотняной тряпки: «Пригодится нащипать корпію...»—сказалъ онъ, пряча лоскутъ въ карманъ. Простота, съ которой были сказаны эти фразы, и полное отсутствіе рисовки меня поразили... Что значилъ мой восторженный порывъ къ показной отвагѣ по сравненію съ этимъ сознательнымъ мужествомъ?.. Я былъ храбръ, потому что мнѣ хотѣлось отличиться, и мнѣ въ голову не приходила мысль о возможности дурного исхода, а они шли на бой съ тою же готовностью и спокойно говорили о панихидѣ, о корпіи, нисколько не рисуясь... Мнѣ сдѣлалось стыдно моей экзальтаціи, и я постарался быть сдержаннымъ...

Берегъ у самой воды образовывалъ низкую, немного повышавшуюся вглубь материка полосу, шириной сажень двадцать—тридцать, по которой во время волненій раскатывались волны. Ближе осаждался мелкій песокъ, далѣе галька, а еще далѣе крупные камни. Разгонъ волны ограничивался почти отвѣсной, сажень пять высоты, стѣной. Эта стѣна, то сильно понижавшаяся, то повышавшаяся, и прибойная полоса тянулись вправо и влѣво, насколько хваталъ глазъ, лишь въ этомъ мѣстѣ стѣна разступалась на полверсты, образуя широкую рѣчную долину, по которой текла Сочи, мутившая чистую морскую воду.

Разогнавшіяся лодки врѣзались въ мягкій береговой песокъ. Сходень некогда было ставить, и мы соскакивали прямо въ воду и бѣжали выстраиваться на берегъ. Послѣ качки земля, казалось, уходила изъ-подъ ногъ, и нѣкоторые падали, хватаясь за камни или воду. Это дало намъ нѣсколько минутъ веселья, тѣмъ болѣе, что пока все было благополучно, и непріятель, очевидно, разсѣянный нашими выстрѣлами, не встрѣтилъ насъ огнемъ.

Высадивъ первыя части, лодки полетѣли обратно и въ нѣсколько рейсовъ перевезли первый эшелонъ десанта съ горнымъ орудіемъ, но безъ лошадей.

Мы начали выстраиваться въ боевой порядокъ, который состоялъ изъ двухъ колоннъ: лѣвая, изъ двухъ ротъ Эриванскаго полка, должна была наступать въ пространство между рѣкою Сочи и возвышенностью, а затѣмъ, завернувъ лѣвымъ плечомъ, занять эту возвышенность съ сѣвера; правая, изъ двухъ ротъ Мингрельскаго карабинернаго полка съ горнымъ орудіемъ, наступала на ту же возвышенность, пользуясь лѣсистымъ оврагомъ, проходившимъ южнѣе. Насъ, охотниковъ, распредѣлили по колоннамъ. Мнѣ дове-

лось итти съ мингрельцами. Была еще третья колонна изъ всей милиціи, подъ начальствомъ владѣтельнаго князя Шервашидзе, но ее не успѣли еще высадить въ тотъ день.

Вмѣсто того, чтобы немедля повести насъ на приступъ, насъ заставили дѣлать какія-то перестроенія, хотя всякому было ясно, какъ день, что по условіямъ мѣстности мы вынуждены будемъ сейчасъ же нарушить всякое перестроеніе и вытянуться въ кишку по ущелію, которое уже успѣли развѣдать часть нашихъ охотниковъ. Самая же главная ошибка состояла въ томъ, что мы упустили благоприятное время, горцы успѣли опомниться послѣ бомбардировки и уже готовились нанести намъ жестокой ударъ...

Впередѣ пошли мы, охотники, подъ начальствомъ старшаго унтеръ-офицера Мингрельскаго полка, далѣе слѣдовала полурота, тащившая на лямкахъ горное орудіе, подъ начальствомъ поручика Кавказской гренадерской артиллерійской бригады Евліева; затѣмъ уже шли остальные части колонны.

Что произошло въ самой колоннѣ—я узналъ потомъ. А вотъ что произошло со мной и съ человѣками двадцатью охотниковъ, ворвавшихся съ крикомъ «ура» въ аулъ, обнесенный кругомъ высокимъ палисадомъ изъ плотно сбитыхъ толстыхъ бревенъ, мѣстами поваленныхъ при нашей бомбардировкѣ.

Аулъ былъ совершенно пустъ. Мы обшарили нѣсколько ближайшихъ сакель, полуразрушенныхъ ядрами. Серьезное настроеніе солдатъ сейчасъ же смѣнилось шутливымъ, и многіе занялись ловлей черкесскихъ куръ, съ кудахтаніемъ взлетающихъ на крыши, а я и одинъ какой-то мингрелецъ, шедшій со мною все время рядомъ, занялись болѣе важнымъ дѣломъ,—отыскивали гдѣ-то длинный дрюкъ и начали привязывать къ нему желтую тряпицу съ узорами... Этимъ флагомъ мы хотѣли возвѣстить міру наше торжество—взятіе непріятельскаго аула... Но, оказалось, мы рано праздновали побѣду... Вдругъ сзади раздался болѣзненный крикъ, потомъ другой... Я оглянулся и увидѣлъ картину, заставляющую меня и до сихъ поръ при воспоминаніи о ней вздрагивать... Словно изъ-подъ земли выросшіе человѣкъ тридцать горцевъ бѣшено сновали между нашими солдатами и молча рубили ихъ шашками и рѣзали кинжалами... Гибель наша была неизбежна, потому что непріятель уже отрѣзалъ отъ насъ тропинку, по которой мы поднялись въ аулъ изъ оврага, а собраться намъ въ кучу для отпора было уже поздно... Единственный проблескъ спасенія для насъ, еще уцѣлѣвшихъ, заключался въ отступленіи къ лицевому фасу, обрывавшемуся къ морю пятисаженной стѣнкой съ грудой осыпавшихся острыхъ камней внизу... Мигомъ сообразивъ это, я крикнулъ: «Ребята, ко мнѣ!..» Насъ всего четыре человѣка стали отбѣгать къ обрыву...

— Не стрѣлай, береги патроны!..—крикнулъ еще я, сознавая, что въ послѣднихъ выстрѣлахъ въ упоръ оставалось средство удер-

жать натискъ; держа ружья наперевѣсъ, ежеминутно готовые дѣйствовать штыками, мы отходили назадъ скачками, а на насъ всюду бѣжали горцы съ ихъ звѣрски искаженными отъ злобы лицами... Мы достигли такимъ образомъ ограда, почти разрушенной нашей артиллеріей.

— Теперь стрѣляй и кидайся внизъ!..—скомандоваль я и, упершись во что-то ногой, приложился и спустил курокъ въ ближайшаго ко мнѣ горца, набѣгавшаго на меня... Однако только порохъ вспыхнулъ на полкѣ, горецъ же продолжалъ безшумно въ своихъ пасталахъ надвигаться, тогда я пхнулъ впередъ ружьемъ, почувствовалъ, какъ оно воткнулось во что-то мягкое, и тотчасъ же отдернулъ его назадъ, затѣмъ оглянулся и ринулся сквозь кусты внизъ... Колючки рвали руки, лицо, одежду, и, наконецъ, я грохнулся въ песокъ... Я имѣлъ еще сознаніе вскочить на ноги и отбѣжать въ сторону, дабы слѣдующій солдатъ не упалъ на меня... Тутъ ко мнѣ подбѣжало нѣсколько человѣкъ, я имъ сталъ торопливо объяснять, но затѣмъ упалъ, потерявъ сознаніе... Очнулся подъ навѣсомъ перевязочной палатки; припомнивъ случившееся, я, полагая себя раненымъ, боялся шевелиться, чтобы не вызвать боли. Понемногу, двинувъ рукой, потомъ ногой, я узналъ, что все у меня цѣло; тогда я вскочилъ на ноги и безъ шапки бросился бѣжать, куда глаза глядятъ... Скоро я опомнился и пошелъ искать своихъ. Тутъ мнѣ рассказали о катастрофѣ, постигшей главную нашу колонну.

Какъ только роты втянулись въ узкую тропинку, именно въ тотъ моментъ, когда я наверху навязывалъ флагъ, думая торжествовать побѣду, раздались крики: «Алла... алла!» и на нашихъ справо и слѣва изъ-за кустовъ и деревьевъ ринулось нѣсколько сотъ горцевъ. Началась беспорядочная стрѣльба, потомъ пошла рукопашная, причемъ приходилось дѣйствовать на обѣ стороны одному противъ нѣсколькихъ... Поручикъ артиллерійской гренадерской бригады Евліевъ успѣлъ-таки установить свое орудіе и дать картечный выстрѣлъ, но былъ тотчасъ раненъ въ ногу. Его подхватилъ фельдфебель мингрельской роты, но былъ моментально изрубленъ вмѣстѣ съ несчастнымъ поручикомъ.

Въ это время двѣ роты Эриванскаго полка, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Гозиуша и капитана Громова достигли безъ всякихъ препятствій сѣверо-восточной окраины аула и остановились, поджидая выхода изъ ущелья правой колонны... Среди общей тишины къ нимъ вдругъ донеслись звуки боя... Не имѣя категорическаго приказанія на этотъ счетъ, капитанъ Громовъ не рѣшался двинуться далѣе, но чувство взаимной выручки вѣрно подсказывало солдатамъ и ихъ уже не могла сдержать дисциплина: обѣ роты, какъ одинъ, ринулись впередъ, сквозь чащу кустовъ... Было, конечно, уже поздно, чтобы предупредить катастрофу, но зато эриванцы заставили прекратить рѣзню; непріятель отхлынулъ, и мин-

грелъцы могли вынести своихъ раненыхъ и убитыхъ, а тѣхъ и другихъ оказалось до двухсотъ человѣкъ и, кромѣ того, потеряно одно орудіе, увезенное горцами во время свалки. Несомнѣнно, въ официальныхъ донесеніяхъ дѣло это представлено, какъ особенно кровопролитное, вслѣдствіе подавляющаго превосходства непріятеля, упорное сопротивленіе котораго могли одолѣть лишь умѣлыя распоряженія и отвага начальниковъ... Но мы, солдаты, пережившіе на своей шкурѣ всю эту «распорядительность», были другого мнѣнія и глубоко сожалѣли о напрасно погибшихъ...

Къ вечеру мы совершенно овладѣли ауломъ и всею эспланадой. Саперы тотчасъ же приступили къ устройству укрѣпленнаго лагеря. Главная задача заключалась въ возможно скорѣйшемъ обезпеченіи лагеря отъ нечаяннаго нападенія. Сумерки только-что начали спускаться, когда насъ всѣхъ снабдили топорами и заставили рубить вѣковые деревья, чтобы образовать съ трехъ фасовъ засѣку и, кромѣ того, расчистить впереди мѣстность на ружейный выстрѣлъ.

Когда наступила темнота, картина совершенно измѣнилась. Вмѣсто незначительнаго приморскаго аула, шесть часовъ тому назадъ и не подозревавшаго своей будущей участи, выросла довольно значительная крѣпость съ оградой изъ деревьевъ и терновъ. По срединѣ раскинулся оживленный лагерь, съ веселыми дымящимися кострами. Въ уцѣлѣвшихъ сакляхъ расположилось начальство... Только въ юго-восточномъ отдаленномъ углу сложенные прямо на землю семьдесятъ труповъ напоминали о недавней драмѣ. Возлѣ тѣла поручики Евліева въ фонарѣ теплилась восковая свѣчка передъ походнымъ образкомъ, а съ солдатскихъ мундировъ каптенармусы, блюда казенные интересы, посрѣзали пуговицы...

Войска на ночь расположились по тремъ фасамъ и, кромѣ того, повсюду выставили пикеты на случай нечаяннаго нападенія. Предосторожность эта оказалась далеко не лишней.

Часовъ около трехъ, когда зашла луна, на восточномъ фасѣ, занятомъ нашими эриванцами, часовые услышали трескъ сухихъ вѣтокъ, нарочно разбросанныхъ передъ засѣкой, а затѣмъ привычные глаза разсмотрѣли притнувшіяся фигуры, которыя крались къ укрѣпленію. Часовые подали условный знакъ подчаскамъ, тѣ сообщили дежурнымъ частямъ, находившимся у самой ограды; мигомъ цѣпи стрѣлковъ заняли всю линію обороны, а позади стали наготовѣ сомкнутыя части. Заранѣе было приказано не стрѣлать безъ особаго приказанія, и солдаты стояли въ напряженномъ состояніи у ограды, а впереди копошилось что-то, какія-то фигуры молча ползли все ближе и ближе и залегали такъ, что, по разсказамъ солдатъ, слышно было тяжелое дыханіе... Горцы, видимо, поджидали, пока они не соберутся въ большомъ числѣ... Но въ это время у одного солдата нервы не выдержали, и онъ выстрѣлилъ въ

смѣльчака, хотѣвшаго пролѣзть между сучьями... Мгновенно поднялась стрѣльба по всей линіи. Непріятель, видя себя обнаруженнымъ, вскочилъ на ноги и съ криками «Алла!.. Гяуръ санъ!..» бросился къ укрѣпленію. Многіе изъ нихъ тутъ же пали отъ выстрѣловъ, другіе подъ ударами штыковъ. Въ это время отъ неизвѣстной причины загорѣлась стоявшая нѣсколько позади и въ сторонѣ высокая черкесская рига на сваяхъ, въ которой горцы сушатъ обыкновенно свою кукурузу. Пожаръ разомъ освѣтилъ мѣстность и далъ нашимъ стрѣлкамъ хорошій прицѣлъ. Много тутъ полегло убитыхъ жертвами своей безумной отваги.

Интересная и въ то же время трогательная сцена разыгралась потомъ изъ-за этихъ труповъ. Послѣ приступа горцы отхлынули, оставивъ на мѣстѣ много тѣлъ. При свѣтѣ разгорѣвшагося костра намъ было видно, какъ нѣкоторые убитые, лежавшіе сначала безъ движенія, потомъ зашевелились и старались отползти подальше. Къ ближайшимъ изъ нихъ наши солдаты бросились черезъ проходы, желая забрать плѣнныхъ. И вдругъ, къ удивленію, изъ-подъ нѣкоторыхъ мертвецовъ повыскакивали совершенно здоровые горцы, которые, какъ оказалось, ползкомъ на своихъ спинахъ увозили погибшихъ товарищей... Натолкнувшись въ одномъ мѣстѣ на подобную парочку, наши солдаты расхохотались самымъ добродушнымъ образомъ.

— Ишь ты, гололобые, какъ ловко придумали!.. Ну, гайда... гайда, кунакъ!..—сказалъ одинъ ефрейторъ, шутливо подталкивая попавшагося горца.

Вмѣсто отвѣта убитъ выхватилъ кинжалъ и пырнулъ солдата въ животъ. По счастью, кинжалъ скользнулъ по мѣдной бляхѣ и толстому поясному ремню. Бѣдному же горцу, ослѣпленному безумной злобой, пришлось лечь рядомъ съ своимъ товарищемъ, а съ нимъ и многимъ другимъ.

Наступившій разсвѣтъ прекратилъ бой, и вслѣдъ за тѣмъ явились парламентеры съ просьбой выдать тѣла. Генераль Симборскій разрѣшилъ имъ это, но только не болѣе десяти человѣкъ разомъ, и въ то же время на нихъ были наведены заряженные орудія. Когда производилась эта процедура, вся опушка противоположащаго лѣса была усыяна нѣсколькими тысячами горцевъ, отъ которыхъ къ намъ доносилась отборная русская брань. Можетъ быть, это были наши дезертиры какіе-нибудь, но, можетъ быть, и горцы, удивительно скоро усваивавшіе нашъ ругательный лексиконъ.

Присутствовавшіе при уносѣ убитыхъ наши солдаты рассказывали потомъ, какъ скорбно глядѣли на своихъ павшихъ товарищей пришедшіе, какіе тяжелые стоны раздавались порой и какою ненавистью разгорались у нихъ лица при взглядѣ на насъ.

Помню я, въ одной изъ группъ вечерняго бивака я слышалъ разговоръ, рисующій взгляды солдатъ на нашу завоевательную

политику. Между солдатами пересказывались впечатлѣнія дня, вспоминались эпизоды ночного боя.

— Ну, да и злѣйшій же народъ эти убухи!..—говорилъ одинъ.—Какъ глянетъ на тебя, ажно перекосятся лицо, задрожитъ весь... Если бы не наведенныя на нихъ пушки, такъ и бросились бы въ рѣзню...

— Да, ужъ ему теперь не попадайся... Озлобѣлъ...—вставилъ другой.

— Ты говоришь «озлобѣлъ»... Конечно, озлобѣешь!..—замѣтилъ сипловатымъ голосомъ одинъ знакомый мнѣ нервный, болѣзненный солдатъ перваго батальона.—Какъ тутъ не озлобѣть, когда мы пришли сюда и согнали его съ мѣста. Можетъ, онъ тутъ споконъ вѣка живетъ и досе не зналъ надъ собой верха... Всякій тутъ озлобѣетъ...

— Оно такъ-то такъ... Да все же онъ долженъ покориться нашему орлу. Потому у нашего орла крестъ въ лапахъ, а у него ничего нѣтъ, одинъ лишь турецкій мѣсяцъ, да и тотъ на ущербѣ... Гдѣ ему спорить съ крестомъ?.. Вся Азія должна безпремѣнно кресту покориться!.. Объ этомъ и въ книгахъ писано...

VI.

Участь моихъ товарищей по атакѣ 13-го апрѣля.—Мингрелецъ Созонтычъ.—Закладка Александрійскаго укрѣпленія.—Атака горцевъ въ 1840 году.—Подвигъ Треко.—Буря 30-го мая.—Между двухъ огней.—Награжденіе меня георгіевскимъ крестомъ.—Крѣпостныя работы.—Дѣйствія майора Радкевича десятаго іюля.—Келасурп.—Отрядное кладбище.—Возвращеніе въ штабъ-квартиры.—Заключеніе.

Я ничего не сказалъ объ участи моихъ товарищей по занятію аула, а между тѣмъ она представляется довольно интересной. Изъ всѣхъ охотниковъ всего уцѣлѣло человѣкъ пять, отчасти выздоровѣвшихъ послѣ пораненій, а отчасти затаившихся въ кустахъ. Тѣ же трое, что отступили со мной, не всѣ отдѣлались благополучно. Одинъ былъ изрубленъ на самомъ краю оврага, другому при паденіи сквозъ кусты разорвало колючкой глазное яблоко, и онъ впослѣдствіи совсѣмъ ослѣпъ, а третій сломалъ себѣ ногу о камни. Этотъ третій былъ солдатъ Мингрельскаго полка, съ которымъ мы навязали флагъ. Позволю себѣ нѣсколько забѣжать впередъ и рассказать, какъ иногда случай сводитъ людей.

Этого мингрельца, лежавшаго со сломанной голенью ноги, я часто навѣщалъ, пока онъ лежалъ въ полевомъ лазаретѣ, и пережитыя недавно опасности какъ будто сближали насъ. Потомъ я потерялъ его совершенно изъ вида. Прошло много лѣтъ. Въ 1854 году, въ турецкую войну, когда я уже былъ майоромъ, въ сраженіи подъ Кюрюкъ-Дара нашъ Эриванскій полкъ стоялъ въ резервѣ, но къ намъ все-таки долетали непріятельскія ядра и пули, то и дѣло

вырывавшія жертвы изъ сомкнутыхъ рядовъ. При этомъ каждый разъ раздавалась команда: «Носилки!..» затѣмъ «Сомкни ряды!..» чтобы заполнить мѣсто только что убитаго. Но отойти назадъ, продвинуться впередъ за какое-нибудь укрытіе или лечь, чтобы сдѣлать строй менѣе виднымъ, считалось въ то время позорнымъ, почти равносильнымъ проявленію трусости. Вдругъ въ сосѣднихъ со мной рядахъ раздалось: «Охъ, батюшки, помираю!..» и кто-то упалъ головой впередъ. Я невольно повернулъ въ ту сторону голову, и въ тотъ самый моментъ меня словно ожгло по правой сторонѣ лба и сбило папаху. Я поднесъ руку къ головѣ и, увидѣвъ кровь на ладони, разомъ почувствовалъ сильнѣйшую боль и упалъ безъ сознанія. Не повернись я вправо, пуля, несомнѣнно, пробила бы лобъ, а теперь она прошла по касательной, раздробивъ лишь выступающій уголь, носящій у френологовъ названіе математической шишки.

На главномъ перевязочномъ пунктѣ, при слѣпной работѣ, я былъ докторами сочтенъ убитымъ и меня перенесли далеко въ сторону, гдѣ уже рыли братскую могилу... И я бы, конечно, попалъ туда, не случись въ числѣ санитаровъ нашего эриванца, который захотѣлъ, по христіанскому обычаю, проститься со мной и наклонился дать свой послѣдній напутственный поцѣлуй, но въ это время услышалъ мой стонъ... Участливый солдатикъ бросился къ нашему полковому доктору Гурко и, запыхавшись, доложилъ: «Живъ еще человѣкъ!.. стонетъ!..» Докторъ недовѣрчиво отнесся къ словамъ солдата, но все-таки пошелъ черезъ все поле, внимательно осмотрѣлъ мою рану, смылъ губкой кровь, вынулъ пинцетомъ нѣкоторые осколки костей и, перевязавъ за отсутствіемъ подъ рукою бинтовъ собственнымъ носовымъ платкомъ, велѣлъ перенести меня въ палатку къ «живымъ»... Самъ Гурко мнѣ потомъ рассказывалъ объ этомъ, причемъ сознавался, что не вѣрилъ въ мое исцѣленіе, а сдѣлалъ это, чтобы «потомъ совѣсть не мучила»...

Вслѣдствіе большого количества раненыхъ въ этомъ сраженіи насъ всѣхъ клали вперемѣшку и потомъ уже сортировали офицеровъ и солдатъ. Когда я очнулся подъ палаточнымъ навѣсомъ, мой сосѣдъ обратился ко мнѣ:

— Здравія желаю, ваше высокоблагородіе!.. Вотъ гдѣ довелось намъ встрѣтиться...

— Здравствуй, братецъ!.. А ты кто такой?..—спросилъ я, не видя говорившаго сквозь свои бинты.

— А мы брали вмѣстѣ Сочу... Помните, еще тряпицу на дрекольѣ навязывали, а потомъ отъ черкески вмѣстѣ въ кручу прыгали... Только тогда я самъ себѣ ногу о скалу повредилъ, а теперь онъ (т. е. непріятель) мнѣ ее, кажись, совсѣмъ попортилъ...

Такимъ образомъ, капризомъ судьбы мы сведены были черезъ шестнадцать лѣтъ, но бѣдному мингрельцу не повезло и на этотъ разъ: ему отняли ногу ниже колѣна... Мы съ нимъ были одновременно-

но эвакуированы и поправлялись въ одномъ госпиталѣ около Делижана, и за все это время сохраняли тѣ пріятельскія отношенія, которыя въ тѣ времена долгой солдатской службы порою возникали между офицерами и нижними чинами. Когда рана моя совсѣмъ зажила, мнѣ прописанъ былъ моціонъ, но у меня страшно кружилась голова. И вотъ Сазонтычъ ежедневно приходилъ ко мнѣ въ палату и, поддерживая меня своею сильною правой рукой, водилъ по полянѣ, самъ ковыляя на своей деревяшкѣ и костылѣ... При этомъ онъ съ удивительнымъ тактомъ умѣлъ соблюсти извѣстное чинопочитаніе и не проявить низкопоклонства. Выписались мы изъ госпиталя одновременно, я чтобы ѣхать домой на поправку, а онъ чтобы потомъ уволиться въ «чистую», т. е. быть выброшеннымъ за негодностью на всѣ четыре стороны... За долгіе дни совместной госпитальной жизни я успѣлъ полюбить этого честнаго, разумнаго Сазонтыча, потому предложилъ ему пожить у меня, намѣреваясь впоследствии подыскать для него какое-нибудь подходящее мѣсто. Но онъ отказался отъ моей помощи.

— Покорно благодарю за ласку и доброту, ваше высокоблагородіе!—сказалъ онъ.—Я хучь и безъ ноги, а не пропаду, потому я дюжъ работать... Сначала пойду, провѣдаю своихъ на родинѣ, а тамъ подамся на Кубань. Мнѣ бы только земли коснуться, а я свое возьму...

И дѣйствительно, надежды Сазонтыча осуществились и въ гораздо большей степени, чѣмъ онъ могъ когда-нибудь мечтать.

Прошло еще лѣтъ двадцать пять. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ я служилъ въ Кубанской области губернскимъ воинскимъ начальникомъ и по дѣламъ службы часто разъѣзжалъ по станицамъ, гдѣ стояли команды такъ называемыхъ «мѣстныхъ войскъ». Однажды, недоѣзжая Кавказской станицы, меня застигла вьюга. Ямщикъ мой сбился съ дороги, и всѣ наши усилія были направлены къ тому, чтобы отыскать стогъ сѣна, дабы притулиться, какъ говорилъ ямщикъ, на время... Но, какъ на зло, всегда попадающіеся въ этомъ мѣстѣ стога теперь исчезли куда-то, и наши лошади, проплутавъ по сугробамъ, скоро совсѣмъ выбились изъ силъ и наконецъ стали... Настъ начало заносить... Я-то былъ въ енотовой шубѣ, но бѣдный ямщикъ въ своей шубейкѣ, подбитой вѣтромъ, сильно заботилъ меня. Мнѣ пришлось его сажать къ себѣ въ сани и прикрывать полами шубы, за лошадей же мы не боялись, потому онѣ «привычныя»... Вдругъ нашъ коренникъ заржалъ, и вслѣдъ за тѣмъ къ намъ вмѣстѣ съ завываніемъ вѣтра донесся слабый звонъ бубенчика... Мы давай тогда кричать, что есть мочи... Черезъ нѣкоторое время на насъ наѣхалъ странствующій торговецъ, кочевавшій со своимъ товаромъ по станицамъ. По его рассказамъ, его пара сытыхъ лошадокъ никогда не плутаетъ: сами знаютъ дорогу, онъ и за вожжи не держитъ. Мы свернули за нимъ и дѣйствительно скоро пріѣхали на чьи-то ху-

тора. Насъ встрѣтили по хуторскому обычаю, тогда еще процвѣтавшему, очень радушно, и, отогрѣваясь за чаемъ, я узналъ отъ молодыхъ-хозяевъ, что они собственники весьма значительнаго участка земли и занимаются хлѣбопашествомъ и овцеводствомъ. Во время нашего разговора съ печи вдругъ раздался чей-то возгласъ, и оттуда сталъ спѣшно слѣзать старикъ, до сихъ поръ не принимавшій участія въ разговорѣ.

— Ваше превосходительство!.. А вѣдь я васъ призналъ... Видитъ Богъ, призналъ... Я такой-то... Помните Сочу, а потомъ Кюрюкъ-Дару?..

Не могу выразить, какъ я былъ радостно пораженъ... Какъ два брата, потерявшіе другъ-друга и снова свидѣвшіеся неожиданно, мы обнялись, старые соратники... И дѣйствительно, развѣ мы не были братья, развѣ насъ не сбратали бывшіе бои, не на однихъ ли поляхъ мы проливали кровь?.. И слезы, самыя радостныя слезы катились у насъ изъ глазъ...

Старику было за семьдесятъ лѣтъ, но какъ онъ сохранился, несмотря на отрѣзанную ногу и все пережитое... Какъ онъ все помнилъ живо, какъ говорилъ интересно и какой это оказался умный, тароватый хозяинъ!.. Когда мы съ нимъ разстались въ Тифлисѣ, онъ «потяпался» въ Россію, но, не пройдя и четверти пути, застрѣлъ у линейныхъ казаковъ, сначала работникомъ, потомъ арендаторомъ, а потомъ и собственникомъ порядочнаго участка земли, баснословно дешево купленнаго у какого-то офицера. Правду Созонтычъ мнѣ говорилъ, что ему бы только коснуться земли, а онъ ужъ своего не упуститъ... Тутъ же на Кубани онъ женился на вдовѣ и имѣлъ, кромѣ пасынковъ, своихъ дѣтей и много внуковъ.

Метель улеглась, а мы все еще сидѣли и болтали. Разстались мы съ чувствомъ большого сожалѣнія, съ обѣщаніемъ, что онъ непременно посѣтитъ меня въ Екатеринодарѣ; но, увы, это была наша послѣдняя встрѣча,—постомъ старикъ простудился и умеръ, не дождавшись Свѣтлаго праздника.

Но какую хорошую семью онъ создалъ. Умирая, онъ сдѣлалъ словесное распоряженіе, чтобы въ случаѣ спора изъ-за дѣлежа имущества между тремя сыновьями и двумя замужними дочерьми они обратились не въ судъ, а ко мнѣ. «Какъ рѣшить генераль, такъ тому и быть»... И мнѣ пришлось туда ѣхать на мѣсто и производить дѣлежъ, причемъ спорящими и недовольными сторонами были собственно зятя, смирившіеся только послѣ того, какъ я имъ пригрозилъ судомъ, отъ котораго они получили бы лишь по одной четвертадой части, а не пятой, какъ опредѣлилъ старикъ. Исполняя затѣмъ желаніе покойнаго, я крестилъ одну изъ недавно родившихся внучекъ.

Но я далеко забѣжалъ впередъ, а потому вернусь къ моимъ сочинскимъ воспоминаніямъ.

21-го апрѣля, въ день рожденія императрицы Александры Ѳеодоровны, послѣ торжественнаго молебствія состоялась закладка укрѣпленія, названнаго Александрійскимъ, затѣмъ произведена трассировка, и со слѣдующаго дня начались земляныя работы. Флотилія же нѣсколько дней какъ снялась и пошла къ Херсону за лѣсомъ, заранѣе приготовленнымъ для бережныхъ укрѣпленій.

Александрійское укрѣпленіе было весьма удачно выбрано и не менѣе удачно построено, но большимъ недостаткомъ было отсутствіе воды, за которой приходилось спускаться внизъ къ рѣкѣ, и тутъ-то насъ обыкновенно подстерегали горцы. Генераль Симборскій поэтому приказалъ выслать большую колонну, которая очистила оба берега отъ лѣса и возвела на мѣстѣ водопоя небольшой блокгаузъ на двѣ роты и два орудія.

Говоря о хорошей постройкѣ Александрійскаго укрѣпленія, я имѣлъ въ виду удачную его распланировку и умѣлое приспособленіе къ мѣстности, что позволяло примѣнить самую упорную оборону. Другія береговыя укрѣпленія, одновременно возведенныя, были не такъ хорошо приспособлены, что и доказало будущее. Въ 1840 году убыхи и другія горскія племена, собравшись въ громадномъ числѣ, совершили почти одновременное нападеніе на всѣ бережныя крѣпости и нѣкоторыя имъ удалось взять. Тогда-то знаменитые Архипъ Осиповъ и штабсъ-капитанъ Лико совершили свой самоотверженный подвигъ, взорвавъ себя со всѣми защитниками Михайловскаго укрѣпленія, дабы не сдаться позорно врагу. Въ этомъ Александрійскомъ укрѣпленіи (потомъ названномъ Даховскимъ, затѣмъ фортомъ Навагинскимъ и, наконецъ, получившимъ свое старое горское названіе Сочи) произошло не менѣе трагическое событіе, кажется, еще нигдѣ не описанное. Передаю его со словъ очевидца, которому я имѣю право исполнѣ довѣрять.

Однажды на разсвѣтѣ горцы, вѣроятно, вслѣдствіе какой-нибудь нашей оплошности, ворвались въ укрѣпленіе и такъ внезапно, что захватили въ одномъ изъ краевыхъ зданій всѣхъ офицеровъ гарнизона, грѣшнымъ дѣломъ въ ту ночь подвыпившихъ. Тутъ же ихъ горцы и перерѣзали всѣхъ, за исключеніемъ одного, если память мнѣ не измѣняетъ, по фамиліи Тренко, который случайно не участвовалъ въ общемъ кутежѣ... Онъ первый узналъ о вторженіи непріятеля въ крѣпость, разбудилъ крикомъ солдатъ и съ попавшимися подъ руку людьми съ ружьемъ въ рукахъ ринулся на врага. Фехтуясь ружьемъ направо и налево, онъ успѣлъ переколоть нѣсколькихъ... Солдаты въ одномъ бѣлѣ сбѣгались къ мѣсту боя и въ нѣсколько минутъ подняли на штыки около двухсотъ человѣкъ... Отразивъ первый натискъ, Тренко организовалъ правильную оборону, и всѣ послѣдующія яростныя атаки горцевъ были отбиты... Въ этомъ случаѣ умѣлому распредѣленію силъ содѣйствовала прекрасное устройство самой крѣпости.

Въ концѣ мая вернулась флотилія съ транспортомъ лѣса, но не въ добрый часъ она пришла.

30-го мая раннимъ утромъ море было необычайно тихо, въ воздухѣ чувствовалась духота. Всѣ свободные отъ наряда люди высыпали на берегъ помогать разгружать лѣсъ съ пришедшихъ судовъ. Дубовые брусья и доски, тонувшіе въ водѣ, грузились на лодки, а легкіе сосновые сбрасывались въ море и затѣмъ буксировались къ берегу. Люди лямками подхватывали ихъ и складывали въ штабели. Многіе соединили пріятное съ полезнымъ и, раздѣвшись нагишомъ, купаясь въ теплой, словно нагрѣтой водѣ, помогали работѣ. Мы, нѣсколько человѣкъ, стояли на эспланадѣ и любовались картиною тихаго моря и оживленною, веселою дѣятельностью на берегу. Но вотъ съ запада, т. е. съ открытаго моря прямо на насъ подулъ довольно свѣжій вѣтерокъ, и картина начала постепенно мѣняться. Тихая, зеркальная поверхность мѣстами зарыбилась отъ налетавшихъ порывовъ вѣтра, всѣ суда, стоявшія до сихъ поръ въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ, повернулись, какъ по командѣ, носами къ морю. На палубахъ замѣтна была какая-то особая дѣятельность, матросы карабкались по снастямъ, заскрипѣли блоки, загремѣли опускаемые добавочные якоря. Оказалось потомъ, что всѣ судовые барометры начали съ утра быстро падать внизъ, указывая на приближающуюся бурю и теперь всѣ готовились къ встрѣчѣ ея. Дѣйствительно, часовъ около девяти на юго-западномъ горизонтѣ показалась свинцовая, почти черная туча, море разомъ покрылось зайчиками, и вся мирная, ласкающая взоръ картина сразу измѣнилась во что-то грозное, даже страшное... Тучи быстро надвигались, съ ихъ нижней стороны въ разныхъ мѣстахъ отдѣлились какіе-то жгуты, которые постепенно слились съ моремъ,—это были смерчи; мы ихъ насчитали до пятнадцати штукъ... А вѣтеръ все крѣпчалъ, прибой увеличивался, вмѣстѣ съ тревожными командами на судахъ къ намъ доносился вой вѣтра въ снастяхъ, что для насъ, стоявшихъ на берегу, казалось особенно зловѣщимъ... Наблюдая съ захватывающимъ интересомъ эту картину разыгрывающейся бури, мы не замѣчали, какъ начался дождь, который скоро перешелъ въ ливень. Но онъ насъ не разогналъ, и мы продолжали стоять подъ развѣсистыми каштанами, гнувшимися, какъ тростники, подъ напоромъ свирѣпаго шквала... На судахъ опять что-то опускали, что-то прикрѣпляли, завозили новые якоря, на нѣкоторыхъ сбрасывали съ палубы лѣсъ, чтобы облегчить грузъ... Лѣсъ этотъ волнами гнало къ берегу, здѣсь люди ловили его и веревками оттаскивали подальше отъ воды...

Къ полудню, однако, буря разыгралась въ такой степени, что у нѣкоторыхъ кунеческихъ кораблей полопались канаты и суда, гонимыя вѣтромъ и волнами, начали выбрасываться на берегъ. Дѣлали это они очень ловко, какъ-то особенно умѣло становясь на

верхъ волны и затѣмъ мягко, безъ всякихъ поврежденій ложась на песокъ. Въ этомъ весь гарнизонъ принималъ участіе, ловя концы веревокъ, бросаемыхъ съ кораблей, и закрѣпляя ихъ на берегу, чтобы не дать судамъ отхлынуть вмѣстѣ съ обратной волной.

Мы наскоро пообѣдали и снова побѣжали смотрѣть на ужасную бурю, рокового исхода которой мы даже не подозрѣвали... День къ этому врмени сгустился настолько, что походилъ на сумерки. Началась гроза, молнія то и дѣло зигзагомъ бороздила тучи и ударила въ морскую пучину; оглушительные раскаты грома покрывали ревъ урагана... Какими жалкими казались эти суденышки среди разыгравшейся грозной стихіи и какъ ничтожны и безпомощны были мы здѣсь на берегу, нѣсколько тысячъ человѣкъ, безсильные помочь погибающимъ.

Фрегатъ «Варна» и корветъ «Мисемврія», однако, еще держались, отдавъ всѣ свои якоря; но къ вечеру буря ихъ пересилила, и они подали сигналъ: «Не можемъ держаться, уходимъ въ море!..» Но развѣ можно было найти спасеніе въ этомъ кипящемъ котлѣ?.. Черезъ нѣкоторое время, какъ эти суда исчезли въ темнотѣ, къ намъ съ юга донеслись пушечные выстрѣлы, а потомъ взвились двѣ-три ракеты... Это суда извѣщали насъ о своей смерти...

Сейчасъ же были снаряжены два отряда, одинъ подъ начальствомъ храбраго и распорядительнаго подполковника Резануилова для спасенія людей съ «Варны», другой, подъ начальствомъ не менѣе отважнаго майора Антонова—для выручки «Мисемврін». Но итти по высокой части лѣсистаго берега, сквозь кусты и колючки, не было возможности, также нельзя было пробираться по низменной береговой полосѣ, гдѣ волны разгуливали до самыхъ скалъ. Отрядамъ волей-неволей пришлось ждать разсвѣта. Нечего и говорить, что люди не спали всю ночь, но чуть забрезжилъ свѣтъ, мы (я тоже вызвался итти охотникомъ) выступили на югъ, къ чуть виднѣвшейся «Варнѣ».

Съ великимъ трудомъ мы пробирались вдоль берега, прижимаясь къ скаламъ при набѣгавшей волнѣ и затѣмъ быстро перебѣгая свободныя пространства. Къ довершенію бѣдъ, главная масса лѣсу была снесена теченіемъ къ югу, и теперь бревна и доски, подымаемые волнами, неистово ударялись въ берегъ. Такимъ образомъ, намъ приходилось еще бороться и съ этими таранами. Все-таки мы сравнительно благополучно достигли «Варны», которая счастливо попала на песчаную косу и хорошо сѣла въ грунтъ носомъ въ разрѣзъ волны. Тутъ остался отрядъ Резануилова, а майоръ Антоновъ пошелъ дальше. И меня потянуло съ послѣднимъ. Уже совершенно ободняло. Верстахъ въ семи виднѣлась «Мисемврія», жалко перекачивавшаяся съ боку на бокъ отъ набѣгавшихъ волнъ.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло только съ природой, но, когда подошли къ мѣсту крушенія корвета, вмѣшались и наши враги. За-

мѣтивъ гибнущее судно, горцы, всегда зорко слѣдившіе за всякимъ крушеніемъ, изъ котораго привыкли извлекать выгоды, стеклись сюда во множествѣ. Первые матросы, высадившіеся съ «Мисемврія», попали сейчасъ же въ плѣнъ, но наши передовые взводы успѣли четырехъ отбить, а остальные, если не ошибаюсь, человѣкъ шесть, остались-таки въ рукахъ убуховъ.

Майоръ Антоновъ, подойдя къ мѣсту и встрѣченный выстрѣлами, выслалъ двѣ роты, которыя съ крикомъ «ура» вскарабкались наверхъ по крутому береговому откосу, выбили горцевъ штыками, а затѣмъ вырубил топорами и тесаками широкую поляну вокругъ и тѣмъ обезопасили насъ съ этой стороны. Только послѣ этого мы могли обратить вниманіе на гибнущее судно, которое застряло саженьяхъ въ двухстахъ отъ берега и держалось пока на двухъ своихъ послѣднихъ якоряхъ, но, очевидно, минуты его были сочтены. Волны сначала перекачивали корветъ съ боку на бокъ, а теперь подбрасывали и снова ударяли дномъ о скалистое дно, трюмъ уже былъ полонъ воды. Матросы, какъ только мы подошли, стали бросаться въ воду. Но многіе были до такой степени изнурены почти суточной непрерывной борьбой со штормомъ, что не могли бороться съ прибоемъ, относившимъ пловцовъ обратно отъ берега. На нашихъ глазахъ такимъ образомъ погибло двое.

Я когда-то хорошо плавалъ и рѣшился помочь слабѣйшимъ. Обязавъ себя захваченной нами сильно просмоленной и смазанной ворванью веревкой, не толще мизинца, я условился съ людьми, чтобы они меня тащили, какъ только подамъ имъ знакъ рукою. Перекрестившись, я бросился въ бурунь и меня сразу потянуло въ море. Очень тяжело было плыть противъ волны, особенно съ веревкой, сильно тащившей книзу, но вотъ попался мнѣ матросъ, уже наглотавшійся воды и пускавшій уже пузыри... Я видѣлъ его безсмысленные оловянные глаза и безтолково поднимающіяся руки... Несчастный судорожно было схватился за меня, но я успѣлъ вернуться и схватить его за волосы, а тамъ съ берега насъ потащили... Одинъ былъ спасенъ!.. Отдышавшись немного, я снова поплылъ и помогъ еще двумъ, но на третьемъ осколокъ доски сильно повредилъ мнѣ ногу выше колѣна, да я наконецъ уже выбился изъ силъ. Но начало было сдѣлано, моему примѣру послѣдовали другіе, и дѣло спасенія наладилось.

Корветъ, однако, покинули не всѣ. По морскимъ традиціямъ, свято сохранявшимся въ морской средѣ, считалось бы величайшимъ позоромъ покинуть совершенно корабль. На бортѣ «Мисемврія» остался защищать священный андреевскій флагъ старшій лейтенантъ Зоринъ, замѣнявшій больного капитана, кажется, Бутакова, и съ нимъ семь добровольно оставшихся матросовъ, состарившихся на корветѣ и считавшихъ его второю своею родиной. Въ случаѣ крайности, если имъ не удастся спастись, они рѣшили взорваться...

Мнѣ память въ этомъ случаѣ досадно измѣнила, и я положительно не помню, какой участи подверглись эти герои, достойные быть занесенными золотыми буквами на страницахъ исторіи...

Но наши испытанія этимъ не кончились. Лучше сказать—они только еще начались... Горцы, умѣло оцѣнивъ наше трудное положеніе и полную изолированность отъ остального отряда, хотѣли воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы уничтожить насъ... Они стеклись въ громадномъ числѣ и переходили отъ времени до времени въ рукопашную. Пришлось верхнее прикрытіе усилить еще одною ротой... Чтобы не быть окончательно смятымъ, майоръ Антоновъ, скрѣпя сердце, рѣшилъ предоставить судьбѣ защиту остатковъ «Мисемврін» и начать отступленіе къ крѣпости. Въ укромномъ мѣстѣ солдаты вырыли могилу, въ которую уложили восемнадцать труповъ убитыхъ и утонувшихъ, верхъ сравняли подъ общій уровень, прикрыли пластами дерна, засадили даже кустиками, чтобы сдѣлать мѣсто погребенія незамѣтнымъ, надѣлали для раненыхъ носилокъ и двинулись обратно. Но положеніе наше становилось прямо-таки отчаяннымъ: слѣва—прибой волнъ, которыя, казалось, разошлись еще болѣе прежняго, справа—почти отвѣсная осыпь, усѣянная горами, и мы принуждены вытянуться узкой лентой почти на версту. Къ довершенію бѣды, замки нашихъ ружей закликали отъ брызгъ, и мы стрѣлять не могли. По счастью, и у горцевъ случилось то же, стрѣлы же ихъ были не такъ опасны, поэтому они поровнили все больше схватываться въ рукопашную, что значительно уравнивало наши шансы.

Истинно говорить пословица: «война родитъ героевъ». Такъ было съ нашимъ поручикомъ Вознесенскимъ. Крайне некрасивый, смѣшной, даже съ виду, онъ въ обычное время совершенно не внушалъ къ себѣ довѣрія, но умный майоръ Антоновъ зналъ, кому поручить дѣло. Онъ приказалъ поручику Вознесенскому прикрыть отрядъ отъ этого параллельнаго преслѣдованія, и вотъ Вознесенскій разомъ выросъ какъ-то, похорошѣлъ даже; рѣшительнымъ, громкимъ голосомъ онъ началъ отдавать команды, и разомъ всѣ почувствовали надъ собою умѣлую руку. Въ одномъ опасномъ мѣстѣ, гдѣ затаились горцы, думая намъ устроить бойню, этотъ молодецъ съ нѣсколькими десятками такихъ же удалцовъ выдвинулся впередъ, бросился на непріятеля, мигомъ перекололъ большую часть, а прочую обратилъ въ бѣгство и, пропустивъ отрядъ, сталъ самъ отходить подъ натискомъ насѣдавшего непріятеля... Но мы продолжали нести потери. Убитыхъ было болѣе пятидесяти, а раненыхъ втрое болѣе... Почти весь отрядъ превратился въ носильщиковъ. Не доходя съ версту до Варны, къ намъ вышелъ отрядъ Резануйлова, давшій намъ возможность вздохнуть свободнѣе.

Отъ души мнѣ было жаль напрасной гибели необыкновеннаго красавца и прекрасной души молодого человѣка графа Вацлава

Ржевускаго. При отступленіи онъ былъ раненъ въ колѣно, и его несли на носилкахъ, сдѣланныхъ изъ ружей и шинелей. Я шелъ рядомъ съ нимъ, и онъ, несмотря на страшную боль, а можетъ быть, желая заглушить ее, громко распѣвалъ французскія пѣсенки, а потомъ сталъ мнѣ рассказывать про одно изъ своихъ многочисленныхъ любовныхъ приключеній, отъ которыхъ онъ собственно и бѣжалъ на Кавказъ... Оставалось еще какихъ-нибудь сажень сто до совершенно безопасной полосы, какъ вдругъ, вѣроятно, девятая волна набѣжала и смыла насъ нѣсколькихъ человекъ и графа въ томъ числѣ... Намъ всемъ удалось одолѣть отливное теченіе, а Ржевускаго съ его разбитымъ колѣномъ унесло въ море. Два матроса бросились за нимъ и имъ удалось его вытащить, но уже мертваго... А онъ будто предчувствовалъ свой конецъ, говоря, что боится въ жизни только двухъ вещей: ревнивой женщины и бующаго моря...

Да, тяжелыя, незабываемыя минуты пришлось намъ пережить въ этотъ день 31-го мая!.. Въ лагерѣ насъ встрѣтили, какъ воскресшихъ. И правда, нужно почестъ за чудо, какъ мы не погибли все до единого.

Кому горе, кому радость: за это дѣло я былъ награжденъ именнымъ, т. е. по особому представленію, солдатскимъ Георгіевскимъ крестомъ (№ 72226),—моя первая боевая награда, которою я имѣлъ право до нѣкоторой степени гордиться... Кромѣ того, на ряду съ другими я получилъ еще: «рубль ассигнаціями, чарку вина и фунтъ рыбы»...

За перенесенные труды отрядъ майора Антонова былъ освобожденъ генераломъ Симборскимъ на нѣсколько дней отъ всякихъ нарядовъ.

Весь іюнь прошелъ у насъ въ крѣпостныхъ работахъ, причемъ непріятель бездѣйствовалъ и даже пытался завести съ нами торговля сношенія. Внизу между водопойнымъ мѣстомъ, защищеннымъ блокгаузомъ, и спускомъ изъ крѣпости была обширная площадь, на которую въ извѣстные дни собирались горцы со своими сельскими продуктами и издѣліями и горскіе евреи съ мелкимъ товаромъ.

На этихъ базарахъ, называвшихся также майданами, можно было купить превосходные фрукты, культивировавшіеся горцами по лѣсамъ на дичкахъ, медъ въ сотахъ, мѣстнаго издѣлія тканые ковры, копченый сыръ, кукурузную муку, разную живность—барашковъ, молодыхъ бычковъ, куръ, утокъ, иногда битаго оленя, козла, медвѣдя, а разъ убыхи приволокли на лямкахъ кабана. Они, вѣроятно, думали посмѣяться надъ нами, на самомъ же дѣлѣ выгодно его продали. У горскихъ евреевъ можно было купить хорошаго турецкаго табаку, ситцу русскаго и англійскаго издѣлія, превосходный ромъ, коньякъ и даже нѣкоторыя испанскія и французскія вина. Этотъ послѣдній товаръ и табакъ шли очень ходко.

Но нельзя сказать, чтобы цѣны стояли очень низкія. Наименьшая ходячая монета была абазъ, двадцать копеекъ, все равно какого бы чекана она ни была, грузинскаго, русскаго, турецкаго, лишь бы подходящаго размѣра и съ рельефнымъ изображеніемъ чего-нибудь, и, наконецъ, «манэть», т. е. рубль. Горцы принимали только серебро и золото, а еврей мѣдь, даже и ассигнаціи, валюту которыхъ постигли очень скоро. Такъ какъ меньшей размѣнной монеты не было, то сдачи не полагалось, а приходилось пріобрѣтать столько предметовъ, сколько удавалось торговать на абазъ или манэть. Покупаешь, напримѣръ, курицу, просить абазъ, но, конечно, это дорого, а потому торгующиваешь двѣ-три курицы на этотъ абазъ. За бутылку рому просить еврей манэть, въ концѣ выторгующиваешь на манэть нѣсколько бутылокъ, да еще халвы или большую жменю табаку. Фруктовъ на абазъ набирали столько, сколько могъ унести одинъ человѣкъ и т. п.

Безденежье солдатъ вынудило нѣкоторыхъ къ поддѣлкѣ, но довольно оригинальной, специально для «гололобыхъ», какъ говорили потомъ виновные. Нашлись такіе ловкачи, которые ухитрились въ гипсовыхъ формахъ вылить изъ какого-то особаго сплава комбинацію изъ греческой монеты съ одной стороны, а съ другой изъ персидской или грузинской; получалась очень красивая монета, которую по блеску и по звону было очень трудно отличить отъ настоящей, но только она легко ломалась пальцами... Вначалѣ эта фальшивая монета очень шла бойко, но когда обманъ раскрылся, то разобиженные горцы перестали ѣздить. Спрошенныя о причинѣ, они рассказали, и дѣло такимъ образомъ раскрылось. Начальство, чтобы не поощрять подобнаго рода индустріи между солдатами, порядочно-таки наказало фальшивомонетчиковъ, если мнѣ помнится, то даже шпицрутенами. Любопытнѣе всего, что эти фальшивыя монеты курьеза ради охотно пріобрѣтались, какъ рѣдкость, офицерами и покупались за настоящій абазъ и даже дороже. Случайно у меня долго хранилась подобная монетка съ разными сторонами. Иногда я шутилъ съ нѣкоторыми нумизматами, предлагая имъ пріобрѣсть рѣдчайшую монету «уникумъ»...

Оригинальность этого торжища заключалась въ его военномъ, чисто боевомъ характерѣ. Торговцы пріѣзжали съ восточной стороны. Дежурные по базару распредѣляли ихъ въ одну линію, спиной къ лѣсу. Сзади нихъ въ двухъ-трехъ пунктахъ становились двѣ-три полуроты, имѣя ружья въ козлахъ. Между торговцами и покупателями оставлялась шаговъ пять шириною нейтральная полоса, что-то въ родѣ улицы, по которой ходили базарные дежурные и переводчики изъ грековъ. Торгъ велся черезъ улицу, объяснялись коверканными словами и мимикой, въ сложныхъ случаяхъ прибѣгали къ переводчикамъ. Когда приходили къ соглашенію, покупатель выходилъ впередъ, бралъ товаръ и платилъ деньгами.

Говоря о переводчикахъ, мнѣ вспоминается одинъ весьма странный субъектъ, появившійся какъ-то съ горцами. Его повязка на головѣ, будто раненой, скорѣе говорила о желаніи скрыть лицо. Говорилъ онъ по-горски очень бойко, по-русски же съ дѣланнымъ акцентомъ, причемъ иногда забывалъ свою роль и переходилъ на чисто русскій говоръ... Откликался онъ на имя Гуссейнъ, солдаты же его прозвали Гусейнъ Ивановичемъ, а потомъ Гусъ Ивановичемъ, а не то просто «гусемъ лапчатымъ». Былъ онъ, несомнѣнно, очень хорошо грамотенъ, читалъ бѣгло и писалъ также... Однажды онъ попросилъ у солдатъ чернаго хлѣба, а въ другой разъ гречневой крупы. То и другое было ему дано съ охотой. У убуховъ онъ пользовался большимъ почетомъ, а русскіе на него смотрѣли съ недовѣріемъ, даже со страхомъ, за глаза же говорили съ пренебреженіемъ:

— Безпремѣнно, бѣглый какой-нибудь... Но мало ли какое могло съ нимъ несчастье приключиться, а бѣда въ томъ, что онъ вѣру ихъ принялъ, а нашу продалъ... А все же, поди, по черному хлѣбцу да по кашѣ, матери нашей, стосковался... Онъ хоть и перевертень, а все же русскаго видать...

Евреи вели свою торговлю съ цѣлями наживы, горцы же, подъ предлогомъ барашка или фруктовъ, пріѣзжали самъ-десять и старались высмотрѣть что-нибудь для себя полезное. Одинъ изъ нихъ довольно равнодушно велъ торгъ, а остальные упорно смотрѣли на крѣпость и блокгаузъ и о чемъ-то все время говорили между собою.

Никто изъ насъ не сомнѣвался въ томъ, что они шпионили и готовились къ чему-то. Въ іюлѣ, дѣйствительно, ихъ пріѣзды значительно сократились, и возобновились нападенія, то на нашихъ дроворубовъ, то на пасущійся скотъ. Наконецъ, они получили изъ Турціи нѣсколько орудій и на одной командующей возвышенности, противъ нашего восточнаго фаса, устроили батарею, изъ которой начали бомбардировку крѣпости. Но эта попытка вызвала у нашихъ одинъ только смѣхъ. Артиллеристы, повидимому, были очень неважные, снаряды ихъ рѣдко попадали въ крѣпость и еще рѣже рвались. Подъ конецъ у нихъ даже вышли чугунныя ядра, и они ихъ замѣнили каменными, производившими особый гулъ и свистъ, за что солдаты ихъ прозвали «черкесскими соловьями». Какъ ни странно, но этими ядрами, разсыпавшимися при паденіи въ куски, у насъ было ушиблено нѣсколько человѣкъ.

10-го іюля, подъ начальствомъ майора Радкевича, командира батальона Тифлискаго полка, недавно къ намъ прибывшаго, была сформирована колонна для уничтоженія этой непріятельской батареи. Я попрежнему вызвался въ охотники.

Отрядъ выступилъ еще до разсвѣта, стараясь окольными путями пробраться къ верхней площадкѣ. Намъ это почти удалось, такъ что непріятель насъ обнаружилъ лишь у самой батареи. Скры-

ваться ужъ было нечего, охотники крикнули «ура», которое подхватилъ весь отрядъ, и всѣ плотной массой полѣзли вверхъ.

Охотники первые очутились на полянѣ, и горскіе артиллеристы, не успѣвшіе зарядить орудія картечью, бросились при нашемъ появленіи наутекъ. Мы захватили орудія и, успѣвшись на нихъ верхомъ, махали фуражками и кричали «ура». Особенно торжествовалъ одинъ изъ разжалованныхъ офицеровъ, думавшій этимъ вернуть свои утраченные чины. Но пришелъ какой-то другой офицеръ, грубо согналъ охотниковъ и велѣлъ своимъ людямъ подхватить орудія на лямки, посредствомъ которыхъ горцы накатывали орудія на мѣсто. Эта пушка, какъ трофей, переходила теперь къ этому офицеру, могшему по статуту даже получить георгіевскій крестъ. Интересно знать, получилъ ли онъ орденъ за то орудіе, которое онъ отбилъ не у непріятеля, а у своихъ же охотниковъ?.. Другая пушка, подбитая нашими выстрѣлами, оказалась не на колесахъ, а на станкѣ, почему майоръ Радкевичъ приказалъ забить ершъ въ запалъ и сбросить ее въ кручу. Затѣмъ отрядъ прошелъ еще немного вверхъ, люди собирали порядочное количество превосходныхъ фруктовъ, росшихъ въ лѣсу, а также бортовыхъ сотовъ, и начали отступление. Тутъ убухи пробовали отплатить намъ, нападая на аррьергардъ, но потери наши, кажется, были очень незначительны.

Этимъ закончились боевыя дѣйствія нашего отряда на берегахъ рѣки Сочи-Пста. вмѣстѣ съ тѣмъ окончились и земляныя работы въ укрѣпленіи: валы, батареи, погреба, главнѣйшія зданія. А остальное могло быть достроено самимъ гарнизономъ.

Можетъ быть, именно потому, что въ этомъ Сочи мнѣ пришлось такъ много пережить, я его покидалъ не безъ грусти. Въ іюлѣ мѣсяцѣ намъ на смѣну пришли другія части, и нашъ отрядъ былъ снова посаженъ на суда и перевезенъ въ Сухумъ. Доктора считали для отряда гибельнымъ движеніе въ жаркое время по низменной и болотистой части Мингреліи, а потому насъ поставили, по несчастному предложенію кутаисскаго гражданскаго губернатора Ахлестышева, въ Келасурахъ, хотя были здѣсь мѣста несравненно болѣе здоровыя. И вотъ въ отрядѣ началась ужасающая заболѣваемость, со смертностью по сорока человѣкъ въ день. Болѣли особенно острой формой лихорадки, начинавшейся крайне упорной сонливостью въ теченіе нѣсколькихъ дней и кончавшейся обыкновенно столбнякомъ, послѣ котораго слѣдовала смерть. О хинѣ тогда еще и помину не было на Кавказѣ, но какія-то омерзительныя микстуры давали. Главными мѣрами тогда считались предупредительныя, заключавшіяся въ томъ, чтобы не ѣсть сырыхъ фруктовъ и не выходить изъ палатокъ на закатѣ солнца, такъ какъ вечерняя роса будто бы носила въ себѣ заразныя начала. Въ нашей ротѣ соблюдались эти предосторожности, и, дѣйствительно, заболѣваемость у насъ была наименьшая.

Въ серединѣ августа, къ необычайной нашей радости, получился приказъ выступить полкамъ по штабъ-квартирамъ. Эриванскій полкъ поднялся первымъ, но всего лишь въ количествѣ не болѣе четырехсотъ человѣкъ, остальные двѣ тысячи были разсѣяны по Сухумскому, Бомборскому и Гагринскому госпиталямъ, но много также лежало и въ сырой землѣ... Не даромъ солдаты прозвали Келасури «отряднымъ кладбищемъ»... Къ началу осени мы вернулись на Манглисъ.

Къ характеристикѣ тогдашнихъ почтовыхъ порядковъ можно было бы прибавить то, что многія мои письма получены были значительно позже нашего прихода, а вѣдь мы шли пѣшкомъ...

А. Ф. Рукевичъ.

На этомъ кончаются записки отца. Дальше идутъ отрывочныя замѣтки о различныхъ эпизодахъ, военныхъ бытовыхъ сценахъ и мысли о воспитаніи солдатъ. Послѣднія настолько оригинальны и во многихъ случаяхъ правильны, что могли бы, не безъ интереса для даннаго вопроса, быть обнародованными.

Дальнѣйшая служба отца въ общихъ чертахъ протекала такъ. Въ 1839 году за отличіе въ Шекинскомъ отрядѣ, подъ начальствомъ того же генерала Симборскаго, отецъ былъ произведенъ въ прапорщики и дальнѣйшую свою службу провелъ большею частью въ Эриванскомъ полку, гдѣ перебивалъ на всѣхъ должностяхъ, начиная съ батальоннаго адъютанта, кончая батальоннымъ командиромъ. Кромѣ того, былъ бригаднымъ адъютантомъ, адъютантомъ князя Барятинскаго, въ бытность его начальникомъ Лезгинской линіи; въ 1863 году назначенъ командиромъ 151 Пятигорскаго пѣхотнаго полка, а въ 1869 году произведенъ въ генералы съ назначеніемъ помощникомъ начальника 21-й пѣхотной дивизіи (генерала Геймана). Въ 1892 году онъ умеръ въ чинѣ генералъ-лейтенанта въ городѣ Екатеринодарѣ и похороненъ по собственному желанію на православномъ кладбищѣ.

За годъ до смерти онъ тихо отпраздновалъ свою золотую свадьбу съ тою самой дѣвицей Маріей Аксеновой, которая нѣкогда ему посылала провизію на походъ и общала молиться за него. Матушка моя не на много пережила отца и похоронена въ Тифлисѣ.

Михаиль Рукевичъ.

1912 г. Екатеринодаръ.

